

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2015

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пырков – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Владимир СКИФ. **Передний край** 3

ОТРАЖЕНИЯ

Виктор БИРЮЛИН. **Возможность горизонта** 9

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Николай СЕМЁНОВ. **Нетипичный дневник. Рассказы о войне**19

Виктор ШЕПТИЦКИЙ. **Мой день Победы**31

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

Борис ОЗЁРНЫЙ. **Письма с фронта**49

СТАТЬИ

Галина РОГОЖИНА. **«А я ни разу не был на войне...»**57

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Юрий ДМИТРИЕВ. **О суворовском училище**68

Виктор ШЕПТИЦКИЙ. **1945 год. Начало**80

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Светлана ДУРНОВА. **«В сорок первом памятном году...»**82

«Когда окончится война...»85

ПОЭТОГРАД

Александр ЛАЙКОВ. **Я пилотку сошью из травы на кургане...**89

ОТРАЖЕНИЯ

Игорь СОЛОВЬЁВ. **Дымка над полигоном**96

ПОЭТОГРАД

Руслан КОШКИН. **В этой вере я не одинок...**109

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Александр РЕДЬКОВ. **Дорога к дому**115

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Алексей ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. **Стихи о войне**133

Владимир КАНТОР, Владимир КОРМЕР. **Посланный в мир**135

В МИРЕ ИСКУССТВА

Алексей ГЕРАСИМОВ. **Музы не молчат, когда гремят пушки**165

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Анна МОРКОВИНА. **Библиотека М.И. Рудомино**173

В МИРЕ ИСКУССТВА

Жанна САПОЖНИКОВА. **Летописец военных будней**190

**Владимир
СКИФ**

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я час назад проснулся. Замер.
И, словно сам себе чужой,
Лежу с открытыми глазами,
Лежу с распахнутой душой.

Пытаюсь мир вернуть из боли,
Пытаюсь эту боль постичь.
Из боли, будто из неволи,
Я боевой бросаю клич.

Я жду победы, жду успеха...
Я крикнул, кажется, в зенит.
Но – тишина в ответ, лишь эхо
Над спящей Родиной звенит.

Рассвета порванное знамя
Сгорело над страной большой...
Лежу с открытыми глазами,
Лежу с обугленной душой.

-
- Владимир Петрович Скиф – поэт, литературовед, пробовал свои силы в жанре пародий. Родился в 1945 году на станции Куйтун Иркутской области. Окончил Тулунское педагогическое училище и Иркутский государственный университет. Работал учителем, художником-оформителем, художественным руководителем Дома культуры, руководителем творческого объединения молодых писателей.

Публикуется на страницах многих московских и российских журналов и альманахов: «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Сельская молодёжь», «Академия поэзии», «Братина», «Юность», «Сельская новь», «День поэзии», «Всерусский соборъ», «Родная Ладога», «Сибирские огни», «Подъём», «Гостиный двор», «Врата Сибири», «Кубань», «Енисей», «Доля», «Затесь», «День и Ночь», «Земля сибирская, дальневосточная», «Простор», «Аргамак», «Бийский вестник», «Иркутский Кремль», «Первоцвет», «Байкал», «Дальний Восток».

Лауреат Всероссийской литературной премии им. П.П. Ершова. Член Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь» (Иркутск). Живёт в Иркутске.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Господа офицеры, да что же такое стряслось?
Господа офицеры, да как же такое случилось?
Нашу Родину шпагой пробила Вселенская ось
Или сил сатанинских несметная рать ополчилась?

Господа офицеры, не надо стреляться во рву!
Господа офицеры, сумеете сберечь револьверы!
Я судьбу, как ромашку, горячею пулей сорву,
Но в себя не пальну. Надо жить, господа офицеры.

Господа офицеры, сходитесь на доблестный круг.
Господа офицеры, есть имя святое – Россия!
Снова танки – навывлет – пробил русскую грудь,
Снова русскою кровью родные поля оросили.

Господа офицеры, не бойтесь опальных знамён.
Господа офицеры, гражданскою веет войною.
Снова делят Россию – Россия летит под уклон
Со своею судьбой, со своею бедой и виною.

Господа офицеры, и всё же седлайте коней!
Господа офицеры, и всё же достаньте патроны!
А начнётся война, вас не будет на свете сильней.
Не отступите вы, и не будет иной обороны.

Господа офицеры, вас помнит победная Русь!
Господа офицеры, в вас верит больная Отчизна!
Позовите меня! Я на клич боевой отзовусь.
Никого не предаю! Буду верным и в смерти, и в жизни!

Моя земля – она едина,
Неразделима на куски.
Моя земля – песок и глина,
Источник веры и тоски.

Моя земля – она живая,
В ней теплота материка.
Деревьев крепь сторожевая
Восходит прямо в облака.

Я в этом мире многомерном
Как будто ветка на стволе.
Я для своей России верным
Всегда останусь на земле.

Моя земля покрыта прахом
И вдовьей горькою золой.
Летит душа орлиным взмахом
Над потрясённую землёй.

Ей в горе жить невыносимо,
Ей тяжело стонать во мгле...
Моя любовь невыразима
К моей истерзанной земле!

СТОРОЖ

В нём живут пустые коридоры,
Тьма ночная, чуткая, как рысь.
В нём живут смоленские просторы,
Те, что в детстве Родиной звались.

Сторож долго и неслышно ходит
В беспросветной, серой полумгле,
То в сторожке боль свою находит,
То в разбитом немцами селе.

А село он строил честь по чести
В довоенном памятном году,
В городе отыскивал невесте
Дорогую длинную фату...

Но война загромыхала мглисто,
Догорели избы в темноте,
И невесту плотника фашисты
На её повесили фате.

...Покупаю два сырка на сдачу
К чёрному, убойному вину
И сижу со сторожем и плачу,
Проклиная давнюю войну.

Как в землянке, полыхает плошка,
Валит снег над городом густой,
И обвита бедная сторожка
Скрученной белой фатой.

КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK

Изъела души, искромсала,
Как будто ржавчина, война.
Висит у каждого вокзала
Беззвучным взрывом тишина.

В той тишине, глухой, как вата,
Навеки запечатлены
Тот эшелон и те ребята,
Что не вернулись из войны.

Тот эшелон, как на экране,
Завис в кромешной тишине.
И пули те июньской ранью
Летят пока что в стороне.

Там раскалённые, как тигли,
Снаряды не разорвались,
Сердец осколки не достигли
И бомбы воем не зашлись.

Не слышно стука эшелона,
Но жив тот Первый Эшелон!
Он до последнего вагона
В солдатских снах запечатлён.

В нём горьких песен не допели
И не допили кипяток.
Горит не смятый в канители,
В петлицу вставленный цветок.

Солдату долго будет сниться
Цветок дарившая рука...
...Цветок в могиле сохранится,
Окаменеет на века.

Пройдут года. Наступит дата,
Когда взойдёт у трёх дорог
Над прахом Русского Солдата
Высокий каменный цветок!

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Среди горящих в поле злаков,
Среди разбитых взрывом свай
Он был повсюду одинаков –
Передний край, передний край.

За ним в штабах следили в оба.
Высотка, мельница, сарай
На карте значились особо:
Там проходил передний край.

Нависла смерть над отчим краем,
И здесь пути не выбирай...
Но мы всё чаще выбираем
Передний край, передний край.

Полк основной и полк резервный
Шли прямым в небесный рай...
Из пулемётов бьёт по нервам
Передний край, передний край.

Передний край завис над Летой...
Из сердца как ни выдирай,
Останется кровавой метой –
Передний край, передний край.

МОЛИТВА ПЕРЕД БОЕМ

Солдат молился перед боем
У русской жизни на краю,
Спасая смертью и любовью
Отчизну горькую свою.

Он обладал сердечным зреньем,
Он видел: русская тропа
Упёрлась в край родной, в селенье,
Где тлела отчая изба.

В полях ночные травы меркли,
Спал батальон береговой.
Среди страны, как среди церкви,
Стоял солдат ещё живой.

Дышала взорванной утробой
Земля, на ранах – клевер, лён.
Солдат встречал врага не злобой,
А верой в русский батальон.

Вставало солнце в чёрном поле,
Не зная, дальше как идти.
Солдат – печальник русской доли –
Свой автомат прижал к груди:

– Земля, у Господа все живы.
Не бойся!
К брустверу припал,
Шагнул под яростные взрывы –
И в вечность тёмную упал.

СТАРЫЙ ОКОП

Следы войны у Перекопа
Ещё совсем не заросли.
Ещё жива душа окопа,
Душа израненной земли.

Садится память, словно птица,
На бруствер в мягком ковыле.
Окопу вновь сегодня снится
Ладонь, приникшая к земле.

Жива сапёрная лопата,
Живёт надрывное «Ура!»
Прорыта в памяти солдата
И в тёмной Вечности дыра.

Там сотни пуль, не разлучаясь,
Как семена лежат во рву.
И, над убитыми печалась,
Склоняет Родина главу.

Там думы старого окопа
Живут на самом-самом дне:
И смертный бой у Перекопа,
И переправа на Двине.

Неужто сон окопу снится?
Он и сейчас в сплошном дыму:
Горит окоп, горит граница
И в Приднестровье, и в Крыму.

Комбат с открытыми глазами
Лежит на выжженной меже.
Чернеет кровь. Алеет знамя
В разбитом бомбой блиндаже.

ПАМЯТЬ

В Москве державной
женщина сидела
совсем одна
на площади огромной
у молодого
Вечного Огня.

Сидела,
как сидят обыкновенно
озябшие,
заброшенные люди
среди тайги
у рыжего костра.

Сидела Память
в старом полушалке
времен войны
и в платье домотканом,
окрашенном
в неяркие цвета.

Сидела Память –
женщина седая –
совсем одна
на площади безлюдной
и, словно сына,
гладила Огонь.

**Виктор
БИРЮЛИН**

ВОЗМОЖНОСТЬ ГОРИЗОНТА

Эссе

БУДАНОВА ГОРА

Едешь из Саратова в сторону Красного Текстильщика. Мимо проплывают старинные сёла. Сквозь обступившие дорогу посадки проглядывают яблоневые сады, поля и овраги. Иногда вдали покажется Волга с островками. И вдруг среди равнины возникает гора с плоской вершиной. Народная молва, как принято в наших краях, связывает название горы с разбойником Буданом, спрятавшим награбленные сокровища в её недрах. Многие их искали, но, как водится, не нашли. Гора манит к себе. Заезжаю на неё по пологому южному склону.

Может быть, Буданова гора была когда-то островерхой. Но проходивший мимо в весёлом настроении воин-великан, играя силушкой, смахнул мечом её верхушку. Прошло время. Срез затянулся разнотравьем. Ямы от ног великана, спясавшего, видно, победный танец на месте своего богатырского взмаха, укрылись кустарником, дикими яблонями и грушами.

Сверху видно и блестящую на солнце великую реку, и белые высотки Саратова, и рассыпанные тут и там пёстрые кубики сёл и дачных посёлков, и серый пояс железной дороги, и широкие зелёные долины, сбегаящие к той же Волге. Кажется, стоит раскинуть руки – и ветер унесёт тебя прямо к густым облакам. Оттуда, верно, увидишь сразу половину Земли.

Но постепенно нарастает чувство тревоги. Вокруг никого. Сильный ветер глушит звуки. Привычный мир, из которого только что приехал, начинает отстраняться

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году в городе Астаре в Азербайджане. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор многих прозаических, литературно-критических и публицистических книг. Печатался в журналах «Волга», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Волга–XXI век», «Сура», «Иные берега» (Финляндия), альманахе «Порт-Фолио» (Канада). Живёт в г. Саратове.

от тебя, становится далёким, чужим. Какое ему дело до разгуливающих по одинокой горе на одной высоте с парящими птицами? И уже хочется вниз, где не сорвёшься, зазевавшись, с обрыва.

С дороги Буданова гора напоминает и заколдованную голову богатыря из пушкинской сказки. Дышит, живёт, но не может сдвинуться с места, храня в себе тайну своей и общей жизни.

ПАСЕЧНИК С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

В сельской глубинке, на краю берёзовой рощи, в окружении лугов и пашен раскинулась пасека ульев на семьдесят. На пасеке вас встретит высокий, ладно скроенный, ловкий в движениях сорокалетний красавец-мужчина. «Костя», – представится он. И улыбнётся тепло, открыто, как улыбаются люди, знакомые, по крайней мере, со школьных лет.

Костя расскажет вам о жизни и смерти пчёл. Поймает трутня и объяснит его отличие от рабочей пчелы. Покажет и воскоотпки собственного изобретения, и роёвни, закинутые до времени на деревья, и вырезанную на всякий случай дубину. Проводит к гнезду зяблика рядом с пасекой. Угостит чаем, заваренным с чабрецом и зверобоем, тут же мимоходом сорванными. Предложит к чаю целое ведро медовых обрезков. Восседая с сияющими глазами возле шаткого столика из ящика и досок, он в довершение наглядно покажет и свою весеннюю прививку от пчелиных укусов. На лету поймает пчелу, кажется, специально к нему подлетевшую, приставит к тыльной стороне ладони, подержит немного и выдавит жало.

Костя легко переносит дожди, холода, комаров, одиночество и ночь непроглядную. Главное, чтобы утром солнце не подвело. Всего важнее для Кости и его пчёл проснуться пораньше и с ходу взяться за привычное, любимое дело, которое кормит семью и с которым не собьётся с дороги.

Рассказ хозяина пасеки вместе с близким незамолкающим гудением и мельтешением завораживает. И уже сам хозяин, с его неутомимостью, приятно гудящим баритоном, кажется вам большой доброй хозяйственной пчелой. А его выдавшая виды будка – ещё одним ульем, только тоже очень большим.

Будь его воля, Костя полетал бы со своими пчёлами. Ради удовольствия увидеть сверху блеск цветущих полей, почувствовать зов нектара, ощутить брюшком желанный атлас медоносов и вернуться домой, обременённым сладкой тяжёлой добычей. Может, подобное желание возникает и у лётчиков. Желание самому взмахнуть в небо, не в железной капсуле с приборами управления, а, подобно птицам, свободным в своём полёте.

Внутри деловито жужжащего пчелиного мира не верится в его предрекаемую учёными гибель. Но если до этого дойдёт, то изумлённым взорам людей однажды предстанет летящий рой во главе с человеком. Это Костя поведёт пчёл в края, свободные от болезней, бескормицы и человеческой жадности. Они будут лететь не останавливаясь, пока не доберутся до своего вечного медового пути.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Листок яблони появляется из весенней почки, подобно младенцу из материнского лона. И вынашивается он почкой столь же долгий срок. Листок появляется на свет нежно-зелёным, липким, пахучим и остаётся преданным яблоне до конца своих дней. Он жадно вбирает в себя идущие из земли соки и льющийся сверху солнечный поток. И неудержимо растёт, набираясь сил для предстоящего ежедневно-го труда. В этом он больше похож на прежних деревенских ребяташек: они недолго играли в куклы и салки, быстро впрягались в общий семейный воз.

Большому тёмно-зелёному листку забот и хлопот хватает. На его попечении яблоня, её плоды, требующие питания, свежего воздуха и солнечных лучей. И листок трепещет, носится с веткой по ветру, глотает пыль, омывается дождями, терпит острые птичьи коготки.

Случаются у него и тихие часы отдыха, когда воздух замирает, погружая всю садовую округу в состояние райского блаженства. Тогда он счастлив и радуется, как может радоваться только уставший листок.

Между тем плоды налились, начинают желтеть и краснеть. Подходит наконец пора их сбора. На изработавшемся листке проступают коричневые пятна. Он уже не так упруг, скорее, жестковат и хрупок. Наступает осень и его жизни.

Ему есть о чём вспомнить. А многих его братьев и сестёр давно нет рядом. Кого-то съели гусеницы, других унесло июльским штормовым ветром, кто-то оказался на ветке, мешавшей садовнику.

Солнечные лучи греют слабее, ночной холод ощутимее. Зябко листку, он чувствует свою бесполезность. Рядом с ним выросли и заматерели новые почки. Плодов уже нет, а новым почкам, бережно вынашивающим будущие листья, он не нужен.

Но листок, как и человек, не уходит из жизни по собственному желанию. Для этого требуется сильный порыв ветра, долгий осенний дождь или ударивший ночью мороз. И тогда листок отрывается от ветки и падает вниз.

Как и люди, он просто падает на землю там, где его застала смерть. Он не летает, кружась, подобно киношным героям, успевающим перед падением совершить несколько картинных телодвижений. И если его подхватит ветерком, что ж, пусть люди полюбуются его кружением. Листку всё равно.

Взял такой листок, занесённый в угол террасы, в руки. Коричнево-палевый, сохранивший свою форму, но уже наполовину просвечивающий от ветхости. Похожий на все остальные листья, покрывшие землю в ноябрьском саду.

ВИДЕНИЯ В ОСЕННЕМ САДУ

В поздний осенний день, ещё светлый, не слишком холодный, но уже пустынный, в саду, бывает, как наяву увидишь родных тебе людей, гулявших, хлопотавших здесь погожим летним временем.

То почудится, что Тима пробежал с палочкой в руке, что-то, как обычно, напевая. Куда он бежал? Наверное, к качелям за баней. Там, в тени яблонь, его ждут улыбающийся двоюродный братик Никитка, с большим мячом в руках, и добродушный шарпей Ричи, устроившийся на прохладной травке.

Собираешь упавшие незрелые зимние яблоки и на автостоянке из щебня с проросшей травой вдруг представишь Ванюшку, неторопливо укладывающего в багажник рыболовные снасти.

Посмотришь в сторону холма – погрезится, что под дубом возится с жуками-оленями дядя Боря, приехавший погостить на недельку из далёкой Эстонии. В руках у него фотоаппарат с внушительным объективом.

Воображение разыгрывается. Стоило подойти к беседке, как показалась жена, несущая на большом подносе завтрак для меня. Невольно дёрнулся, чтобы помочь ей спуститься по крутым ступенькам террасы, но видение растаяло.

Зато беседка за спиной наполнилась голосами. Отчётливо донёсся добродушный, со смешинкой голос свата, к нему добавились жизнерадостные интонации сватьи, тонкие, по сути, девчоночьи восклицания невесток и густой баритон Кирилла. Обернулся – но только виноградные подсохшие листья прошелестели под порывом ветра.

Вспомнилось, как украсил наши застолья в беседке старинный абхазский кувшин для вина, доставшийся от приятеля.

Где они, дни семейных сборов с приятными хлопотами и дни разъездов, напоминающие иной раз итальянскую комедию с её суетой и неразберихой?

Давно растаял в зелёных окрестностях дым от мангала. И дым из банной трубы достиг, наверное, высоты, к которой он раз за разом настойчиво и бодро устремлялся.

В вечернем саду тихо. Доносится только слабое стрекотание редких осенних сверчков.

«И КАК ВСЁ САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ...»

Уместны ли некрологи домашним питомцам? Ведь их и хоронят уже зачастую на специально устроенных кладбищах. Может, печатать некрологи животным неэтично или даже безнравственно? Почему же? Неэтично и безнравственно печатать лицемерные некрологи умершим убийцам, вора и проходимцам. Но печатают, ведь бумага всё терпит. А вот память о любимых кошках, собаках и попугаях светла без всяких пятен.

Некрологи животным предполагают краткость, поскольку служебной карьеры у них не было, да и существа они не публичные, за домашним порогом, как правило, неизвестные. Образцом может послужить пример соотечественника, не пожалевшего 30 тысяч евро за страницу в итальянской газете *Corriere Della Sera*. На ней напечатаны большая фотография кота по кличке *EROS* и строчка из компо-

зиции итальянского певца Фабрицио Де Андре: «И как всё самое прекрасное, ты прожил только день, как розы».

Фотография и несколько душевных слов.

Не так и много в память о тех, кто был сокровенной частью нашей жизни, скрашивая её печали, смягчая одиночество.

НА КАНАТНОЙ ДОРОГЕ

Приехал в гости к приятелю в Кисловодск. В необъятном роскошном парке упорно карабкались, скользя по замшелым валунам, вверх до стоянки канатной дороги. И вот уже парим в кабине над впадиной между горными отрогами. Причудливый вид деревьев с высоты птичьего полёта быстро захватывает всё внимание. И санатории раскинувшегося в стороне Кисловодска, и хаотичные движения туристов притягивают взгляд необычным углом зрения, невозможным внизу. Там ты вольёшься в один из людских потоков и лишишься царственного обзора, придающего твоему шаткому положению особенную значительность.

Но вот толчок, другой, кабина немного вздёрнулась и остановилась.

Посидев в кафе на обрыве за бутылкой красного сухого вина, полюбовавшись ещё раз видами покрытого соснами предгорья, причудливыми пещерками природного происхождения, заскользили, как на лыжах, вниз между праздных людей, вековых корней, ярких цветов и солнечных лучей.

А в стороне мимо нас продолжала парить над бездной знакомая игрушечная кабина. Можно было бы назвать её лёгкое движение беззаботным. Если бы не канат, от прочности которого зависел и этот завораживающий глаз воздушный ход, и жизнь доверившихся кабине людей.

ХОРОШЕЕ ЛЕТО

Тихий июньский день. В саду слышны заботливые птичьи голоса – подросшие птенцы встают на крыло. Пахнет скошенной накануне травой и веет лёгким медовым запахом распустившихся пионов. В листьях аквилегии, как в чашечках, собралась влага. По одной жемчужной капле в каждой чашечке.

Потянуло дымом из банной трубы. Вспомнился недавний вечерний костёр, разведённый вместе с внуком. Сидели на лавке и одинаково замороженно смотрели на языки пламени, вырывающиеся из каменного ожерелья кострища.

Окликнула соседка, спросила, как я делаю изюм. Посоветовал ей перед сушкой окунуть виноградные кисти в кипящую воду с содой. Поздоровался с другим соседом, собравшимся на Волгу.

Жду в гости друга. После учёбы он уехал в Прибалтику и прикипел своей охотничьей душой к тамошним лесам и болотам. Вначале охотился с ружьём, теперь всё больше с фотоаппаратом. Увлекался и виндсёрфингом, и поделками из дерева и металла. В последние годы потянулся к путешествиям. Но всё его что-то беспокоит, чего-то всё недостаёт.

Между тем неожиданно по крыше застучал дождик. Начали вздрагивать листья на яблонях. Из малины упорхнули кормящиеся в ней скворцы. Одни воробьи чирикают под застрехой. Впрочем, дождь уже и закончился. Показалось солнце, небо украсило весёлое коромысло радуги. Давно её не было. Вокруг всё сразу посвежело, заблестело.

У ПРИЛАВКА С СУШЁНЫМИ ФРУКТАМИ

Обычный прилавок в современном продуктовом павильоне с высокой стеклянной крышей. На узких полках разложены сухофрукты и пряности. Мимо проходят озабоченные хозяйки, не обращая особого внимания на выставленные лакомства. А у тебя разбегаются глаза.

Конечно, разноцветные цукаты из корок дыни и арбуза, чернослив с масляным отливом, сладчайший урюк, светло-серый загадочный инжир, россыпи изюма всех цветов и размеров, смеси сухофруктов из яблок, слив, груш и вишни тебе хорошо знакомы. Но твой личный вкусовой опыт растворяется у прилавка, над которым время, кажется, замерло. Библейская смоква, или инжир, финики, курага и их соседи по полкам тешат людей с глубокой древности. Верблюжьи караваны и парусники с просмолёнными бортами без усталости перевозили из одного края света в другой тщательно упакованные тюки с плодами жизни. Правда, о них говорят куда меньше, чем о поднятых со дна моря античных амфорах и статуях. Они ведь не исчезали и остались такими же, как и в те давние времена.

От пряностей голова идёт уже кругом. Драгоценные стручки ванили, рогатый имбирь на все случаи жизни, бодрящая корица, ароматный кардамон, целительный чёрный тмин, жгучая гвоздика, заветный шафран! Чудится в них, изысканных и дорогих, блеск сокровищ из сказочных пещер. Редкие в наших кухнях зира, пажитник, куркума и кунжут соседствуют с привычными красным перцем, анисом, кинзой, барбарисом, укропом, петрушкой, мятой и базиликом. И ещё с десятком-другим перетёртых в порошок и заманчиво пахнущих растений, помогающих блюдам раскрывать свои вкусовые богатства. Все они надёжно хранят память о летней огородной зелени.

С трудом отрываешься от созерцания волшебных полок. Кажется, веет от них лёгким ароматом плова и тонким запахом выпечки.

Наконец встречаешься глазами с уже знакомым, улыбающимся хозяином прилавка. Ему лет сорок. Невысокий, со смуглым круглым лицом, и сам весь округлый, уютный. На голове его непрменная тюбетейка. В праздничные дни он бережно держит в руках раскрытый Коран. Обходительный, уступчивый, желающий здоровья, от души благодарящий за покупку и с готовностью выходящий из-за прилавка, чтобы помочь уложить её в пакет. Он тоже напоминает торговца из восточных сказок. Для полного сходства ему не хватает разве что полосатого халата и платка вместо пояса.

– Салам алейкум, Зариф!

– Алейкум салам, дорогой! Что пожелаете?

ПРОСТЫЕ РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

Вернулся из мартовского сада. В саду ещё сплошной снежный полог. Увидев меня, к веранде подлетели воробьи. Порхали по перекладам и бельевым верёвкам, чирикавая в ожидании хлебных крошек. Отзимовали. Когда обходишь тихие дачные комнаты, готовые к новой летней жизни, душа щемит. Сад по-прежнему самое безгрешное место на Земле.

Вечером с сыном ловили рыбу на спиннинг в устье Хмелёвки. Старый камыш срезан льдом. А новые макушки ещё только вышли из воды. Заходящее солнце искало в высоком правом берегу любую щель, чтобы протянуть подальше свои оранжевые пальцы. Сын, рыбацкая душа, раз за разом закидывал спиннинг. А мне достаточно было вновь почувствовать волжскую безлюдную ширь.

Внук может разбросать игрушки, поозорничать, посвоевольничать. Но вот пошли мы с ним вечером гулять. Долго раскачивал его на качелях. Наконец он поинтересовался, почему я перестал приезжать к нему по вторникам и четвергам. Объяснил, что зима прошла, дела в саду появились. «Тогда я буду ждать зимы». Потом неожиданно спросил: «А ты меня любишь?» – «Конечно». – «И я тебя люблю». Наигрались, пошли не торопясь домой.

В день рождения Пушкина открыл «Евгения Онегина». Перечитал письмо Татьяны, последнее объяснение с ней Онегина, вернее, последние слова Татьяны ему, молча стоящему перед ней с напрасной мольбой в глазах, и вновь почувствовал наворачивающиеся слёзы.

Дождь в саду.

Дождь в душе.

Вдруг – ниоткуда – солнца луч!

Аромат жизни.

Это как бокал домашнего вина, впитавшего одно солнце с тобой, дышавшего одним с тобой воздухом. Или как влекущий запах чечевичной похлёбки, встречающий тебя у порога вестником ещё одного тихого домашнего вечера в кругу семьи.

Поехал с утра на кладбище. Навёл порядок на могилах отца и бабули. Посидел возле оградок, посмотрел на родные фотографии, повспоминал.

На обратной автобусной остановке приветливая сверстница заметила у меня на спине гусеницу и заботливо сбросила её.

– Да она же не съест!

– Всё равно, неприятно же...

Позвонила невестка, сообщила, что у внука разболелось ухо. Бедняга. А мы-то считали, что они всей семьёй гостят у своих друзей. Вот так думаешь, что солнце светит, посмотришь в окно, а там дождь осенний по стёклам сечёт.

Всю жизнь человек размышляет о том, что он делает не так. Но что, собственно, простой человек, не облечённый большими властны-

ми полномочиями, может сделать дурного? Да многое, каждый это знает, но делает, греша потихоньку, как правило, себе же во вред.

Просматривая в гостях семейный альбом, невольно задержался на одном из снимков. Пожилой человек сидел в окружении молодых людей с распахнутыми, светящимися глазами. В них отражались их надежды, чувства, даже черты характеров. А его глаза выглядели потухшими и смотрели вниз, выпадая из общего светлого потока.

Раздумья о старости прорастают даже сквозь счастливые мгновения. Дашь слабину – и они явятся во всей своей унылости, неприглядности. Хотя, чего греха таить, уныние охватывает чаще всего от безделья. Недаром же людям заповедано трудиться в поте лица своего.

Впрочем, люди всегда о чём-то грустят, даже когда смеются.

Бывает, упорно добиваешься чьей-то дружбы. И вдруг начинаешь понимать, что тебя манит собственное воображение.

Успокоиться внутренне, пожалуй, труднее, чем дом построить.

Преодолевая ямы на разбитой пригородной дороге, размышляли с сыном о бездарном управлении родной областью. Опять же, что от нас, простых людей, здесь зависит? Мы ни от чего не отлыниваем, работаем в меру своих сил и способностей, голосуем по совести. Как бы то ни было, жаловаться на судьбу не станем. Уж куда лучше радоваться жизни с её цветами и колючками.

ДАЛЁКИХ МОЛНИЙ НЕ БЫВАЕТ

В саду с утра шелестит дождь. Неожиданно со стороны Волги блеснула молния. И сразу, без обычной задержки, раздался оглушительный удар грома. И вновь мерный шум дождя, будто ничего и не было.

Накануне разговорился на автомойке с владельцем дорогой иномарки – хорошо одетым, подтянутым и ухоженным мужчиной лет шестидесяти. Разговор после короткого обмена информацией о растущих ценах на бензин и машины свернул в неожиданную сторону: мы заговорили о превратностях человеческих судеб. И мой случайный собеседник, назвавшийся Анатолием, рассказал историю своей семьи.

– Мои корни в Большой Казачке, что за Калининском, бывшей Баландой. Семья была бедняцкая, перебивались с хлеба на квас. По семейным преданиям, дед, когда дети выросли, собрал всех и сказал: «Расходимся на два года зарабатывать, потом сойдёмся, сложимся и заживём как следует». Сыновья нанялись работниками к богачам, сам дед стал пасти свиней, некоторые из женщин христарадничали. Через два года сложили заработанное и сразу встали на ноги – купили землю, скотину, плуги, бороны и другие необходимые в хозяйстве вещи. Но вскоре грянули революция, гражданская война, а за ними и коллективизация. Вступать в колхоз дед наотрез отказался: «Столько горбачились всей семьёй, а теперь отдавать нажитое чужому дяде?» Его с ещё одним отказником отвезли в кутузку возле Лысых Гор, километров за сорок от дома. Посадили, как говорится, на воду и солому, чтобы взять на измор. Но они не соглашались, сидели, пока

помирать не стали. Тогда их отпустили. Как раз перед посевной. Дед идти уже не мог, попросил молодого сокамерника помочь, мол, потом родня расплатится. Тот тащил, пока хватало сил. Но тоже ослаб. Еле добрался до села, передал родным деда, где его искать. За ним поехали, нашли на обочине с выклеванными воронами глазами. Но живо-го. Так он слепым и доживал. А младший сын его, мой отец, во время войны попал в плен. Выжил, можно сказать, чудом. На родине отца ещё на три года в лагеря отправили. Правда, ему повезло – строил метро в Москве.

Закончив рассказ, Анатолий пожал мне руку, и мы разъехались каждый в свою сторону. А услышанное всё не отпускает. Не только потому, что произвело сильное впечатление. Из головы не шла дорога между Лысыми Горами и Большой Казачкой, хорошо знакомая и мне. Она и сейчас не везде обсажена деревьями. По обе стороны одни поля, пересыхающие летом русла ручьёв, овраги, где-то за ними крыши редких сёл. Пустынный и в наши дни край.

Неизвестно, где был оставлен дед Анатолия. Примерно на полпути дорога выводит на вершину высокого холма. С него он мог бы увидеть Баланду, за которой рукой подать и до Большой Казачки. Но, скорее, он остался лежать ближе к Лысым Горам. Вряд ли обессиленный односельчанин смог его далеко протащить. Самому бы спастись.

Наверное, поначалу ещё недавно крепкий мужик, привыкший пахать от зари до зари, пытался как-то двигаться вперёд, хоть на карачках, ползком. Но где-то за полдень, когда и весеннее солнце припекает, силы могли его оставить. Тогда он упал на спину или перевернулся на неё, бессознательно стремясь к свету.

Представилось, как дед Анатолия беспомощно лежал, раскинув руки, на покрытой свежей травой обочине. Рядом жужжала одинокая пчела. В небе заливался жаворонок. Ветерок доносил с полей запах влажной земли.

О чём ему думалось?

Может, он звал жену, детей? Вспоминал свою большую деревенскую родню? Может, вся жизнь промелькнула перед ним в одно мгновение? Или ему припомнился запах расцветающей сирени возле лавочки за забором, жар домашней бани с запахом дубового веника, до которых он был большим охотником?

Вряд ли он услышал хлопанье птичьих крыльев, только пронзила его последняя перед забытьём боль от острого клюва, заглушившая приближающийся лошадиный топот и скрип крестьянской телеги со стоящими на ней сыновьями, напряжённо оглядывающими окрестности.

А в моём саду всё ещё идёт дождь. С открытой веранды видны отблески беззвучных далёких молний. Впрочем, далёких молний не бывает.

ВОЗМОЖНОСТЬ ГОРИЗОНТА

Вышел рано утром из зелёной садовой лагуны и налегке отправился к манящему небосклону. Радость охватила, стоило только пройти

несколько шагов по мягкой песчаной колее, поросшей невысокой травой. Небо хмурое, но солнце золотит восток.

Говорят, что до горизонта, если его видимую линию обозначить каким-нибудь деревом или холмом, всего километра три-четыре. Но дойдёшь-то до дерева или холма – горизонт по-прежнему будет впереди. Он похож на взрослого человека, протягивающего ребёнку игрушку, побуждая его двигаться. Каждый раз, когда маленькая рука готова схватить забаву, игрушка отодвигается дальше. И человек опять идёт вперёд, слегка покачиваясь на ещё слабых ножках.

Во время праздной одинокой ходьбы мысли приходят самые неожиданные. Вспомнилась вдруг сцена из недавнего фильма «Ной», в которой небесные стражи говорят: «Мы поможем этому человеку построить ковчег». Подумалось, что всегда найдётся человек, которому стоит помочь.

Дорога вьётся между холмов. Холмистая местность. Звучит обычно. Но вот несколько холмов расположились друг за другом наискосок, и я увидел сразу несколько горизонтов. По одному над каждой вершущкой. Образовалась своего рода прерывистая линия, ведущая к всё более далёким горизонтам.

Как-то разговорились с приятелем о годах и болезнях. Увы, они берут своё незаметно и необратимо. Порассуждав, пришли, однако, к выводу, что дело не столько в годах и болезнях, сколько в ясности мышления, которое редко кому удаётся сохранить до глубокой старости. Но обнадеживает, что кому-то это удаётся.

Ещё говорят, что горизонт всегда у нас под ногами. Только это чужой горизонт. Может, и наш под чьими-то ногами, да за расстоянием не видно. Поэтому горизонт всегда выглядит чистой линией, пусть изломанной холмами или даже горами.

Это как счастье. У каждого оно своё. Например, для жителей Фарерских островов, по их словам, счастье невозможно без тишины, душевного спокойствия, размеренной, понятной жизни. Они хотят точно знать, что будут делать через полгода в четверг. Другие бы от такого счастья заскучали. И всё-таки у каждого оно связано с радостными ощущениями жизни.

Прошёлся немного берёзовой рощей вдоль дороги. Сквозь зелень листвы проглянули лёгкие белые облака на голубом небе. Задышалось легко, пахло лесной свежестью. В высокой траве заметил стайку кормящихся скворцов. Застучал дятел по стволу.словно отбойным молотком прошёлся. Рядом со мной неожиданно «крякнула» иволга и тут же выдала короткую мелодию на флейте.

И опять вышел на припорошённую пылью дорогу.

Наконец она вывела на высокий волжский берег. Великая река широким блестящим под солнцем полотном уходила на север и юг. Кажется, вместе с рекой взгляд дошёл бы до соседних городов, а там и до дальних. За спиной раскинулась давно обжитая земля. А за Волгой – бескрайняя степь. Днём перед бредущими по ней пастухами колышутся марева, а ночью они видят со всех сторон мерцающие таинственные огоньки.

**Николай
СЕМЁНОВ**

НЕТИПИЧНЫЙ ДНЕВНИК. РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШОЙ ВАЛЬС»

Это случилось в середине мая 1943 года. Шли обычные занятия в нашей школе, в том числе и в нашем 6 «А» классе. Как вдруг с улицы раздался чей-то мальчишеский крик: «Немцев ведут, фашистов. Бей гадов!» И ещё: «Давай камней, комьев земли!..»

Урок прекратился. И вот я уже на улице, бросаю камень, потом ещё и удивляюсь тому равнодушию, с которым встречают нашу атаку немцы. Они униженно и подавленно идут дальше по десять человек в ряд. Только слегка заметно колышется их грязно-зелёная колонна. Вид у них безразлично-усталый. Их привезли сюда из-под Сталинграда.

К нам подходит пожилой конвоир, что-то говорит, делает осуждающий жест рукой. И камни как-то сами собой выпадают из моих рук. Я растерян, оглядываюсь назад и вижу Юру Чалова (его отец погиб на фронте). Камней, оказывается, он вообще не бросал. Просто обводил пленных каким-то странным, напряжённым взглядом.

Колонна немцев всё ещё поднимается от берега Волги по Троицкому взвозу, а её голова тем временем уже достигает Пешего базара. Оттуда появляются человек пятнадцать инвалидов войны. С бешеным матом врезаются они в аккуратные немецкие шеренги. Конвоиры пытаются сдержать инвалидов, но всё безуспешно. Я не подхожу туда близко, издали вижу, как над толпой взвизгивает и опускается костыль дяди Тиши из соседнего двора. Потом какому-

-
- Николай Николаевич Семёнов (1930–2014) родился и жил в Саратове. Окончил СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Работал в «Саратовском институте стекла». Автор нескольких книг и значительного числа краеведческих очерков, опубликованных в периодической печати.

то немцу рассекают висок. Кровь заливает бледное лицо, струится по мундиру, капает на булыжную мостовую.

И тогда изменяется настроение людей: инвалиды уходят на своё обычное место около Пешего базара, расходятся зрители. Я чувствую явное облегчение. Больше такого побоища в наших местах не случилось.

Через пару дней на баржах привезли ещё и пленных венгров. Когда колонна проходила мимо, я обратил внимание на высокого исхудавшего пленного венгра. Свою оливкового цвета шинель он нёс в руках, иногда поднимал голову и смотрел далеко поверх передних рядов. Не понимая, что я делаю, я вошёл в колонну и отдал этому венгру свой школьный завтрак – небольшую воблу и кусок хлеба. Он сказал: «Спасибо», достал из шинели потрёпанный бумажник и вручил его мне. Я запомнил пальцы венгра – тонкие и удлинённые, может быть, пальцы пианиста или математика. Когда я раскрыл бумажник, то нашёл там несколько мелких алюминиевых монет. Подумал: видно, он хранил их как воспоминание о своей родине.

Стало известно, что один из лагерей для военнопленных под названием Елшанка устроили около одноимённой пригородной деревни в теперешнем Ленинском районе. Здесь были организованы работы по прокладке второй линии Елшанского газопровода, а также в районе нынешней улицы Буровой разбит лагерный огород. Кроме того, тогда же, во время войны, было начато строительство большого газопровода Саратов–Москва. Большая часть работ по копке траншеи была проделана силами военнопленных Саратовского, Аткарского, Тамбовского и других лагерей.

Размещены были пленные и в отдельных районах Саратова. В одном из них жили немецкие бригады по ремонту мостовых, трамвайных путей и административных зданий. В нашем районе такая бригада начала ремонт мостовой по улице Чернышевского. Немцы вскрывали мостовую, складывали булыжники на обочине, засыпали полотно песком, а потом снова аккуратно укладывали камни, подгоняя их грани друг к другу и постукивая молоточками. Работали восемь часов, без обеденного перерыва, и еды им во всё это время не полагалось. А отдыхать разрешалось в тени около нашего дома. При этом мы, мальчишки, сидя на крыше сарая, задирали немцев:

– Гитлер капут!

Они поднимали головы, рассеянно улыбались и охотно откликались:

– Я, я... Гитлер капут...

Отдыхали немцы и на парадном крыльце нашего дома. Соседка тётя Люба, чей муж был на фронте, распахивала дверь и кричала притворно сердитым тоном:

– Это что ещё такое?..

– Битте, фрау.

И немцы послушно убирали свои кители с крыльца.

«Фрау» тётю Любу такое обращение подкупало, и она кричала ещё что-то уже вполне дружелюбным тоном. Однако сын тётки Любы, Вова, придерживался более строгих взглядов и считал, что немцам

надо устроить акцию возмездия, например, вылить под нашу дверь ведро воды, когда они будут сидеть на крыльце. При рассмотрении деталей его плана выяснялось, что он имел в виду совсем не воду, и говорил так:

– Понимаешь, мы с тобой должны выпить по два литра воды, потом...

Я против акции возмездия, в принципе, не возражал, но конкретно участвовать не соглашался. А сам он дальше разговоров не пошёл.

А однажды случилось вот что. Возвращаясь домой, я встретил во дворе конвоира, который озирался по сторонам:

– Где тут мой Фриц затерялся?

– Тут он, – из открытой двери кухни раздался голос тётки Любы, – третья тарелка жрёт, сейчас борщ снова придётся варить.

– Ну и вояки у вас! – пояснила она конвоиру. – Пришёл, сначала воды попросил, а потом и поест. Четверо детей, показывает, у него дома...

– Я, я, – подтверждал пленный, – фюр клайне киндер. – И показывал четыре пальца.

Вид у него был жалкий: небольшого роста, худенький, нос картошкой, очки на верёвочке, из-за воротника кителя выглядывает грязный рваный свитер.

Каждый раз, когда он съедал очередную ложку, он виновато взглядывал на тётку Любу. А та сегодня была в хорошем настроении: с фронта пришло очередное письмо от дяди Жени, её мужа – военного топографа. Вот так на радостях она и накормила немца.

Между тем стало ясно, что в ближайшие дни пленные заканчивают мостить нашу улицу. И тогда я взял из папиного премиального пайка одну папиросу «Казбек» и вышел из дома. Подойдя к нашему парадному крыльцу, я, сильно стесняясь, отдал её одному из немцев.

– О-о-о, гут-гут, – восхитился тот, – данке шён!

Через минуту я выглянул на улицу из окна наших соседей: немцы курили «Казбек», передавая папиросу друг другу после каждой затяжки.

Уже много лет спустя мне рассказывала о немцах одна женщина, которая во время войны и в послевоенные годы работала мастером в одной из ремонтно-строительных организаций, в частности, была занята ремонтом помещений Саратовского облисполкома. По её словам, она нарадоваться не могла на бригаду военнопленных, которая выполняла штукатурные и малярные работы. Всё аккуратно, чисто, красиво. И с опережением сроков.

«Звали они меня фрау Вера – очень уважительно, были безупречны по части дисциплины. Только один у меня позволял себе огрызаться и даже однажды сказал грубость в отношении советских людей и Советской Армии. Я его тогда предупредила, что если он себе ещё раз позволит такое, то я напишу докладную, чтобы его наказали. Да он и по отношению к другим пленным держал себя вызывающе. Они говорили о нём презрительно, дескать, «наци». А про остальных я ничего, кроме самого хорошего, сказать не могу».

Константин Фёдорович Таланов в сороковых и начале пятидесятых годов работал управляющим Саратовской конторой «Водоканал» и руководил работами по устройству канализации в заводском жилом посёлке на 4-й Дачной. Этот посёлок двухэтажных аккуратных домов, построенных немецкими военнопленными, и сейчас производит хорошее впечатление. Вспоминая то строительство, Константин Фёдорович рассказывал:

«Среди пленных был у меня один человек, который прекрасно разбирался в любых сантехнических работах и которому я доверял как самому себе. Считался он обычным пленным, но выполнял у меня фактически работу мастера – до того точно и безошибочно соблюдал все уровни, уклоны, монтажные крепления, качество кладки колодцев и монтажа оборудования сантехнических помещений. Эти немцы работали на строительстве оборонного предприятия, и потому их задержали на стройке на пару лет – отправили домой только в году пятьдесят втором или третьем».

Моя тётя, Анна Петровна Викторова, работала в сельскохозяйственном институте, а в летнее время жила и трудилась на областной плодово-ягодной станции, что расположена в верховьях Елшанского ручья, около железной дороги. Рядом с их плантациями и был устроен огород лагеря военнопленных. Они там работали постоянно, даже в выходные. Выращивали главным образом картошку, капусту, свёклу, морковь и тыкву. За перевыполнение плана и высокие урожаи получали дополнительное питание. И огород содержали хорошо: аккуратные рядки и грядки, всё вовремя вспахано, посеяно, полито, обухожено, убрано.

Мне приходилось читать, что во время войны пленные у нас получали питание по тем же нормам, что и наши рабочие соответствующих специальностей. Однако, глядя на них, особенно на землекопов, я бы этого не сказал. Упомянутая выше тётя Люба однажды шла на свой огород, который располагался также близ Елшанки. Вдруг из траншеи для газопровода вылезает страшный немец, донельзя худой и грязный, снимает майку, суёт её тёте Любе и говорит: «Матка, хлеба, хлеба...» Страшно она перепугалась, сунула ему свой завтрак – яичко, кусок хлеба и огурчик – и бегом от него подальше.

В интернете я нашёл такие сведения о рационе питания пленных.

В частности, в мае 1945 года после небольшого увеличения норм пленные стали получать: хлеба – 600 граммов, картофеля – 600, вермишели – 90, растительного масла – 15, сала – 15, рыбы – 45, овощей – 300. Далее следовала оговорка: «...если не было хищений и срывов снабжения». И вывод: умирали пленные в основном в связи с истощением и от последствий ранений.

В неурожайном и голодном 1946 году шёл я с банкой молока домой с Пешего базара, остановился на перекрёстке, пропускающая длинный лошадиный обоз. Рядом тоже остановился небольшой отряд немецких военнопленных. И вдруг я заметил какой-то странный взгляд. Это немец смотрел – нет, не на меня. Он смотрел на моё молоко. Молоко плескалось в банке и оставляло на его стенках жирную плёнку. Мне показалось, что именно на неё он и смотрел.

И в его несчастном взгляде было уже мало человеческого – только одно плотоядное желание. Я потом подумал: наверное, у него в Германии осталось своё хозяйство и он вспомнил какую-нибудь свою корову Марту. Чуть позднее я задал себе вопрос: а наших военнопленных они чем кормили?

Как раз совсем недавно из немецкого плена вернулся Слава Харитонов, парень из соседнего двора. Чтобы не умереть с голоду, он в лагере делал из подручного материала мундштуки, рюмки, фигурки, передавал пожилым немцам, имеющим право свободного входа в лагерь, а те приносили в обмен консервы из гороха. Если мастер или охрана замечали нелегальную работу, то били.

Совсем другую историю рассказала мне тётя Ася – наша соседка в дачном кооперативе. Во время войны молодой девушкой жила она в селе Тёпловка Ново-Бурасского района, которое славилось местным сортом очень вкусной картошки. Её много сажали жители, сажал и колхоз. В 1947 году урожай был хороший и помогать убирать картошку прислали пленных венгров. Кстати, венгров саратовцы не били и относились к ним сочувственно: знали, что воевать их заставили. Они и воевали-то мало, быстро все сдавались в плен под Сталинградом и Воронежем.

«...И вот мы, тёпловские женщины и девчата, копаем картошку, а пленные нагружают мешки на подводу, на складе подают на весы, потом засыпают в закрома и возвращаются обратно. Когда мы сидели отдыхать, тогда и они присаживались поближе к нам. Ну и, конечно, мало-помалу шутки, песенки, смешки. Картошку мы на их долю пекли. Один у них на губной гармошке играл, а девчата его нашим песням учили. Вечером с поля отправляемся, а они нас – на руки и на подводу сажают, а сами пешком идут. Конвоир иной раз ругался, а их Янош нашей Марине шептал: «Миша (конвоир) кароший. Нада Миша водка-самогонка. Тогда вместе. Вместе карашо». С этими венграми – с ними с ума сойдёшь!»

В том же году как-то проходил я мимо бывшей школы № 10, что около Духосошестввенского собора. Окно на первом этаже открыто, и я вижу: сидят пленные венгры, в руках у них джазовые инструменты, играют какую-то задиристую мелодию. Впрочем, уже следующей весной пленных там не было, здание снова стало школой.

В начале девяностых годов до меня дошли слухи о том, что заброшенное кладбище военнопленных на опушке леса в районе 3-й Дачной остановки кто-то собирается благоустроить. Я видел там, на опушке леса, скрюченную металлическую арку, обозначающую вход, и остатки прилегающей к ней металлической ограды. Я пересчитал: 486 небольших холмиков, расположенных ровными рядами. В интернете есть сведения о захороненных: немцев – 445, чехов – 15, поляков – 4 и т. д. В каждом изголовье разрыто, и извлечён череп. По всему видно, что хоронили неглубоко. Среди могил пасутся две козы, неподалёку дети играют в футбол. Будто и не было войны.

Я позвонил в контору ритуальных услуг. Так и есть: кладбище на городском балансе не состоит, является бесхозным – делай что хочешь. Устроено кладбище органами МВД и поддерживалось в приличном состоянии вплоть до начала 50-х годов. Потом было заброшено. А насчёт слухов, мол, обратитесь в Саратовский пединститут.

Как потом выяснилось, один из преподавателей института выступил с предложением привести в порядок все саратовские кладбища военнопленных и в дальнейшем этот порядок поддерживать, получая деньги на благоустройство и содержание кладбищ от Германии и от её бывших военных союзников. А для этого учредить специальное общество, работающее на коммерческой основе. Позднее этот проект был частично реализован.

Мне предоставили возможность ознакомиться с документами, в том числе с копиями списков захороненных военнопленных на нескольких кладбищах Саратова. Привлекла моё внимание фамилия одного немца 1892 года рождения. Значит, когда попал в плен, ему было уже за пятьдесят. Подумал: кто он – старый вояка или жертва одной из многих гитлеровских тотальных мобилизаций? Самый молодой немец был 1926 года рождения. Я предположил: наверное, он попал в армию из Гитлерюгенд. Бросили его в котёл войны, когда всё уже было проиграно.

А вот что рассказал мне по поводу разрытых могил один знакомый сослуживец, живший в районе 3-й Дачной остановки.

«Мы были студентами и черепа выкапывали. Потом толкали их студенткам-первокурсницам за бутылку коньяка. Ну, а студенты сами для себя выкапывали. Хоть это и некрасиво, но зато престижно – изучать анатомию по черепу, как считалось, представителя «высшей расы».

Правда, недавно выяснилось, что на территории современной 3-й Дачной хоронили ещё и венгерских военнопленных: на лесной поляне были захоронения 86 венгерских солдат, останки которых в 1998 году были вывезены на родину. На кладбище усилиями немецкого благотворительного фонда «Возрождение» при содействии саратовских властей устроен мемориальный комплекс, включающий плиту с крестом, перечнем 86 фамилий и надписью на русском и немецком языках: «Здесь покоятся венгерские военнопленные – жертвы Второй мировой войны». Такая же надпись и на гранитном камне, установленном там же. Свежеокрашенные металлические кресты обозначают границу территории.

В Саратове второй лагерь военнопленных размещался в Заводском районе. Там же был расположен и госпиталь для военнопленных, где их лечили от болезней: дистрофии и прежних ранений. В урочище «Корольков сад», рядом с 3-й Пролетаркой, было устроено и кладбище на 692 захоронения, недавно также превращённое в мемориальный комплекс. Там стоят плита с соответствующей надписью и большой крест. Кроме немцев, здесь были похоронены венгры, итальянцы, румыны, чехи, хорваты.

В Ленинском районе имеется кладбище на 495 захоронений. Недавно появилась плита с соответствующей надписью. Надо думать,

что и на других кладбищах установлены подобные плиты, включая также два небольших немецких кладбища, расположенных около пригорода – Елшанки, и захоронение 190 военнопленных около посёлка Зоринский Саратовского района. Два малых кладбища имеются и в городе Энгельсе.

Но полностью благоустроенные кладбища военнопленных в России всё же есть. Например, в Тамбове на месте бывшего лагеря обустроено кладбище, куда приезжают из Германии родственники захороненных здесь умерших пленных. Многие памятники поставили.

Что же касается Саратова, то можно предполагать, что реализация здесь подобного проекта была бы затруднительна: захоронения находятся в разных местах, а главное – значительная, если не большая часть могил разорена.

С учётом многих обстоятельств назовём это положение некультурным и безнравственным.

Июль 1944 года. Советская Армия завершала разгром фашистской группировки и освобождение Белоруссии. На фоне весьма скромных успехов англо-американских союзников в Западной Европе Сталин принял решение показать всему миру, кто вносит решающий вклад в разгром фашистских войск. Было намечено провести по улицам Москвы 57 тысяч немецких солдат, а также 20 генералов, взятых в плен в ходе последних боёв. Операция эта получила условное название «Большой вальс».

Были отобраны относительно здоровые, дееспособные пленные, перевезены в товарных вагонах в Москву и размещены на территории Московского ипподрома и стадиона «Динамо». Туда же прибыли полевые кухни. Немцев несколько раз хорошо накормили, а затем провели через город по Ленинградскому шоссе и Садовому кольцу на Курский вокзал – и снова погрузили в вагоны. По улицам столицы они шли двумя колоннами – по 40 и 17 тысяч. Лишь немногие из них заранее поняли, что им предстоит. И они были морально подавленными, измученными, тупо глядели себе под ноги. Наверное, вспоминали о «параде победителей», который Гитлер обещал им устроить на Красной площади.

Широкого оповещения жителей Москвы о марше пленных не производилось. Лишь накануне в газете «Известия» была помещена коротенькая заметка о предстоящем событии, с указанием времени и маршрута движения, сообщением о временной приостановке работы транспорта и т. д. Утром того же дня, 17 июля, прозвучало и короткое сообщение по радио. Сделано это было для того, чтобы избежать излишнего скопления жителей и возможного возникновения эксцессов.

Колонны немцев шли в сопровождении довольно немногочисленной охраны: наши солдаты с винтовками наперевес, проводники-кинологи с собаками, кавалеристы с шашками наголо. Движение транспорта по маршруту движения колонн было полностью перекрыто. Никаких нарушений порядка ни со стороны пленных, ни со стороны

москвичей не произошло. Советские люди смотрели на немцев молча, высказывания были редки. Их лица выражали в основном чувство брезгливости, лишь иногда, может быть, с примесью лёгкого сочувствия. Как-то жалко и глупо выглядели немецкие генералы, идущие впереди колонны. Ни радостных, ни гневных выкриков не было.

Кое-где на балконах стояли сотрудники иностранных дипломатических миссий.

Всё шествие проходило в полной тишине. Только в воздухе стоял какой-то лёгкий, едва уловимый, дребезжащий непонятный звук. Впоследствии выяснилось, что это были привязанные к поясам немцев пустые консервные банки, которые они использовали для питья вместо кружек.

Движение колонн сопровождалось казусом, происходившим по вине самих немцев. Дело в том, что накануне вечером немцев хорошо накормили; кроме каши они получили по большому куску свиного сала. Это не могло не сказаться следующим утром. Естественно, у некоторых произошло несварение желудка и возникли неизбежные последствия этого в виде загрязнения мостовой. Четыре поливальные машины, идущие сзади, смывали грязь на обочину дороги и далее в ливневую канализацию.

Генералов поместили в одном из пустующих подмосковных монастырей, а солдат надолго отправили валить лес в Сибирь. Последние пленные уехали в Германию в 1952–1954 годах, за исключением осуждённых за доказанные военные преступления. Больных, раненых и потерявших трудоспособность лечили и отправляли в Германию в более ранние сроки. Среди них был и Матиас Вайс – его письмо было опубликовано в журнале «Огонёк» в 1977 году.

«В одной из этих длинных колонн во время «Марша по Москве» был и я. Вспоминаю, как глядели на нас москвичи. Затем меня направили в лагерь на Украине, а позже из-за болезни перевели в Армавир. На всю жизнь я сохраню благодарность медицинскому персоналу лагеря и тем советским людям, которые меня окружали. Именно благодаря им уже в августе 1945 года я смог снова обнять свою жену и детей здесь, в Криенхагене».

Увы, не всем так повезло. Была жестокая война.

А 17 июля 2014 года исполнилось семьдесят лет с того самого «Большого вальса» военнопленных по Москве.

ЭХ, МАХОРОЧКА-МАХОРКА

Ну вот, опять скажут, зачем писать о махорке, ведь мы боремся с курением. И я отвечу: во-первых, тогда не боролись, во-вторых, это было, это история войны, в-третьих, если говорить откровенно, то военная махорка – она и жить, и воевать помогала. Поговорите с нашими ветеранами – что они скажут. Так что будем относиться к махорке так, как тогда относились. Будем относиться хорошо, как и тогда, т.е. без «двойных стандартов». А замалчивать существование махорки – значит исказить историю.

Её давно уже нет в продаже, да и махорочные сорта табака в России давно, наверное, не сажают. Но крепко сохранилась она в памяти народной – как дорогое воспоминание. Трудно понять современному поколению, что значила первая самокрутка после тяжёлого боя и отбитой атаки. И терпкий, успокаивающий вкус табачного дымка... Что значит прикурить от костёрного уголька, ощутить маленькую радость жизни и почувствовать облегчение в тот момент, когда ты только что разминулся со смертью. Или вспомнить случаи, когда остатки махорки бойцы засыпали в козью ножку, а затем по очереди затыгивались, передавая друг другу.

Бойцам на фронте полагалась одна пачка – 50 граммов в день, а это двадцать закруток. Но, как всегда, не получалось завезти её вовремя, так же, как и специальную курительную бумагу. Славилась махорка «Моршанская» из городка Моршанск Тамбовской области. Её выпускали в пачках из плотной, грубой, серовато-коричневатой бумаги. Такую же махорку вырабатывала и Саратовская табачная фабрика. А выращивали её в Пугачёвском районе. Махорку «само-сад» сажали повсюду в деревнях на частных подворьях. Её часто предпочитали государственной.

На нашем саратовском базаре «Пешка» имелся особый ряд, где торговали почти исключительно махоркой. Продавали её преимущественно инвалиды войны. Один из них, дядя Тиша из соседнего двора, бывший милиционер, сам махоркой не торговал, но приглядывал, чтобы лучшие торговые места занимали инвалиды войны или жёны погибших на фронте и имели, таким образом, неплохой приработок. Конечно, ни о каких налогах с них даже речь не шла. Просто дядю Тишу угощали по случаю или за компанию «боевыми ста граммами».

Каждый базарный продавец махорки сидел на ящике, а перед ним, также на ящике, лежали три мешочка с разными сортами махорки. Один сорт, «мягкий», представлен был некреплёным табаком из одних почти зелёных листьев. Другой, с добавлением табачных остей, назывался «полукрупка» и представлял собой средний по крепости сорт. А вот «крупка» содержала большое количество желтоватых кружочков стеблей, была самой крепкой и пользовалась наибольшим спросом. Её рекламировали так: «Махорка вырви глаз – приходи, рабочий класс!» Тут же продавались стопки газетной бумаги, нарезанной прямоугольными (для самокруток) или косоугольными (для козьих ножек) листочками.

На авиационном заводе имелось много отходов листового дюралевого сплава, из которого умельцы изготавливали портсигары для махорки с надписью: «Бей врага» или «Смерть фашистам» – на верхней стороне крышки, и «Закуривай, нахал» – на внутренней. Эти надписи имели в виду, в частности, два обстоятельства. Одно из них состояло в том, что трофейные немецкие сигареты сильно проигрывали махорке в отношении крепости, и наши бойцы курить их отказывались. Второе касалось так называемых «стрелков», своего табака не имевших и вечно клянчащих одну закрутку у знакомых. А получив отказ, просили оставить «докурить». Особенно назойливых отучали таким образом. Давали докурить закрутку, в конце которой был насыпан порох.

Достать порох во время войны вообще никакой проблемы не составляло. Естественно, в конце курения получалась небольшая вспышка. У некоторых надолго оставались вкрапления от горящих пороховинок на носу, они и служили неким ориентиром для солидных курильщиков.

Кстати, однажды я захотел подарить одному инвалиду случайно попавшую ко мне газету «Известия». А он презрительно процедил: «Не надо. Негодна такая для курева». Оказалось, что улучшенное качество бумаги даёт неприятный привкус табачному дыму, а вот областная газета «Коммунист» на дешёвенькой сероватой бумаге – в самый раз. Курильщики военных лет настолько привыкли к махорке, что в большинстве своём просто не могли курить что-либо другое. От папирос у них начинало щипать горло, они начинали кашлять и ругаться.

Саратовская табачная фабрика военных лет, одна из самых больших в СССР, производила махорку, а также так называемую «лапшу», то есть резаный ферментизированный табак «Курительный» для самокруток и трубок. В небольших количествах выпускались папиросы высшего сорта в упаковках по сто или пятьдесят штук и коробках по двадцать пять: «Северная Пальмира», с изображением одного из архитектурных сооружений Ленинграда, и «Казбек» – с силуэтом всадника на фоне горного пейзажа. Такие папиросы во время войны выдавались не по карточкам, а по спецпайкам для ответственных работников. На фронте их получали лётчики и офицеры. На базаре они продавались свободно сначала по цене за штуку – два с половиной или по два рубля, а в конце войны – по пять рублей тройка.

Мой папа, как имеющий учёное звание доцента, тоже иногда получал такие папиросы, а мама продавала их на базаре, покупала молоко свежее, кислое или топлёное с вкусной пеночкой и некоторые другие продукты. Сам же отец курил сравнительно дешёвую махорку. В начале июня 1942 года мы с ним вспахивали огород на целинном луговом участке в Сазанке. Папа копал, а я разрыхлял комья и присматривал за небольшим костерком – подбрасывал туда листья и кору деревьев, чтобы получалось больше дыма. Дым был необходим для того, чтобы как-то защититься от полчищ мошек и комаров. Каждый час мы делали перерыв в работе. Папа доставал кисет с махоркой, отрывал кусочек бумаги, не торопясь и с явным удовольствием особым образом зажимал его пальцами левой руки, образуя бумажный желобочек, а правой брал из кисета щепотку махорки, разравнивал её в желобке указательным пальцем левой руки. Потом слюнявил край бумажки и заворачивал её, образуя закрутку. Последнее, что делалось – закрутка выравнивалась, и защипывался её наружный край. Я подавал папе уголёк, он прикуривал, выпускал дым от первой затяжки. Усталое и потное лицо его в этот момент выражало высшую степень наслаждения. Ручаюсь, что, покуривая, он получал отдых более полноценный.

Папиросы среднего и низшего класса назывались «Лётные» и «Волжские», стоили на базаре по рублю за штуку. По карточкам их выдавали рабочим крупных предприятий и некоторым категори-

ям служащих. Мой троюродный брат Борис Костин работал токарем на оборонном заводе и курил «Лётные».

Папин товарищ, доцент Борис Владимирович Андреев, вообще не курил, а папиросы по более низкой цене продавала на базаре его жена, тётя Тоня, стараясь не замечать неодобрительного и даже хамского отношения матёрых спекулянтов. Такие папиросы «в розницу» продавались на отдельном пятачке около базара, ближе к Ленинской улице, где был кинотеатр «Искра» и чаще появлялся спрос на дорогие папиросы.

Кисет с махоркой являлся неременным атрибутом наших школьных подарков в посылках на фронт. Такие посылки могли включать сахар, бумагу, карандаши, чай, тёплые вещи. Но обязательными вложениями были махорка и письмо бойцам и командирам, в котором мы писали о своих успехах и помощи фронту и просили крепче бить фашистских захватчиков. Махорку на собранные деньги мы покупали на базаре, а кисеты шили наши мамы, бабушки или наши одноклассницы.

Часто камнем преткновения были спички. Их было очень мало или не было вообще. Курильщики постоянно прикуривали друг у друга. А ещё изобрели местный прикуриватель на основе кусочка гранита, которого на булыжных мостовых было хоть отбавляй, и стального брусочка – кресала – для высекания искры. А вместо обугленного трута приспособлена дюралевая трубка с ватным жгутом, слегка подкопчённым. При попадании на него искры он сразу начинал тлеть, и от него можно было прикуривать закрутку или разжигать сухие листья и бумагу. По окончании прикуривания ватный жгут уводился в трубку и сам собою погасал.

Со временем заводские умельцы стали делать самодельные зажигалки на авиационном бензине и с кремниевой искрой. А до того кафедра неорганической химии Саратовского университета предложила рецепт приготовления искусственного кремня, который давал хорошую искру при вращении зубчатого колёсика. В одном из вариантов баллончик для бензина делался из обычного винтовочного патрона. Тонкий верёвочный жгутик, пропитанный бензином, служил фитилём. Одна такая зажигалка с военных лет хранится у меня дома.

Мы, мальчишки того времени, постоянно не курили (хотя были и такие), а баловались, угощая друг друга случайно оказавшимся у нас табаком. А один паренёк из нашего 6 «А» класса, мальчик из еврейской семьи Абрам Чёрный, вечерами торговал папиросами в антрактах около театра оперы и балета. Когда звенел звонок, он отправлялся на своё постоянное сорокакопеечное место на галёрке и слушал музыку с закрытыми глазами. Сам не курил, никаких уроков не учил, математические и физические задачи решал в уме на пятёрку, а по остальным предметам учился на двойки и тройки. О дальнейшей его судьбе мне ничего не известно, вместе со своей семьёй он уехал на родину, в Западную Белоруссию, осенью 1944 года.

Жизнь во время войны была трудной, связанной с большим напряжением моральных и физических сил. Снять хотя бы частично это напряжение и усталость, восстановить силы и настроение мужчи-

нам помогала простая газетная козья ножка. Многие из них начали курить именно во время войны на фронте.

Знали о махорке и немецкие солдаты, особенно военнопленные. В 1959 году во время туристической поездки по Австрии я обратил внимание на пожилого человека, который на лошади развозил навоз по полю. Он был одет в хорошо знакомую мне потрёпанную форму немецкого военнопленного. Я подошёл к нему и, чтобы как-то начать разговор, спросил:

– Это ваша лошадь?

– Нет, это хозяина... – И он махнул рукой в сторону недалёкой фермы.

Я дотронулся до рукава его мундира:

– Сталинград?

– Да.

Я раскрыл коробку «Казбека», предложил ему.

Он взял одну папиросу, заложил за ухо и спросил:

– Махорка?

Всенародная любимица-махорка, лучший друг в тяжёлую минуту на фронте и в тылу, была упомянута в строевой песне:

*Эх, махорочка-махорка,
Породнились мы с тобой.
А дозоры смотрят зорко –
Мы готовы в бой, мы готовы в бой.*

Как приглашение к душевной беседе звучат слова песни, которую так любила исполнять наша и всех фронтовиков любимица – Клавдия Шульженко:

*...Давай закурим, товарищ, по одной, –
Давай закурим, товарищ мой.*

Долго ещё после войны продолжали выпускать махорку, долго ещё получали её в качестве довольствия наши солдаты. Позднее на основе махорочных сортов табака были разработаны и освоены в производстве два сорта сигарет – «Памир» и «Прима».

И от них теперь остались одни воспоминания, а замены махорке и вообще табаку никто ещё пока не придумал. Как можно было воевать без махорки – никто сказать, по-моему, не может.

Ничем, кроме доброго слова, её поминать не стоит.

**Виктор
ШЕПТИЦКИЙ**

МОЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Документальные рассказы

Война до настоящего времени является важной точкой отсчёта всей нашей истории последнего столетия. Это нетрудно понять: для нашей страны Великая Отечественная война явилась величайшим испытанием, в котором решался вопрос, быть или не быть нашему государству. Через горнило этой страшной войны прошло три поколения советских людей. Её дыхание опалило всех нас, живших в то время, от мала до велика. Об Отечественной войне много уже написано, созданы яркие кинофильмы. Особенно ценны воспоминания её участников и очевидцев. Сейчас очередь дошла и до нашего поколения. Мы, дети войны, помним много эпизодов того сурового времени, потому что мы его пережили. Война навсегда врезалась в нашу память. Мы так же, как и ветераны, стали «носителями информации» об этой Великой войне.

МАЛЕНЬКИЙ ПОЖАР

Последнее письмо от отца мы получили в начале сентября. Папка старался не напрягать нас. Он строго соблюдал военную тайну, хотя между строк угадывалась надвигающаяся гроза. С фронта приходили плохие вести. Наши войска отступали на всех направлениях. Мы не знали, где находился полк, в котором служил отец. Правда, в письме он дал свой почтовый адрес: Западный фронт, почтовая станция 261, почтовый ящик 4416. Но западный фронт был тогда везде.

-
- Виктор Валентинович Шептицкий родился и живёт в Саратове. Окончил Саратовское суворовское училище и военную академию связи, 30 лет прослужил в Вооружённых Силах. Автор и исполнитель радиокomпозиций о Суворове, Окуджаве, П. Лещенко, Вертинском. Печатался в журнале «Волга—XXI век». Регулярно публикуется в местной периодике. Автор книги «Неизвестный Суворов» (2010).

Впрочем, с фронта в Саратов иногда приезжали в командировку офицеры. С ними отец передавал короткие записки, деньги и даже прислал свою фотокарточку. Она была сделана в Гомеле, в городской фотографии. На ней наш папка предстал в гимнастёрке, с орденом Красного Знамени на груди. Вид его был строгий и решительный. Таким он и запомнился нам на всю жизнь.

Скоро война повлияла на все стороны нашего быта. Мама срочно устроилась на работу. Мы с Гариком уже ходили в детский сад. Сюда же поступил и Вова. Ему недавно исполнилось четыре года, и он не хотел ни в чём отставать от нас. Вечером мама нас всех троих забирала домой.

Однажды в детском саду был объявлен карантин. Был конец ноября. На дворе стояла сырая, промозглая погода. Мама нас оставила дома, строго наказав вести себя хорошо, слушаться старшего, то есть меня.

– Читайте книжки, можете что-нибудь склеить. На улицу одни не выходите.

Мама приготовила для нас клейстер, сделав его из горчичного порошка, которого в квартире почему-то оказалось очень много.

После ухода мамы мы сели вокруг стола и принялись за работу. В комнате стоял характерный приятный запах горчицы. Мы вырезали из бумаги различные детали и склеивали их. Получались коробочки, самолётики и даже птички с крыльями. Но скоро это занятие нам наскучило. Гарик предложил:

– А давайте сделаем теремок со зверюшками.

Я поддержал его:

– Давайте. У нас и книга такая есть – «Теремок». Мы её уже прочитали, поэтому она нам больше не нужна.

Из листа картона мы соорудили большой дом. Я стал вырезать из книги картинки, и мы их наклеивали на окошки теремка. Очень скоро мы поселили в теремок зайку-побегайку, лягушку-квакушку, лисичку-сестричку и других зверюшек. Получилось очень хорошо. И тут мы вспомнили, что потом пришёл огромный медведь, который всех задавил.

Тогда я предложил:

– Давайте-ка мы подожжём теремок. Зверюшки из него разбегутся, медведь их уже не задавит. Вот интересно будет!

– Давай, давай! Где у нас спички?

– Я знаю, куда их мама прячет, – откликнулся Гарик.

Он тут же принёс коробок спичек.

Мы стащили теремок на пол, задвинули его под кровать и сами заползли туда же. Здесь было темновато, уютно.

– Темно, как в лесу. Зажигай!

Гарик чиркнул спичкой, но пламя сначала не разгоралось. Видно, горчица ещё плохо высохла. Зажёг ещё одну спичку. Дело пошло веселее. Небольшие языки пламени стали подниматься вверх. Из окошек теремка повалил дымок. Затем огонь пробился через крышу и вдруг вспыхнул ярко и сильно.

От страха мы как тараканы стали расползаться в разные стороны. Я крикнул:

– Вовка, вылезай отсюда! Гарик, тащи с кухни воду!

Я схватил щётку и вытащил горящий теремок из-под кровати. Прибежал Гарик с чайником. Стали тушить пожар. Огонь скоро погас, но комната наполнилась дымом. На полу образовалась большая грязная лужа. К счастью, матрас не загорелся. Зверюшек так и не удалось спасти.

Мы стали срочно наводить порядок в комнате. Обгорелые остатки бумаги я смёл в ведро. Гарик принёс воды и начал мыть пол. Я открыл форточку. Вова подбирал обрезки бумаги. Через полчаса всё было в полном порядке. Мы повеселели. Кажется, пронесло, мама ничего не узнает.

Клеить больше не хотелось. Снова стало скучно. Я предложил:

– Давай сыграем в дурака. Гарька, ищи карты.

Мама нам запретила играть в карты. Она утверждала, что карты – это азартная игра, в которую играют только хулиганы. Недавно соседка тётя Клава научила маму гадать. Вечерами мама раскладывала карты веером, желая узнать, что нас ожидает и чем сердце успокоится. Она ворчала, что после нашей игры в дурака карты стали врать. Поэтому она стала карты от нас прятать.

Гарик мигом отыскал карты, и мы включились в игру. «Дурак» на самом деле был очень интересной, но азартной игрой. Даже четырёхлетний Вовка её быстро освоил. К тому же ему постоянно везло: ему шёл козырь. Вовка вообще был везунчиком и тайным любимчиком мамы. Ему прощалось то, за что мы с Гариком получали затрещины.

Игра в дурака помогла нам окончательно развеяться. Мы повеселели, однако скоро мы почувствовали страшный голод. Мама оставила нам полкастрили каши. Это была наша любимая пшёнка с тыквой. Мы её разогрели на электроплитке и по-братски разделили. Конечно, каждый из нас смог бы съесть ещё столько же, но и это было неплохо.

Смеркалось. Хмурый осенний день быстро подходил к своему завершению. Наконец появилась мама. Мы с преувеличенным вниманием ринулись к ней навстречу.

– Мамочка пришла! На улице холодно? Не замёрзла?

Мама вошла в комнату и сразу почувствовала неладное.

– Ну-ка, сознавайтесь, что вы тут снова натворили?

– Ничего, мамочка. Мы читали книжку про оловянного солдатика.

– А почему пахнет палёным? Что жгли?

Отвечал за всех я.

– Ничего не жгли, мамочка. С коридора, наверное, надуло.

Мама внимательно осмотрела комнату и сразу обнаружила подпалённый пол под кроватью.

– А это что такое? Так вы, стервецы, устроили в квартире настоящий пожар! Сознавайтесь, кто зажигал.

– Я не знаю, мамочка, – сказал Гарик.

– Вова, честно скажи, кто зажигал.

– Я не видел, кто. Правда.

Мама обратилась ко мне:

– Неужели это ты, Витя? Самый большой и самый дурной.

– Нет, не я, мамочка...

Мама не на шутку рассердилась на наше враньё. Она открыла шкаф и достала самого главного своего помощника, к которому при-

бегала в подобных случаях. Это был широкий кожаный папин ремень. Правда, папа никогда не применял этот ремень не по назначению. Мама же уже испытала на наших попках его педагогическую эффективность. Она начала нас по очереди им стегать.

– Это – за дурость! Это – за враньё!

И хотя мама нас была не в полную силу и такую боль мы свободно могли бы стерпеть, мы плакали и кричали от страха.

– Мамочка, я так больше не буду!

Досталось и Вовке, хотя было очевидно, что поджигал не он.

– А это тебе, чтобы не учился врать, как эти балбесы... Становитесь все на колени и подумайте, правильно ли вы поступили.

Мама расставила нас по углам и вышла на кухню. Она сама чуть не плакала.

Понемногу я пришёл в себя. Кажется, пронесло. Жалко было Вовку, но он молодец – нас не выдал. Предложил-то я, а зажигал Гарик. Ничего, мамка добрая, простит.

Сначала стоять было вполне терпимо. Прошло с четверть часа. Колени начали болеть. Мы сели на пятки и стали вполголоса переговариваться между собой. Вдруг вошла мама. Она прикрикнула на нас:

– Ну-ка, стойте как следует! Не оборачивайтесь, смотрите в угол.

Мы послушно отвернулись. Мама села на кровать и стала что-то делать. Наступила длительная тишина.

– Мамочка, прости, я так больше делать не буду, – первым попросил прощения Вова.

– Чего не будешь делать?

– Врать не буду, мамочка.

– Садись на диван, думай, как надо себя вести... А вы стойте, пока не дойдёт.

Мама снова вышла из комнаты.

Мы с Гариком честно стояли на коленях из последних сил. Я уже в полной мере понял свою вину. Как можно было зажигать что-то в квартире? Дурость. На лестнице и то нельзя. Досталось мне по делу, а братишки не виноваты.

Мама вернулась в комнату и стала убирать на столе. Было тихо. Вова, насупившись, молча сидел на диване.

Наконец я тихо промямлил:

– Мамочка, это я во всём виноват. Я так больше никогда не буду делать.

– Встань, подойди ко мне.

Я подошёл к ней и устался в пол.

– Ты понял, что вы могли спалить всю квартиру? Где бы мы стали жить? Может быть, приютились бы, как Жучка, во дворе? Так у неё хоть конура есть. Кто нас сейчас примет, когда кругом тысячи беженцев в подвалах живут?

Я ничего не смог ответить. У меня из глаз текли слёзы.

– Ты ведь не только за себя отвечаешь, но и за своих братиков. Помнишь, как папа написал в письме: «Витусик, помогай маме». Тебе ведь в школу скоро идти, а ты ещё и врать научился.

Весь вечер мама была грустна и молчалива. Она старалась не смотреть на нас. Мы тоже притихли и разговаривали шёпотом.

После скромного ужина мы улеглись на свои постели. Я облегчённо вздохнул и стал засыпать, когда ко мне тихо подошла мама. Она легонько обняла меня и поцеловала в лоб. Я сделал вид, что не проснулся, только из-под закрытых век пробились и потекли по щекам тёплые слёзы.

МОЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Тяжёлая, затяжная война, которой, казалось, не будет конца, всё-таки пошла на убыль. Наступил 1945 год. В апреле Красная Армия вела бои в предместье Берлина. С Запада наступали союзники – англичане и американцы. Долгожданная победа была совсем близка.

Я заканчивал третий класс. Наша школа № 4 РУЖД располагалась на углу улиц Университетской и Цыганской. В эти дни ожидания победы мы, ребята, не могли нормально учиться. Все были возбуждены. Уроки почти никто не готовил. Приходя в школу, мы подолгу толпились около большой карты, висевшей в зале. На ней красными флажками отмечалась линия фронта. В начале мая все флажки дружно собрались в один яркий букетик вокруг Берлина. Возле карты шёл деловой разговор.

– Фрицы задрали руки, но не «хайль» теперь кричат, а «хенде хох». Теперь им уже нечем портки придерживать.

– Гитлер капут. Его шавка Геббельс наконец заткнулся.

И вот в один ничем не примечательный майский день я проснулся от громкой пальбы. Быстро выскочил на улицу. Оказалось, что стреляет из охотничьего ружья наш сосед с четвёртого этажа. Палит прямо из окна.

– Победа! – выкрикнет и снова стреляет. – Победа!

Жильцы выходили из дома, поздравляли друг друга, обнимались и целовались.

– Конец войне! Наши скоро приедут!

Однако день был будний, и наши родители ушли вскоре на работу. Но мы в этот день не пошли в школу, а, наскоро собравшись, целой ватагой отправились в центр города.

День выдался пасмурный, прохладный, но мы не чувствовали холода. На душе было светло и радостно. Победа – какое хорошее слово! Мы ждали этого дня четыре долгих года. Какое-то особое чувство поселилось в моей душе. Оно сохранилось на всю жизнь.

Мы пришли на площадь Революции. Кругом сновали толпы ликующего народа. Люди открывали окна. Повсюду слышалась музыка. Рядом с площадью находился большой Верхний базар. Здесь всегда шла особая жизнь. Говорят, что даже в самые трудные годы войны на Верхнем можно было купить все что угодно. Даже трофейное оружие и немецкие наградные кресты. За сумасшедшие деньги, конечно. С нового года здесь шла бойкая торговля американскими консервами, сигаретами и камешками для зажигалок. Широкий двор рынка и сейчас был уставлен подводами и ручными тележками. Кругом шум, гам, запахи навоза, дёгтя, махорки, подсолнечных жмыхов.

Сегодня Верхний гулял. Возле лабазов на старых ящиках сидели группами люди. Невесть откуда появились деликатесы: варёные куры, яйца, сало, пирожки, солёные огурцы, хлеб.

Наша плохо одетая, разношёрстная ватага оказалась около группы завсегдатаев рынка. Мужики были уже навеселе. Пили московскую с «белой головкой», портвейн и ещё что-то мутное. Нас окликнул мужчина, одетый в телогрейку, военные брюки и солдатские сапоги:

– Ребята, подойдите сюда. Кто такие? Наверное, сбежали с уроков?

– Нет, мы во вторую смену, – соврал Толян.

– Ладно, сегодня можно. День Победы – какая тут учёба?! Проголодались, наверное?

– Да нет, дяденка... – начал было самый скромный из наших ребят, Комар, но, получив сзади хорошего тумака, заткнулся – голод не тётка.

Однако мужик в полувоенной форме не отступал. Он уже крупно резал хлеб и сало и давал каждому из нас, приговаривая:

– Почему такой худой? Ешь! Отец-то, небось, на фронте?

– На моего отца похоронка недавно пришла.

– А мой пропал без вести ещё в 41-м году...

– Ничего, сейчас все отыщутся... Кто жив остался.

И только тут мы заметили, что у мужика один рукав по локоть пустой. Он ловко орудовал здоровой рукой, помогая себе культёй.

– А ну-ка, Лёха, – обратился он к одному из своих дружков, – плесни ребятам красненького.

– Да ты что, Иван, пацаны-то совсем мелкие!

– Ничего. Немножко можно. Пусть запомнят этот день на всю жизнь.

И нам по очереди стали наливать вино. Мы внимательно смотрели, чтобы каждый честно выпил. Кое-кто из нас уже не раз пробовал и пить, и курить. Лишь робкий Комар на секунду замаялся, но Олег сразу его подзадорил: «Не дрейфь!» – и Комар разом заглотнул свою дозу вина. А армеец Иван хвалил очередного выпивоху:

– Молодец! За победу! За отцов ваших да за сынков наших.

Так я в свои десять лет принял «боевое крещение».

Ещё долго мы шлялись по базару. Нам было интересно и весело на этом перекрёстке людских судеб. На одном из прилавков стоял патефон. Кто-то крутил пластинки. Это были песни популярной в те годы Марии Мордасовой.

*Эх, некрасива, зато модна,
Завлеку кого угодно.
Ты, красавица, сумей,
У меня теперь отбей!*

А временами слышался раскатистый, зычный голос нашей саратовской певицы Лидии Руслановой:

*На Муромской дорожке стояли три сосны.
Прощался со мной милый до будущей весны.*

Эти песни перебивали звуки саратовской гармонии. Народ пел и плясал.

Ещё долго слышалось нестройное пение подвыпивших людей. Бабы и мужики распевали то солёные частушки, то протяжные грустные песни.

*Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя...*

Мы оказались на площади. Там, словно муравьи, рассыпались маленькие чёрные фигурки. Это вышли на прогулку воспитанники недавно открывшегося Саратовского суворовского военного училища. Ребята резвились, догоняя друг друга, бегая по трибуне. Другие играли в футбол тряпочными мячами.

Такие же пацаны, как и мы, но только в чёрной форме, с алыми погонами и широкими лампасами. Мы долго с завистью смотрели на их игры. Весёлая, красивая и наверняка сытая жизнь угадывалась в этой возне.

Наконец прозвучала команда, и суворовцы быстро построились и зашагали в ногу в свою обитель, которая находилась тут же, на углу улиц Ленина и Радищева.

Усталые и голодные, мы отправились домой. В ушах стоял этот неистовый гомон – смесь радости и горя. Слово все четыре долгих года войны сжалось в один плотный комок, и он подступил к самому горлу. «А где же мой папка? Может быть, он не погиб и скоро вернётся домой. Пусть даже без руки или ноги. Лишь бы живой».

Стало пасмурно, пошёл мелкий дождь. Он высветлил свежую майскую зелень и молодую весеннюю травку. Начиналась новая пора нашей жизни.

В ПОИСКАХ ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ ОТЦА

1. Забайкалье, 1932 год

До войны мой отец, Валентин Дмитриевич Шептицкий, был кадровым офицером. После окончания военного училища в 1932 году его направили для дальнейшего прохождения службы в Забайкалье. А поскольку отец был человеком серьёзным и ответственным, он взял с собой из Шепетовки молодую красивую жену Шурочку. Здесь, в небольшом городе Борзя, у молодожёнов родилось трое сыновей. Я, 1934 года рождения, стал первенцем, а затем появились Гарик (1935 г. р.) и Вова (1937 г. р.).

Служба в отдалённом гарнизоне оказалась нелёгкой, но имелись в ней и свои преимущества: меньше начальства, больше свободы, дружнее коллектив. Забайкалье спасло нашу семью от страшной беды. В 1937–1938 годах страна пережила массовые репрессии. Не миновали они и армию, пострадали многие тысячи военных. По надуманному предлогу был схвачен и пропал в застенках НКВД мой дедушка по линии отца. Однако отцу повезло. Вероятно, из-за отдалённости

гарнизона органы его «не нашли». К тому же через четыре года отца с семьёй перевели за границу – в Монголию.

2. Монголия, 1939 год

В Монголии воинская часть, в которой служил отец, летом 1939 года приняла участие в кратковременной войне с Японией на реке Халхин-гол. Советско-монгольские войска под руководством молодого комкора Г. К. Жукова в короткий срок нанесли противнику решительное поражение. Японское командование не ожидало такого исхода войны и поспешило заключить с СССР мирное соглашение. Этот урок для Японии пошёл впрок – она так и не решилась напасть на Советский Союз в годы Великой Отечественной войны.

Мне исполнилось тогда 5 лет, но детская память запечатлела многие яркие события того времени. Семьи военных жили в одноэтажном бараке на окраине небольшого города Чойбалсана. Кругом были степи, перемежающиеся невысокими сопками. Около нашего барака стояли юрты местных жителей. Рядом с ними находились гурты маленьких лохматых лошадей и высокие двугорбые верблюды. Летом полы юрт с одной стороны открывались, и мы, ребята, с интересом наблюдали, как живут эти вечные кочевники. Весь пол был застлан кошмами, на которых так и хотелось поваляться. Посреди юрты устраивался очаг, над которым устанавливалась тренога с большим котлом. В нём они готовили пищу. Гостеприимные монголы зазывали нас к себе в гости, желая угостить. Но родители запрещали нам брать у них что-либо. Опасались антисанитарии.

3. Халхин-гол

Однажды ночью я проснулся от сильного шума. Наш барак гудел от стука армейских сапог. Папка тоже быстро оделся и выскочил на улицу. Оттуда доносились звуки работающих моторов. Полк по тревоге снялся и отправлялся в кромешную тьму. Наутро всё стихло, но мама с нами почему-то говорила вполголоса. В нашем обиходе появилось незнакомое слово «Халхин-гол». Где-то неподалёку началась война.

Потянулись однообразные, скучные дни. Все ожидали вестей с фронта. Однако сведений от наших отцов почти не поступало. Лишь однажды над нашим домом со страшным шумом пролетел аэроплан. Мне показалось, что он задел за трубу. Самолёт сбросил мешок, в котором были письма. Мама нам с радостью сообщила, что папка наш жив и скоро приедет домой.

Война длилась недолго. К концу лета стало известно, что наши одержали победу. Я хорошо помню, как войска возвращались домой. Оглушительный гул моторов, густая, как туман, пыль и песни солдат, поющих на машинах. Когда к нам подошёл отец, то я его испугался. Белыми были только его глаза и зубы.

– Витенька, это же наш папка, – сказала мне мама.

– Папка, папка! Я думал, что это негр, – наконец узнал я его.

Победу праздновали сообща, как тогда было принято. Прямо во дворе нашего одноэтажного деревянного дома были расставлены

длинные столы. Чего только на них не было! Мы, ребята, носились вдоль столов, получая самые вкусные угощения. А взрослые пировали до самой ночи.

За отличие в боях на Халхин-голе отец был награждён орденом Красного Знамени – большая редкость в те годы. Уже позже, когда мы приехали в Саратов, я гордился, когда шёл с отцом по улице, а мальчишки, забегая вперёд нас, восклицали:

– Смотри, смотри: орденоседец идёт!

Орденосцем был мой папка.

4. Саратов, 1940 год

Весной 1940 года папу перевели в Саратов. Хорошо помню этот переезд. Мы долго тряслись на машинах по монгольским степным дорогам. Кругом, куда ни глянь, виднелись сопки, покрытые зелёной травой. На склонах паслись многочисленные табуны овец и лошадей. Я недоумевал, почему лошади такие маленькие. Папа, который держал меня на руках, объяснил, что это только так кажется издали. Я ещё не понимал, что такое перспектива. Но монгольские лошади и в самом деле были очень низкорослыми.

Наша колонна выехала к железной дороге. Мы долго ждали поезда на большом вокзале. И вот наконец мы сидим в удобном купе, а за окнами мелькают леса, горы, реки, грохочут колёса поезда на мостах. Мы проезжаем мимо небольших полустанков, и наш поезд останавливается около безбрежного водоёма. Это Байкал. Вода плещется около самих вагонов. Берег вытянулся огромной дугой, вдоль которой пролегла железная дорога. За ней громоздятся суровые горы.

Ещё много дней поезд идёт почти по безлюдным местам. Такова наша огромная страна. Наконец стали встречаться большие станции, на одной из которых мы сделали пересадку на другой поезд. Мы едем в Саратов. Наш поезд втянулся на длинный мост и долго идёт среди просторов огромной реки. Таких рек я ещё не видал. На душе спокойно и торжественно. Папа говорит, что Саратов – большой город, он находится на берегу Волги. Здесь мы будем жить.

В Саратове мы получили квартиру в большом новом доме на улице Ленина. Позже такие дома стали называть «сталинками». Это очень хороший дом, в котором удобные квартиры с высокими потолками. Во дворе много ребят моего возраста. Среди них мои новые знакомые – Олег и Витя Цветниковы, Лёня, Маша и ещё две сестры Губины. Их отцы служат в одной воинской части с моим папой. Наши родители подружились семьями, и мы стали часто собираться вместе.

Наступила зима. В Саратове она оказалась иной: много снега и совершенно нет этих пронзительных забайкальских холодных ветров. Можно гулять и кататься на санках. А иногда можно поиграть в снежки или слепить большого снеговика.

5. Татищево

В начале лета под Татищевом у военных проходили лагерные сборы. Наши отцы выезжали на всё лето в лагерь. Сюда из запаса прибывала молодёжь. Днём и ночью шла подготовка допризывников. Неподдалёку на опушке леса в небольших домиках жили семьи кадро-

вых военных. Нам, ребятам, была предоставлена большая свобода. Рядом находились большой лес и полигон, заросший дикой травой и изрытый воронками. У нас началась очень интересная жизнь.

Красноармейцы жили в палатках. Их лагерь был похож на огромный муравейник, в котором все куда-то спешат, суетятся, но, несмотря на кажущийся хаос, каждый делает своё дело. В артиллерийском парке ровными рядами стояли пушки. Но нас туда не пускал часовой, стоявший под грибком. Иногда, если повезёт, нам удавалось покататься на лошади. Но больше всего мы любили кино. Его показывали в клубе или прямо на улице в тёмное время. Эта полукочевая жизнь нам очень нравилась. Лето было сухое и тёплое. Всей ватагой мы часто ходили в лес, стараясь не заглядывать в его глубину. Там было темно и страшно. Зато на полянах много цветов и земляники.

Наши мамы вели домашнее хозяйство. Пищу готовили на небольшой печке, сложенной из кирпичей прямо на улице. Здесь всегда очень вкусно пахло. Вечерами все домочадцы собирались за длинным столом. Это была наша большая семья.

Однажды дядя Коля Губин принёс живого зайца. Он держал его за уши, предвкушая приготовить хорошее жаркое. Однако заяц изловчился и своими длинными задними лапами достал руку дяди. Он сильно поцарапал его руку, вырвался и дал стрекоча. Мы были рады, что заяц убежал.

В конце августа мы возвратились в Саратов. Сюда же съезжались из пионерских лагерей и с дач все ребята. Наш двор после летнего запустения снова становился оживлённым и уютным.

6. Зима 41-го года

Осенью нас с Гариком отец устроил в детский сад, а малолетний Вова оставался с мамой. Жизнь текла размеренно и весело. По выходным дням мы всей семьёй гуляли в Детском парке. Вечерами играли во дворе. Папа любил возиться с нами, а нас с Гариком уже учил читать. Он рисовал фигурки и называл буквы: ворота – буква П, колесо – это О, семафор – Г... К концу зимы мы с Гариком уже бойко читали по слогам.

Весной 41-го к нам с Украины приехала погостить наша бабушка Станислава. Она впервые увидела своих внуков и была очарована ими. Чтобы оставить память о внуках, бабушка повела нас в фотографию. Мама специально для этого случая пошила обновки: мне – военную форму, Гарику – флотскую, а меньшему, Вове, сшила красивую толстовочку. Снимок получился на славу.

7. Предвоенная весна

В мае 1941 года наша семья снова выехала в татищевские лагеря. Сюда же приехали Цветниковы и Губины. Погода выдалась дождливая, прохладная. Только в начале июня наступили тёплые дни. Солнце щедро прогревало землю. Поляны заросли сочной зелёной травой, появилась первая земляника. Радуюсь наступившему теплу, оглушительно пели птицы. Понемногу налаживалась наша дачная жизнь.

Как-то раз неподалёку от наших домиков появились красноармейцы. За спинами у них были большие катушки. За ними тянулись провода. Это были связисты. Они учились устанавливать телефонную связь. Закончив протяжку линии, солдаты долго крутили какую-то ручку и настойчиво вызывали: «Алло! Алло...» Наконец связь была налажена. Красноармейцы прилегли на траву и отдыхали. Увидев меня и Олега, один из солдат позвал нас:

– Ребята, идите-ка сюда.

Когда мы подошли, он объяснил:

– Это телефон, хотите поговорить?

– Хотим. Научите нас, – попросил Олег.

– Возьми трубку, слушай.

Олег взял трубку и надолго замолчал. Наконец он стал с кем-то говорить.

– Зовут Олег Цветников... 7 лет... Папа – командир... Есть ещё брат Витька.

Затем подошла моя очередь. Я очень конфузился и боялся, что ничего не получится. Поэтому сначала никак не мог разобрать слов. Наконец я услышал в трубке тихий, но ясный голос:

– Мальчик, знаешь ли ты стихи?

– Знаю, – ответил я, – меня бабушка научила.

И я стал декламировать:

*Танцевала рыба с раком,
И петрушка – с пастернаком,
И цыбуля – с чесноком,
А дивчина – с казаком.*

Таким было моё первое телефонное сообщение. Я бы очень удивился, если бы узнал, что впоследствии я тоже стану связистом.

По-прежнему мы целыми днями общались с солдатами. В артиллерийском парке было особенно интересно. Там стояло много разных пушек. Иногда доносились ухающие звуки. Мы уже знали: это наши отцы проводят артиллерийские стрельбы на полигоне.

8. Война

Однажды на рассвете нас разбудил стук в дверь. Мы уже привыкли к подобным ночным визитам. Служба. На этот раз стук был особенно настойчивым. Открыл отец. Посыльный доложил:

– Товарищ командир, тревога! Приказано срочно прибыть в часть.

Из военного городка доносились частые удары в рельс. Как при пожаре. Отец быстро оделся и уехал в лагерь, а мы снова заснули. Через час отец возвратился. Он был взволнован:

– Война! Шурочка, собирай ребят, приказано срочно убыть в Саратов на зимние квартиры.

Со стороны лагеря слышались шум моторов, стук топоров. Лагерь снимался.

Мы засуетились и стали собирать свои вещи. Кончилась наша мирная беззаботная жизнь. Но в детстве ни о чём не жалеешь. Всегда

хочется узнать что-то новое, даже если оно и не сулит ничего весёлого. Мы нисколько не опечалились, а спокойно стали собирать свои вещи. Наша дача быстро обретала свой первоначальный нежилой вид. Мама была встревожена и покрикивала на нас:

– А ну-ка, идите все сюда! Собирайте ваши игрушки.

Мы собрали свои игрушки и отдали их маме. Стало скучно. Я пошёл к Цветниковым. Олег с Виктором тоже слонялись без дела, но мама их никуда не пустила. Какая бестолковая вещь эта война! Тогда мы насобирали щепок и положили их в печку, которая почти утасла. Разгорелся огонь, из трубы повалил дым. И тут выбежала из дома тётя Маруся и закричала:

– Это кто вас просил разводить огонь? У меня каша на печи доходит. Сожгли, стервецы. Уберите лучше участок от мусора.

В этот день мы так и не выехали в Саратов. Было не до нас. Взрослые к концу дня валились с ног от усталости. Все машины ушли в город с техникой и военным имуществом.

На следующее утро приехал отец, чтобы увезти нас. Цветниковы и Губины тоже уезжали. Через час мы уже сидели в кузове полуторки среди узлов и чемоданов. Вовку, как самого маленького, папа взял к себе в кабину. А нам и наверху было хорошо. На душе было тревожно: что-то с нами будет...

До Саратова путь неблизкий. На дороге много грузовиков. Пешком идут колонны красноармейцев. На перекрёстках стоят военные регулировщики с красными повязками.

Вот и Саратов. Внешне он почти не изменился. В нашем доме переполох. Все куда-то бегут. Солдаты помогают командирам, носят вещи наверх.

9. Первая беда

Мы стали разгружаться. И тут произошло событие, которое я запомнил на всю жизнь. Я не стал ждать, пока меня снимут с машины. Спрыгивая с кузова, я поранил себе руку. Дело в том, что шанцевый инструмент на боевых машинах крепился снаружи к бортам. Я зацепился рукой за зубья пилы. Мгновенье – и мои ладошки наполнились кровью. Сначала я ничего не понял, но затем от страха разревелся.

Прибежал отец. Он перевязал руку полотенцем и на этой же, ещё не разгруженной машине повёз меня в 1-ю Советскую больницу. Ожидая приёма врача, отец успокаивал меня:

– Потерпи, сынок. Ты у нас как раненный в бою красноармеец. Ничего, до свадьбы заживёт.

Мой мизинец попал между зубьями пилы и был почти оторван. К счастью неповреждённой осталась кость и полоска кожи. Этого оказалось достаточно, чтобы мой палец уцелел. Хирург наложил два шва и перевязал руку бинтом, да ещё через плечо мне повесили косынку. Во время операции я держался стойко, а позже даже хвастался перед ребятами, что я – раненый боец и нисколько не плакал. Так и остался у меня на всю жизнь на пальце шрам – отметина, напоминающая о первом дне войны.

10. Отъезд

С фронта приходили плохие вести. Немцы прорвали нашу оборону на всём протяжении Государственной границы. Отец с утра до глубокой ночи пропадал на службе. Его артиллерийский полк готовился к отправке.

Через несколько дней рано утром меня разбудила мама. Я сразу понял: это расставание. Отец поднял меня на руки, крепко-крепко прижал к своему сильному телу и сказал:

– Ты, Витусик, старший. Помогай маме, смотри за Гариком и Вовой. Я на тебя надеюсь. Я напишу вам письмо, ты ведь уже умеешь читать.

– Умею. И Гарик тоже понемногу читает. Только пиши нам, папочка, печатными буквами, чтобы мы смогли сами прочитать твоё письмо.

– Хорошо, сынуля, мой родной. Я постараюсь.

Попрощавшись с нами, отец уехал на фронт.

11. Новая беда

Наш четырёхэтажный дом со стороны двора примыкал к казармам, что на Университетской. Сюда день и ночь прибывали призывники. Через забор мы видели, как гоняют молодых солдат. Семь потов сходило с них, пока они становились настоящими воинами. А затем колонны солдат с полной выкладкой, с оружием и скатками шинелей, надетыми через плечо, отправлялись на вокзал. Их место занимали призывники следующего набора. Ненасытная война поглощала миллионы жизней.

Наш двор был отделён от военного городка высоким деревянным забором. Свидания с призывниками были запрещены: карантин. Но матери и отцы новобранцев не могли вот так запросто расстаться со своими детьми. Возможно, навсегда. Целый день родственники призывников висели на заборе, переговариваясь со своими сыновьями.

Командование воинской части решило прекратить это «безобразие». Въездные ворота в наш двор были закрыты, у калитки поставили часовой, который пропускал только жильцов дома. И тут случилась новая беда. Днём мы играли во дворе, когда прибежал Олег и закричал:

– Витька, там твоего Вовку задавили. Скорее бежим.

Мы побежали к воротам. Смотрим, ворота лежат на земле. Рядом лежит Вовка. Лоб у него разбит. Крик, плач. Часовой командует:

– Всем назад, на три шага. Есть среди вас врачи?

В толпе нашлась женщина-медсестра. Она стала хлопотать над Вовкой. А у меня в голове вертится: «Вовка, Вовка, недоглядел я за тобой. Это только я виноват. Папка мне наказывал...»

И вдруг Вовка зашевелился и застонал. Дышит. Жив! Вовка, самый младший в семье, был везучим. Мамкин любимчик. Ему повезло и на этот раз. Три петли ворот были сорваны под напором толпы, и только одна, нижняя, уцелела. Она-то и спасла Вовку. Чудом он остался жив под упавшими тяжёлыми воротами с навалившимися на них людьми.

Мы взяли Вовку на руки и отнесли домой. Мама запричитала. Хорошо, что она не видела самого страшного...

12. Письмо с фронта

Война врывалась в нашу жизнь, ужимала нас во всё, вгоняла в жёсткие рамки. После отъезда отца наш дом как-то сразу осиротел. Мы сразу поняли, как много для нас значил наш папка. Он был всегда деятелен, весел, в доме он выполнял самую трудную работу. Сейчас всё это легло на плечи мамы. Она похудела, стала нервной, по вечерам потихоньку от нас плакала. Раньше, когда она бывала в хорошем настроении, можно было, не опасаясь попасть под её горячую руку, сознаться в неблагоприятном поступке или выпросить лакомство. Работая по дому, мама любила напевать вполголоса. С этого лета мы редко слышали её пение. Почти исчезли её весёлость и беспечность.

Как мы теперь будем жить, на какие денежки? Ведь у нас работал только отец, а мама с тремя детьми была на хозяйстве.

Отец при каждом удобном случае писал нам письма с фронта и присылал деньги. В июле от него пришло большое письмо. Как и обещал, одну страничку он написал печатными буквами специально для нас с Гариком. Мы старательно, по слогам прочитали наше письмецо и были очень довольны, что теперь сами можем общаться с папой. Надо только ещё научиться писать, чтобы самим ответить отцу.

Мама сразу отвечала отцу, но, судя по его письмам, мамини послания до него не доходили. Фронт был неустойчивым, наши войска отступали...

С конца августа переписка с отцом оборвалась. Цветниковы и Губины тоже перестали получать письма с фронта. Не приходили и похоронки. По-видимому, что-то непоправимое случилось с папиным полком. Враг был уже недалеко от Москвы.

Только в начале сентября мы получили от отца письмо. Увы, оно было написано ещё 10 августа. В простой конверт без марки была вложена фотография и два листа вырванных из тетради. На них торопливым, скачущим почерком отец писал:

«Здравствуйте, дорогие Шурочка и ребята. До настоящего времени ваших писем не получаю. Последнее письмо получил с Борисовым».

По-видимому, полевая почта не успевала обслуживать войска. Письма шли с большим опозданием. Вот и это письмо, как потом оказалось, последнее, пришло почти через месяц. Однако написать что-либо о своём местонахождении и о боевой деятельности отец не мог: не позволяли законы военного времени. Где находился его артиллерийский полк, жив ли он сам? Эта неизвестность тяготила.

Мама успокаивала нас:

– У папы сейчас нет времени: идут бои. Будем ждать. Скоро папка напишет.

Но время шло, а известий об отце всё не было.

13. Посланец с фронта

Однажды в начале зимы (а в 1941-м зима случилась ранняя, уже в начале ноября выпал снег и грянули морозы) к нам домой пришёл незнакомец.

Он был одет в полушубок и валенки. На лицо он был бледен и худ. Мама долго разговаривала с ним вполголоса. Нас, ребят, она отослала на кухню. Я сразу же догадался, в чём тут дело. Это был человек с фронта. Я находил разные поводы, чтобы заглянуть в комнату. Своим молодым обострённым слухом я схватывал всё на лету:

«Разгрузились на железнодорожной станции...»

«...второй эшелон с боеприпасами и горючим...»

«Валентин всё время в разъездах, ремонт техники...»

«Немцы уже в Бобруйске. Частые бомбёжки...»

«Получили приказ атаковать немцев. У них танки и мотопехота. Все с автоматами».

«Мы им хорошо всыпали, даже в плен взяли с полсотни. Держались нагло».

«Нас обошли. Окружение. Боеприпасов нет...»

«Валентина Дмитриевича тяжело ранило. Сам его видел. Врач сказал, что он безнадежен...»

Мама тихо расспрашивала об отце и плакала.

«Нет, не видел. Я тоже был ранен, но смог передвигаться. Сейчас после госпиталя получил направление в новую часть».

«Спасибо, мне некогда – у меня в Саратове семья. Через два дня убываю».

Сослуживец отца распрощался и ушёл. Мама нам не сказала, что отец погиб. Она и сама в это не верила. Ведь надежда умирает последней. Эта надежда так и жила с нами до конца войны.

14. Без отца

Нашей семье к концу года военкоматом была выдана официальная справка о том, что отец пропал без вести. Это позволило начислить нам небольшую пенсию по потере кормильца.

Мама не любила говорить о войне. Она остро переживала утрату своего Валюньки. Во время войны погибли бабушка и брат отца. Ещё раньше была потеряна связь с родными мамы, которые жили на Украине. Война разобщила нас, лишила родственных связей. Никто из родных не отыскался и после её окончания.

В сентябре 1942 года я поступил в первый класс. Наша школа № 1 располагалась на ул. Степана Разина. В детском саду мне вручили букварь, набор цветных карандашей и несколько тетрадей. Мама сшила мне холщовую сумку с ляжкой через плечо. Я был доволен такой экипировкой. 1 сентября мы целой ватагой отправились в школу. Во главе нашей группы был Олег, который пошёл уже во второй класс. Начался новый период моей жизни.

15. О себе

В 1945 году меня зачислили в Саратовское суворовское военное училище. Как и мой отец, я стал военным. После окончания суворовского училища я поступил во Львовское пехотное училище и окончил его по первому разряду. Мой жизненный путь получился таким же непростым, как у отца. Судьба меня носила по всему Союзу – от Закарпатья до Камчатки. Лишь изредка приезжал я в Саратов. Мои попытки узнать что-либо об отце не увенчались успехом. В военкомате мне посоветовали обратиться в архив Министерства обороны. Но в архив были сданы только довоенные документы. С фронта туда никаких бумаг не поступало.

16. Молдавия, 1991 год

Я отслужил тридцать лет в Советской Армии и ушёл в запас. На семейном совете мы решили обосноваться в Кишинёве. Здесь жили родственники моей жены. Через три года мы получили трёхкомнатную квартиру в Кишинёве. Казалось, все проблемы решены. Однако перестройка и дальнейший распад Советского Союза вмешались в нашу судьбу. Эти события застали меня и мою семью в Молдавии. Много сил пришлось затратить, чтобы вернуться в Россию.

И вот я наконец возвратился в Саратов. И снова меня стала тревожить память об отце. Мои запросы в военкомат не дали положительных результатов. После отправления папиного полка на фронт все оставшиеся документы были сданы в архив МО. Полк попал в окружение, документы были утрачены.

Я попытался выяснить обстоятельства гибели отца собственными силами. Однако с годами забылись подробности, затерялись письма отца, умерла мама. Остались только фронтовая фотокарточка и два письма отца. Но былое невозможно забыть.

Однажды ко мне обратилась моя внучка Наташа. Сейчас она учится в Санкт-Петербурге. «Дедуля, а есть ли у нас это самое генеалогическое древо? Неужели твой отец и мой прадедушка Валентин Дмитриевич так и остался пропавшим без вести?»

Трудный вопрос. Он задел меня за живое. Ведь имя моего отца даже не занесено в Книгу Памяти, хотя известно, когда, откуда и с какой воинской частью он ушёл на войну.

17. Собственное расследование

Я решил, как настоящий детектив, начать самостоятельное расследование.

Прежде всего, я ещё раз самым внимательным образом перечитал письма отца. И нашёл между строчек много интересного.

«Ночевал сегодня у Цветникова. Отдохнул очень хорошо и позавтракал отлично».

Письмо от 20 июля. Выходит, что полк отца действует, он рассредоточен, но связь между дивизионами не нарушена. Жив и его друг Иван Васильевич Цветников.

«На фронте некоторое затишье. Немцев вижу только пленных».

Значит, полк ведёт бои, и не без успеха. Есть даже пленные.

«Нахожусь всё время в разъезде. Напиши мне, получаешь ли ты регулярно мои письма. Дня три я писал ежедневно».

Отец служил в технической части полка, и поэтому он был вечно в разъездах. Полевая почта работает, тылы имеются, пока всё нормально.

В конце письма отец даёт свой адрес:

«Действующая армия. Западный фронт. Полевая почтовая станция 261, почтовый ящик 4416».

Западный фронт – это очень неточный ориентир, фронт велик. К тому же именно Западный фронт принял на себя самый первый удар противника. Теперь он отступает, где конкретно находится 546-й артиллерийский полк, не ясно.

Другое письмо написано 10 августа 1941 года. Со времени написания предыдущего письма прошёл уже 21 день.

Отец сообщает:

«Пишу в автобусе на маленьком столике, на этом же столике стоит пишущая машинка, на которой писарь усердно выбивает приказ, поэтому у меня всё дрожит».

Легко догадаться, какой приказ. Идут самые напряжённые бои. Дорога каждая минута.

«У нас два дня шёл дождь, но грязи нет, так как почва песчаная. В лесу появляются грибы, начинает попевать брусника...»

Это тоже кое о чём говорит. Лес, песок, брусника – похоже на Полесье. Где же в это время были наши войска?

18. Официальные источники

Обращаюсь к различным источникам информации. Открываю 2-й том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза».

Немецкий план молниеносной войны «Барбаросса» предусматривал нанесение главного удара против войск Западного фронта в направлении Минск–Смоленск–Вязьма–Москва. К 20 июля наши войска под давлением превосходящих сил противника оставили Минск, Бобруйск, Витебск. Завязалось ожесточённое Смоленское сражение.

На Москву непрерывным потоком шли отборные немецкие танковые и моторизованные дивизии. На карте видно, что правый фланг немецкой армии оказался оголённым. Именно сюда были направлены свежие советские войска. Замыслом Ставки было подрезать в направлении Гомель–Бобруйск немецкий клин. Для этого в районе Гомеля была сосредоточена резервная 21-я армия. В неё вошли соединения, прибывшие и из Саратова – 53-я стрелковая дивизия и 63-й корпус. Отец служил в 546-м артиллерийском полку, входящем в 63-й корпус. По-видимому, этот полк прибыл из Саратова железнодорожным транспортом в Гомель. Вероятно, здесь была сделана последняя фотография отца – видна профессиональная рука городского фотографа.

19. Книга Ванчинова

Далее моему расследованию очень помогла книга саратовского историка Д. П. Ванчинова «Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны». Благодаря этому источнику стала ясна дальнейшая картина боёв на Бобруйском направлении. Решающая роль в контрударе Красной Армии отводилась 63-му корпусу Л. Г. Петровского, в состав которого входил 546-й корпусной артиллерийский полк. В результате этого удара наши части продвинулись в северо-западном направлении на 30 километров, овладев Рогачёвом и Жлобином. Немецкое командование было вынуждено выделить значительные силы из основной группировки армий «Центр» для ликвидации угрозы подрезания магистрали Барановичи–Могилёв. Сюда было переброшено восемь дивизий, и 11 августа был нанесён встречный удар под основание нашего «клина». Теперь мне стало ясно, какой приказ отстукивал на пишущей машинке штабной писарь. Напомню, что последнее письмо отца было написано 10 августа, то есть за сутки до немецкого контрнаступления. 19 августа немцами был взят Гомель. Путь отхода наших частей на восток был отрезан. Начался их прорыв из окружения. В результате длительных боёв части 21-й армии с большими потерями вышли из окружения в район Прилуки, на рубеж реки Псел.

63-й корпус, обеспечивавший отход армии, понёс самые тяжёлые потери. 17 августа в боях у деревни Скопня погиб командир корпуса комкор Петровский. По-видимому, недалеко от этих мест погиб и мой отец. Сколько безвестных братских могил было оставлено на этих болотистых равнинах при отступлении, можно только догадываться. Однако эти жертвы были не напрасны. На той же карте видно, что гитлеровское командование отделило от основной группировки значительные силы (2-ю армию и 2-ю танковую группу), развернуло их на 90 градусов и направило на юг. Их основной «клин» на Москву был ослаблен. Этим воспользовалось наше командование, проведя первое успешное контрнаступление под Ельней с 30 августа по 8 сентября. Операцией руководил Г. К. Жуков.

Москва выстояла. Блицкриг не получился. План молниеносной войны был сорван благодаря героизму наших солдат и офицеров. Сознание правоты придавало им силы в тех трудных условиях. Эта мысль согревает и сейчас нашу память.

**Борис
ОЗЁРНЫЙ**

Творчество талантливого саратовского поэта Бориса Фёдоровича Озёрного наш журнал неоднократно представлял в последние годы. (См. «Волга–XXI век» № 5–6, 2011 (стихи «Возвращение к Волге»), № 9–10, 2011 (Е. Мартынова «Огни над водой»), № 5–6, 2012 (стихи для детей), № 5–6, 2013 (рассказ «На подступах к Берлину»), № 11–12, 2013 (неоконченная поэма «Дочь Моряны»). Циклы стихов под названиями «Письма с фронта» и «Память о войне» неизменно входили в каждый сборник писателя-фронтовика Б. Ф. Озёрного. В этом номере мы публикуем лучшие стихотворения из этих циклов.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

ПИСЬМА С ФРОНТА

Нас разделяют вёрсты и недели,
Безжалостно разбитые войной.
И неспроста заметно заблестели
Виски мои неожиданной сединой.

Мы возмужали. Стали мыслить строже.
Видали смерть. Познали рай и ад.
Я был на целых десять лет моложе
Всего один лишь год тому назад.

Мы с тобою шли безлюдным садом,
Город был в тревожном полусне,
Перед нами ранним листопадом
Осыпались звёзды в вышине.

Не расстаться б, да пришлось расстаться,
Оборвать хорошие мечты,
За огнями промелькнувших станций
Где-то далеко осталась ты.

Был закат в огне пожарищ розов,
Женщины бежали на восток.
Видели мы всюду кровь и слёзы
В клубах пыли вздыбленных дорог.

И клялись мы клятвой сердца людям,
Женщинам без времени седым:
«Ничего фашистам не забудем,
Никогда фашистам не простим...»

Эта клятва по дорогам длинным
Нас вела сквозь горе до конца.
И пронёсся шквалом над Берлином
Правый гнев наш яростью свинца!

Дорогая моя!

Снова горечью ветры дохнули,
Треугольники писем
приносят и радость, и грусть.
Может, нынче уже
в моё сердце нацелена пуля –
Я в траву упаду
и к тебе никогда не вернусь.

Мы штыки целовали.
С друзьями на верность клялись мы.
Похоронят друзья,
известят постаревшую мать...
Только ты не узнаешь
и долго сердечные письма
Будешь мне посылать
и ответа с волнением ждать.
Может так и не быть:
я живу на прекрасной планете,
Я воюю за радость,
за счастье рождённых на ней.
Просто горько мне очень:
в походном истёртом планшете
Уменьшается список
испытанных в битвах друзей.
Только с фото теперь
улыбнутся знакомые лица.
Их не встретить. Мне с ними
не выпить бутылки вина...
То, что с ними случилось,
может также со мною случиться.
Третий год миновал,
как гремит над полями война.
Ты получишь письмо
в самодельном измятом конверте,
С добрым сердцем напишешь:
«Я очень и очень люблю»,
А не знаешь, как часто
хожу я в обнимку со смертью
И как часто с ней рядом
под бледными звёздами сплю.
Не ревнуешь? Напрасно!
Коль можешь, поплачь, дорогая:
Легче будет потом
с злой соперницей счёты свести.
Вон взметнулась ракета
и тает, во тьме догорая...
Точка!
Лирика кончена!
Надо в атаку идти!

Не знаю, когда, но мы встретимся снова,
Я щёки согрею теплом твоих плеч.
Пусть слово «люблю» – это нежное слово –
Живёт в твоём сердце для будущих встреч.
Все песни, что знал, мной сегодня пропеты,
Мне грустно от мысли нагой и прямой:
Не все доживём мы до светлой победы,

Не каждый из нас возвратится домой.
Но я не умру – всё пройду и осилю
В надежде на счастье далёкого дня.
На финской войне меня пули щадили,
Немецкие пули не тронут меня.
Не знаю, когда, но мы встретимся снова,
И жизнь будет снова чиста и светла.
Родная! Одно только нежное слово
Хочу я, чтоб ты для меня сберегла.

Мне цыганка старая гадала,
Говорила, вкрадчивая, мне,
Что придётся вынести немало
Разных бед-лишений на войне.
И ещё твердила мне упрямо,
Предсказав далёкий жребий мой,
Дескать, будут ждать в тоске три дамы
Короля червонного домой.

Что ж сказать? Лишений было много,
Вширь и вдаль разбитые поля,
И совсем нелёгкая дорога
Выпала на долю короля.
Завтра вражий стан сожжём дотла мы.
Бой идёт. Мы пять ночей без сна.
Может быть, и ждут меня три дамы,
Но желанная – лишь ты одна.

Ты любила звёзды,
больше всех – стожары,
И лужок под липой
у крутого яра.

У крутого яра
лунными ночами
Ты меня встречала
добрыми речами.

С добрыми речами,
юными мечтами,
Заводили песни мы
в голос с рыбаками.

В голос с рыбаками
на родном просторе,
Где нужды не знали,
позабыли горе.

Позабыли горе,
а оно подкралось,
И погожим вечером
песня оборвалась.

Песня оборвалась,
мы ушли в походы –
Бились с лютым врагом
все четыре года.

Все четыре года
жизни не жалели...
Так встречай же, девушка,
милого в шинели.

Милого в шинели
у крутого яра.
На груди гвардейца
светятся стожары.

БЕССМЕРТИЕ

Отрывок из поэмы

1

В ту ночь гуляла злая вьюга –
Мороза снежная подруга,
И, словно корабельный трюм,
Блиндаж был тесен и угрюм.
Сплелись десятки рук и ног,
Лежали люди, кто как мог,
И тлел на столике, мигая,
Едва заметный огонёк.

2

Кто был из нас не рад землянке,
Когда за полчаса до сна
Зайдёшь в землянку – а времянка
Нагрета кем-то докрасна,
И сесть за стол, не замечая,
Что слишком низок потолок,

Пить можжевельник вместо чая,
И всё ж не просто кипятком...

3

Короток отдых на войне –
Тревоги полон сон солдата,
И то, что виделось когда-то,
Всё снова видится во сне
В каком-то хаосе событий
И лет, далёких от войны.

Во фронтовом несложном быте
Бывали ночи тишины.

4

Мои товарищи храпели
И говорили вперебой.
Что снилось им под вой метели?
Кто звал их в битвы за собой?
Сержант в углу кричал: «Ура»,
Сосед журил кого-то строго.
Должно быть, было три...
Немного
Ждать оставалось до утра.

5

В ту ночь гуляла вьюга злая,
Кругом – на сотни вёрст – покой.
В ту ночь лежал я третьим с края
На хвое, пахнувшей смолой.
Мне не спалось. В часы покоя,
Когда стихает шум и гам,
Нахлынет вдруг пережитое,
Где счастье с горем пополам.

6

Я вспоминал. Неповторимы
В минувшем радужные дни –
Костры рыбацкие Чардыма,
На стрежнях белые огни.
Я вспоминал часы закатов,
Рассветной Волги синеву,
И город мой, родной Саратов,
Вставал как будто наяву.

7

Поймут ли мудрые потомки,
Как тяжелы в огне войны
Солдат защитные котомки
И как пути солдат длинны!
И пусть, листая наши годы,
Потомок выпишет резцом
Глухие ночи непогоды,
Снег вперемешку со свинцом.

8

В такие ночи мы шагали
С военным грузом на спине,
В такие ночи умирали
Солдаты наши на войне.
В такие ночи штурмом брали
Войска преграды жгучих вод –
Пусть наше мужество на стали
В руках потомков оживёт.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Ой ты, поле – бескрайние дали,
Сотни вёрст – голубые снега.
В этом поле мы насмерть стояли,
В этом поле громили врага.
И когда были тяжки походы,
И когда было трудно в бою,
Напевал нам товарищ комроты
Немудрёную песню свою:

«Буйным ветром завьюжено поле,
Заметало дороги пургой.
У солдата – нелёгкая доля,
Но почётней нет доли другой».

В битвах крепи солдатские силы,
В битвах ярость кипела в груди.
Молчаливы степные могилы
На солдатском военном пути.
Через горы и бурные воды
Шли вперёд мы под вражьем огнём.
Не допел свою песню комроты.
Пели мы, вспоминая о нём:

«Буйным ветром завьюжено поле,
Заметало дороги пургой.
У солдата – нелёгкая доля,
Но почётней нет доли другой».

Только звёзды роняют осколки,
И лежит на полях тишина.
От седой, от прославленной Волги
Навсегда отступила война.
На полях зреет рожь наливная,
У реки новых строек огни.
И порой мы поём, вспоминая
Фронтные, суровые дни:

«Буйным ветром завьюжено поле,
Заметало дороги пургой.
У солдата – нелёгкая доля,
Но почётней нет доли другой».

А. И. Черненко

Дрожащим светом даль озарена.
Сняв якоря за волжским перевалом,
Плывёт, как лёгкий парусник, луна
К далёким неразведанным причалам.

В такую ночь спокойно бы уснуть,
Но гонят сон далёкие раскаты,
И видится не мглистый Млечный Путь,
А тот, что пройден поступью солдата.

Траншеи зарастают муравой,
И раны заживают понемногу,
А мы нет-нет да вспомним ротный строй,
Избитую воронками дорогу.

Припомним путь лишений и побед,
Друзей, что равно горести делили...
Дрожит над Волгой синий лунный свет,
Встают в виденьях огненные были.

В такие ночи на краю земли,
От сёл родных и рек – в далёкой дали,
Мы не костры – свои мы жизни жгли
И о покое (что скрывать!) мечтали.

Вот он, покой, бери его и трогай,
Он ощутим, как воздух над рекой,
Но сердце всё ещё живёт тревогой,
Не хочет примириться с тишиной.

**Галина
РОГОЖИНА**

Виктор Политов. 1949 год

«А Я НИ РАЗУ НЕ БЫЛ НА ВОЙНЕ...»

**80-летию со дня рождения писателя
Виктора Политова посвящается**

Виктору Политову было семь лет, когда 12 июля 1942 года немцы бомбили мост через Дон возле города Серафимович, мешая переправляться за Дон отходящим, измученным в боях советским воинским частям.

Дом деда Ивана Андреевича, маленький деревянный домишко, стоял на улице Нижней, ближайшей к Дону, который ежегодно весной заливал домик по самые окна и разваливал печку.

Вот как описывал впоследствии Виктор Политов потрясение от первой бомбёжки: *«Утром у нас в доме ставни закрыты, чтобы прохладно было. Встал я – в хате никого. Мать на работе. Дед где-то за Доном, на плантации, а ба, наверно, во дворе или на огороде, у неё много всяких дел. Выскочил на крыльцо, оно диким виноградом увито. Красота. Забыл я спросонья про войну. И вдруг разом вспомнил. Так*

-
- Галина Сергеевна Рогожина (Политова) родилась в 1936 году в Астрахани. Окончила экономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института. Работала экономистом, учителем химии и биологии, журналистом. Публиковалась в журналах «Отчий край», «Подъём», «Аргмак», «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

мне тоскливо сделалось, что лучше уж совсем не просыпаться. Стою, одной рукой глаза протираю. Всегда, как выскочишь из полумрака хаты на свет, солнышко ослепит, круги жёлтые в глазах. И вдруг слышу: самолёты гудят тяжело: «У-у-у! У-у-у!» Сразу почуял неладное. Слишком зловеющий гул. Самолёты разом вынырнули из-за Брехуны – и низко, по-над самыми деревьями... Ничего толком разглядеть не успел, как загрохотало кругом, затряслась земля, как припадочная. Чёрные клубы дыма, обломки какие-то в небо летят. Крыльцо подо мной ходуном ходит. Со страха кинулся я в хату и схоронился под кроватью. Это я от ба туда залезал. От матери нигде не спрячешься, вытащит. А от ба чуть что – и под кровать. И всегда можно пережить грозу. Но тут меня и под кроватью трясёт и подкидывает, как погремушку. От войны, оказывается, нигде не схоронишься. А там всё гудит, рвутся бомбы, даже ушам больно. В хату влетела мать – я по ногам угадал. Мать сразу догадалась, что я под кроватью, вытащила меня и вместе с каким-то узлом добра отволокла и столкнула меня в погреб. Слетел я, стукаясь по лестнице, но никакой боли не почувствовал. Как только мы – и мать, и ба – оказались в погребе и закрыли за собой крышку, меня объял настоящий ужас. Погреб тесный, шевелится земля как живая – вот-вот завалит. Я пытаюсь выскочить наружу, лезу по лестнице вверх, мать стаскивает назад, я отбиваюсь ногами, брыкаюсь... И вдруг всё кончилось... Очнулся я в хате. И мне больше ничего не хотелось. Ни играть, ни есть, ни даже вставать с кровати. Так я лежал и лежал... Единственное, о чём я мечтал, – это уснуть и увидеть во сне, что войны никакой нет. Но когда я засыпал, мне опять снился тесный погреб и комья земли, что отваливались от стен...» (В. Политов, «Избранное», том 1, стр 35, «Река и звёзды»).

В июле 1942 года крупная немецкая группировка в составе 6-й полевой (мотопехота) и 4-й танковой армий вошла в излучину Дона и развила стремительное наступление со стороны станицы Боковской Ростовской области в направлении станицы Клетской (где впоследствии снимался фильм «Они сражались за Родину») и города Серафимович.

17 июля 1942 года войска вошли в хутор Горбатов – крайний в Серафимовичском районе со стороны Ростовской области, до Серафимовича оставалось 70 километров. Немцы вводили в бой всё новые и новые силы, чтобы форсировать Дон и прорваться к Сталинграду с северо-запада, до которого по прямой оставалось 120 километров.

17 июля считается официальной датой начала Сталинградской битвы. В хуторе Горбатов первой жертвой стал милиционер Григорий Михайлович Колесников, который до последнего оставался на посту, сообщая в райком о появлении танков и мотоциклистов. Успел убить двоих мотоциклистов перед смертью.

Войска Сталинградского фронта развернулись для обороны. Немцы буквально сметали истерзанные советские части. В город Серафимович немецко-фашистские оккупанты добрались только к 1 августа, предварительно разбомбив райком партии, милицию и даже дом первого секретаря райкома партии – так хорошо они были осведомле-

ны об обстановке. Сразу были произведены аресты и расстрел мирного населения. В Серафимович вошли 3-я Румынская армия Антонеску, 3-й итальянский дивизион и 76-я пехотная дивизия немцев.*

На полгода затянулась оккупация города Серафимович и района. Нагляделся семилетний мальчишка на немцев-эсесовцев, которых боялись рядовые немцы, на румын – беспомощных вояк, которых немцы бросили при отступлении, на итальянцев – красавцев в свеженьких мундирах. А потом видел он их и обмороженными, оборванными, голодными, *«когда их чёрной лентой по снегу гнали чуть живых»*, как напишет он уже взрослым в поэме «Магелланы вселенной». А пока мальчишеское любопытство не даёт ему покоя даже во время бомбёжек, когда он выглядывает из погреба, куда они прячутся. И память о войне глубоко запала в его впечатлительную душу. И в стихах, и в прозе будет Виктор Политов потом писать о ней.

В повести «Река и звёзды» он пишет: *«Слишком много я видел разрушения. Страсть к разрушению уже начала въедаться нам, пацанам, в кровь. Что-нибудь взорвать – это же здорово!*

– Тащи, Витёк, снаряд под танк. Сейчас мы разведём костёр, и...

А под танком орудуют другие пацаны, постарше. Снаряд мне попался тяжёлый. Выскальзывает из рук, зарывается в снег. И как я ни старался, но дотащить его до танка не успел. Танк вдруг приподняло взрывом, меня тоже приподняло, швырнуло в сугроб, и очнулся я уже в хате.

А те, что были под танком, не очнулись совсем. Их уже не было».

Сколько раз он ходил по краю, был на волосок от смерти, сколько раз «не успел». Повезло. Но он всё это запомнил:

*Мы, улиц верные сыны,
Росли по пустырям Европы,
Где ниву щедрую войны
Воронки взрыли да окопы.*

*Там было столько всяких мин,
Гранат, снарядов, даже пушек,
От счастья замирали мы
При виде дармовых игрушек.*

*Уже не вспомню я лицо
В клочки разорванного друга.
У нас ведь не было отцов,
А матерям бывало туго.*

*С работы приходила мать
Всегда угрюмой и усталой,
Откуда было ей узнать
Про все снаряды и запалы,*

* Информация взята из книги «Соль земли родной», изданной в Волгограде в 2011 году издательством «ПРИНТ».

*Что мы тащили под крыльцо
И бережно хранили с другом.
У нас ведь не было отцов,
А матерям бывало туго...*

*А мой отец с другою жил,
Но я, друзьям не изменивши,
И безо всякой горькой жи
Считал, как все, отца погибшим.*

Отец Виктора не был на фронте, так как ещё до войны лишился правой руки до самого плеча. Виктор дружил с детдомовцами, на огороде детдома работал дед по матери, Иван Андреевич Устинов. Так что Виктор говорил: «...у нас ведь не было отцов» – от имени своих друзей из детдома.

Он рассказывал мне, что под его крыльцом были гранаты всякие: русские, немецкие, итальянские. И однажды после дождя он решил проверить свой арсенал. Начал с русской. Она заработала. Он приготовился к смерти: тесно под крыльцом было – не выскочить. Он был один на один со смертью. Он не думал о том, что взорвёт дом, убьёт, может быть, кого-то из родных, он был один... Вдруг граната умолкла, что-то в ней заело всё-таки от дождя. «Я выскочил из-под крыльца мокрый, как карась», – признавался Виктор.

Однажды нашли действующую пушку со снарядами к ней. Умели ребята обращаться со всеми этими «игрушками», нагляделись, как это делали взрослые. Повернули пушку в сторону города и начали палить. Конечно, подняли переполох в городе. Спасло их и родителей от расправы только то, что с ними был и сынок начальника милиции.

Прав был Виктор, что война всё-таки внедрила в их душу страсть к разрушению. Но не было в ту пору психологов, которые занимались бы душами подростков, переживших такую страшную и безжалостную войну. Он видел, как у раненого солдата «кишки вылезали из живота, как тесто из квашни», солдат кричал, упрашивал пристрелить его. Однажды нашли мину с нитроглицерином, отвинтили крышку, увидели маслянистую жидкость. Их было человек восемь – «детей войны», как теперь называют. Кто-то хозяйственный предложил: «Вот бы ботинки помазать!» Но всё-таки какой-то опыт войны у этого поколения был: пробку аккуратно завернули и остались целы. Некоторые из них стали потом дельными людьми, например, Вадим Кислов получил профессию врача.

Но следующее поколение школьников не было так осведомлено. В 1963 году (незадолго до моего переезда на Дон) семь человек обнаружили такую мину и взорвались на ней. Я видела семь могилочек на городском кладбище. Среди них был сын директора школы, жена которого была учительницей. Когда она заходила в класс и видела пустое место там, где раньше сидел сын, она не выдерживала, у неё, видимо, начиналось тихое помешательство. Видела я и то, как муж возил её в своей машине, безучастную, как куклу, в аккуратной панамочке на голове, прислонённой к боковой дверке автомобиля.

Так что война не оканчивается с объявлением Победы. Не зря, начиная поэму «Война», которую Виктор Политов собирался посвящать Виктору Петровичу Астафьеву, он писал: *«Нет у войны конца, как ни печально, / Есть те, кто не бывает на войне...»*

*Я был такой же, как и все, мальчишка.
И верил в колдунов и домовых.
Меня пугал соседский парень Мишка.
И честно, я тогда боялся их.
Не ночью, а каким-то ранним утром
На нас, наверно, разозлился бес.
И так всю хату тряханул он сдуру,
Что я от страха под кровать залез...*

И ещё отрывок из этой поэмы:

*Меня учила бабка «Отче наш»
В сыром и полутёмном погребу.
По нам лупили немцы, били наши,
И мы молились за свою судьбу.
Но бог войны на нашем встал пороге.
К нему легко мальчишке привыкать.
И вместо «Отче наш» я понемногу
Стал причитать: «Ах, так твою размать!»
А Мишку не пришлось мне больше видеть –
От дома их остались кирпичи.
Гундел я: «Ма-а, ну ходим к тётке Лиде...»
А мать сердито глянет: «Замолчи!»
Трясли нас недолёты, перелёты.
А стихнет – так охота посмотреть...
Вот это танк! А вот в саду пехота.
А это что?! И угадал я: СМЕРТЬ.
Боец лежал, легко раскинув руки,
Собрался и не может их поднять...
Что без него родятся дети, внуки,
Конечно, я не мог тогда понять.
Я слушал, как снаряд над мёртвым стонет,
На миг увидел дым и столб огня,
И в погреб полетел в тягучем звоне...
Война слегка погладила меня...*

Поэма была сделана начерно, но Астафьев хорошо о ней отзывался: *«Мне очень приятно посвящение, а ещё приятнее, что оно поставлено не над пустыком. Поэмка, а также начало какой-то большой вещи сколочены крепко, стих ладен и складен, местами от драматизма и накала повествования даже спину холодит... Надо делать что-то вроде повести в стихах, где бы истина о тех, кого война сделала бродягами и преступниками, была не только констатирована, но и со всей страстной и горькой правдой изображена. У*

нас очень не любят, да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота заводились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойнее изображать, да и печатается это охотней, а вот чем страшна война – то у нас как-то стыдливо замалчивается...»

В поэме Виктора Политова речь шла о двух его приятелях, с которыми он бежал из дома, чтобы «поглядеть города», главное – «свой самый первый город – Сталинград», о котором немцы им твердили почти полгода, что «Сталинград капут!», а капут-то получился самим немцам. До Сталинграда добрался Виктор один, а те двое братьев-друзей «уплыли» далеко. Привыкшие от голода воровать, они в конце концов оказались в тюрьме, стали рецидивистами. А между тем один из них, как и Виктор, уже в раннем детстве тоже писал стихи, но судьба сложилась иначе. Характер другой... Мне пришлось видеть его где-то году в 90-м – у нас, на хуторе Берёзки. Он был озабочен поиском наркотиков.

Видимо, Виктор не решился доделывать эту поэму с тем размахом, что советовал Астафьев, и её никогда не печатал. Но он не оставлял тему войны, слишком много было пережито в раннем детстве, и потому он пишет стихотворение с тем же названием – «Война»:

*А я ни разу не был на войне,
Война лишь только раз прошла по мне.
Оставила на память боль увечья,
Чтоб знал, как надо жить по-человечьи.
Я осознать не мог её вполне,
Когда наш старфый сад сминали танки,
Когда сжимали нас в тиски атаки,
Когда казалось, что весь мир в огне.
А я ни разу не был на войне,
Но обмирал я в жуткой тишине,
Когда вдруг умолкал обвальный грохот,
Когда не знал, что это ведь оглох я,
Когда всё безразлично стало мне.
А я ни разу не был на войне.
С тех пор я плохо слышу, зорче вижу,
С тех пор насилье, подлость ненавижу,
С тех пор от этой жизни в стороне
Я понимаю: был я на войне.*

Как пишет член Союза писателей СССР Яша Удин в своей статье «Одиночество художника» («Волга – XXI век», №№ 1–2 2014): «Можно сказать, ему повезло родиться там и тогда – как это ни кощунственно звучит! – где и когда творилась самая страшная и вместе с тем самая значительная история человечества... (Так и хочется добавить: которую сейчас пытаются переписывать не очень порядочные историки! – Г.Р.) Казалось бы, душа его навсегда должна была запечься в злобе и беспросветной ненависти. Однако нет,

к счастью, он сподобился воспользоваться единственной в такой ситуации отдушиной: целью и смыслом жизни сделал творчество и тем самым сохранил душу в чистоте и светлости...»

Мысль не нова, ведь два русских гения – Пушкин и Тютчев – писали об этом. Пушкин: *«Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю... / ...Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья – / Бессмертья, может быть, залог, / И счастлив тот, кто средь волненья / Их обрести и ведать мог...»* Тютчев: *«...Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир...»*

Наверно, в этом что-то есть, коли в послевоенное время появилась целая плеяда прозаиков, которые писали пронзительные вещи о войне. Это Виктор Некрасов – «В окопах Сталинграда», Юрий Бондарев – «Горячий снег», Михаил Алексеев – «Мой Сталинград», Виктор Астафьев – «Пастух и пастушка», Евгений Носов – «Красное вино победы», Василь Быков, создавший множество трагических повестей о войне, и многие другие. Все эти люди были солдатами, державшими в своих руках оружие. И вот к ним «примыкает» мальчишка, перенёсший войну во всей своей детской беспомощности, но рано понявший, как и всё наше поколение «детей войны», трагедию обеих воюющих сторон, ведь войны затевает не народ, а люди с большим самолюбием, имеющие власть.

Поэт тогда становится поэтом, когда отражает боль и чаянья народа. Виктор Политов присутствовал при расстреле земляков на Дону, семилетним стоял под дулом автомата. Стоял, ждал пули и боялся. Как все. Потому так пронзительны его стихи об этом:

*Донская степь плыла снегами,
Кроваво небосвод горел,
Детей и женщин – всех согнали
Они в то утро на расстрел...
«Расстрелян будет каждый третий!..»
И автомат глядит в упор.
Я, может быть, живу на свете
С душой, расстрелянной с тех пор.
Не зная, что война не вечна,
На «их» и «наших» мир деля,
Какой судьбой твой путь отмечен,
Не понимали мы, Земля.
Мы объясняли мамам: «Рама»,
Мы говорили мамам: «Тигр»,
Мы знали, сколько в пуле граммов,
Не зная, что такое мир.
А вот когда их чёрной лентой
По снегу гнали чуть живых,
Мы просто так вот, незаметно,
Зачем-то вдруг жалели их.
Рождались мира в нас зачатки,*

*В нас, еле помнящих отцов,
И кукурузные початки
Кидали мы войне в лицо.*

(Отрывок из поэмы В. Политова «Магелланы вселенной»).

Мальчишкам было у кого учиться великодушному отношению к побеждённым. Виктор рассказывал мне, что видел, как брёл вдоль плетня полуживой румын, оставленный немцами на произвол судьбы при отступлении. Он уже, видно, обменял верхнюю одежду на еду, были у них полушубки. А теперь в мороз брёл он в одном свитере. Вдруг какой-то начальник на паре лошадей, в шубняке, решил показать свою власть, угрожая румыну пистолетом. Увидели это женщины, смелые бабы – донские казачки, стащили этого «героя» с коней и били кто чем, приговаривая: «Вояка! Иди на фронт повоюй!»

Не привыкли на Руси «бить лежачего».

Виктор был объективен в оценке людей и явлений с детства – был у него такой дар. Впоследствии это проявлялось и в трезвости оценки социальных явлений, он никогда не лгал сам себе, и в стихах тоже, не писал на заказ:

*Я видел немцев добрых и простых,
Терпел их ласки страхом одичалым,
Но на коленях ты меня качала
И прятала в чуланы и кусты.
И разлучить нельзя им было нас
Ни лаской, ни улыбкой, ни конфетой,
Они так ясно чувствовали это
По чистоте не детски хмурых глаз.
Любви к тебе никто мне не внушал,
Но ту любовь из двух не выбирая,
Я всю тебя, Россия, принимаю,
Тобой жить мне и тобой дышать.*

Потому, когда на Руси было плохо, Виктор это угадывал предчувствием. Взять его стихотворение «Россия», написанное в 1989 году, накануне развала страны. Вот как писал об этом стихотворении волгоградский поэт Василий Макеев:

«И сокровенный человек выфыдывал почти по-блоковски безумные стихи:

*Идут дожди, холодные и злые,
Россия в пасмурной грязи.
И низко тучи грозовые,
А там хоть мёртвых вывози.*

*Уже обобрана до нитки,
С душой, надломленной от слёз,
Тебя вели вожди на пытки –
Босую, в гибельный мороз.*

*По лагерям, по зыбким тоням
Всходила, Русь, на плаху ты,
И снежные кружились хлопья –
Твои надгробные цветы.*

*Но ты воскреснешь, ты воскреснешь,
Ты воскресала столько раз!
Не будет лжи и лживых песен,
Пропетых кем-то на заказ.*

Конечно, не покалечиться в военное время Виктор не мог. «Любопытство было сильнее меня», – писал он в повести «Река и звёзды». Начал он с того, что разрезал лошадку из папье-маше, что купил ему дед Иван – непозволительная роскошь для деда, довольно прижимистого, как все крестьяне. Разрезал, чтобы посмотреть, что у неё внутри. Его, конечно, выпороли. «Хотел узнать, отчего горит электрическая лампочка. Когда дома никого не было, выкрутил её, а в патрон сунул ножницы, чтобы пощупать, что там её поджигает. Посыпались искры, а меня так садануло, что я мигом слетел со стола... Ходики на стене были для меня священны. («Сломаешь часы – убью! Так и знай!» – обещала мать, зная его «творческую» натуру – что-нибудь да натворит! – Г.Р.) Мне очень хотелось узнать, отчего же они всё-таки идут и показывают время... Я не хотел их ни ломать, ни разбирать. Я только догадался: потянешь за гирьку – и они начинают быстрее тикать, ещё сильнее, ещё, ещё... И вдруг гирька оторвалась и осталась у меня в руке. А цепочка, на которой она висела, рассыпалась по полу...»

Вот этот беспокойный парень приносил матери множество огорчений. «А дома мать взяла моду: сама на работу, а меня на целый день замыкает одного. Да ещё грозит: «Вылезешь в окно – убью!» Один раз вылез, заигрался на улице, не заметил, как мать с работы пришла. Кинулся домой, но поздно. Мать порола меня долго и больно, но не убила. Вылез во второй раз, думаю: теперь буду хитрым. Надо пораньше домой: в окно – и как будто ничего не было... Запал я отобрал у Тулены. Тулена заревел: «Мамке ска-ажу-у-у!» «Иди, жалься, жила!» – да ещё и поддал ему на дорогу хорошенько.

Запал то ли от гранаты РГД, то ли от противотанковой... Они почти одинаковы. Померить бы, да гранаты ни одной, как назло, под рукой нет. А так запалом чё делать? Нешто попробовать разломить, поглядеть, что у него внутри? Нашёл я какое-то колёсико с подходящей втулкой, сел под клёном на погребке. День солнечный, ясный, ласточки над огородом летают туда-сюда, тишина. Далеко в степи только грохочет и грохочет, как будто там беспрерывно гремит гром. В запале ничего интересного нет. Посыпался белый порошок. Но не успел я ничего разглядеть, как гром грохнул прямо у меня под носом. Каким-то чудом остались целыми глаза. Этими глазами я увидел, что левая рука – всё! Левую руку уже никак не соберёшь. Даже мосолики беленькие ещё несколько мгновений видел, потом хлынула и всё залила кровь.

«Тётя Лена, только не говорите маме!» – просил я соседку...»

В жизни, а не в книжке, он попросил: *«Не говорите маме, что я на всю жизнь остался калекой...»* Видно, боялся очередной порки.

Оперировал Виктора хирург ещё фронтowego госпиталя. Рука болела долго, лекарств-то не было, как теперь. В школе никто не хотел с ним рядом сидеть.

Но в человеке было столько энергии, что, едва разделавшись с одной бедой, он находит другую из-за всепожирающего, видимо, и творческого любопытства, когда с двумя друзьями он уплывает вниз по Дону, чтобы посмотреть, что стало со Сталинградом. И увидел: *«Лишь груды кирпича да стен обломки, / И был там дом, а, может быть, и два. / А я сидел над Волгой в щёлчке / И удивлялся: Волга – это да! / Уже я знал, что здесь, на этих камнях, / Решалась также и моя судьба».*

Немудрено, что город ещё был в развалинах. Как сообщало радио «Комсомольская правда», когда фронт отошёл от Сталинграда, там осталось 200 тысяч неубранных человеческих трупов и 10 тысяч трупов лошадей. И всего лишь пять тысяч жителей, занятых восстановлением тракторного завода, который уже в 1943 году отправил на фронт первый свой танк. Конечно, из окрестных сёл и с хуторов люди возвращались в Сталинград. Но жить-то там было негде.

Виктор ночевал в подвалах, так как стены домов обваливались и были опасны. А в подвалах расплодились крысы, и ему приходилось отбиваться от них. Ослабел он ото всех подвигов и погиб бы, не будь рядом отзывчивых людей, которым посвящена была впоследствии и первая часть повести Виктора Политова «Ширина», что печаталась в 11-м номере журнала «Волга» за 1986 год.

А пока ещё один отрывок из той же недоработанной поэмы, что посылал Виктор Виктору Петровичу Астафьеву:

*И вот брожу один по Сталинграду,
В чужих штанах, почти что как Гаврош,
И, кстати, побывал на Баррикадах,
На Тракторном, в Бекетовке, но дрожь...
Но лихорадка подлая валила
К обеду в камни где-нибудь меня.
Трясёт, трясёт, но этого ей мало,
И наконец сгорал я от огня...
Три дня не ел, в подвалах где-то спал,
И стрелочница, помню, тётя Дуся
Втащила в будку, а не то б пропал.
Большая, очень грубые ладони,
И голос – тоже, прямо как мужик.
И в погреб я летел в тягучем звоне,
И сквозь туман её я слышал крик.
Она меня трясла, звала, кричала,
И к ней я приходил издалика.
Она меня отхаживала чаем
И кружкой откидного молока.*

*И многие навек бы замолчали,
Когда б не чай, да со ржаным куском...*

Скоро 70-летний юбилей окончания Великой Отечественной войны, а рядом 80-летний юбилей бывшего мальчишки, пережившего эту войну не без участия в его судьбе отзывчивых русских людей. И эти два юбилея всегда в будущем будут совпадать – так определила судьба поэта и прозаика Виктора Политова.

В повести Политова «Река и звёзды» о его фронтовом детстве есть фраза: «Дон немцы никак не могут перейти, и в городе почти всё время вспыхивают бои...» Коротенькая фраза. А что за ней?

В 1988 году на гонорар от выхода в московском издательстве «Современник» книги повестей В. Политова «К Большой Медведице» мы купили на левой стороне Дона, в хуторе Берёзки, что прямо напротив города Серафимович, старинный, чуть ли не двухсотлетний курень. Тринадцать лет, что мы там прожили, ежегодно, когда мы пахали огород при дворе, выгребали пули или гильзы от русских винтовок. Здесь, на левом берегу, сражались за Родину советские солдаты. И когда проходишь лесом к Дону, чтобы перейти по мосту в город, идёшь мимо окопов и блиндажей, всё ещё не сравнявшихся с землёй за все десятилетия мира. Всё ещё зовут сапёров из военкомата, когда в городе кто-то начинает рыть канаву под водопровод или канализацию; всё ещё взрываются пахари на полях, натываясь на случайно уцелевшие снаряды. Взрывался даже скот на пастбищах...

*Нет у войны конца, как ни печально,
Есть те, что не бывали на войне...*

Так что война не оканчивается с объявлением о конце войны, она надолго оставляет свои следы на земле и в душах людей, переживших её.

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Дорогой читатель!

Перед тобой лежат воспоминания о детстве и юности, проведённых в стенах Саратовского суворовского училища.

Хочется предварить эти очерки некоторыми пояснениями. Училище было организовано более 70 лет назад, в 1944-м, предпобедном году. Воспитателей и преподавателей собирали со всех фронтов, как с бору по сосенке. Теперь с высоты прожитых лет мы можем судить о тщательности этого отбора. Литературе и русскому языку учили профессиональные литераторы и фронтовые журналисты, иностранному языку – «сгоревшие» зарубежные разведчики. Воспитатели и взводные «дядьки», только что пришедшие с фронта, были награждены многими орденами, да и некоторые мальчишки-суворовцы были партизанами, с медалями на гимнастёрках.

Воспитывали они нас строго, по-фронтовому, но их отличали безупречная честность и порядочность. К суворовцам, даже самым младшим, обращались только на «вы», и сквозь эту сдержанность и официальность у каждого по-своему проступали теплота и нежность. Эти воспоминания честны – этим и интересны: в них отражается картина жизни нашей страны после разгрома фашистов.

Юрий Скворцов,

председатель Саратовского регионального
Суворовско-Нахимовского союза,
доктор медицинских наук,
профессор, заведующий кафедрой
Саратовского государственного медицинского
университета им В. И. Разумовского

**Юрий
ДМИТРИЕВ**

О СУВОРОВСКОМ УЧИЛИЩЕ

Родился я 29 ноября 1933 года. Отец мой был кадровым военным, в 1934–1938 годах в чине майора занимал должность военного коменданта Сталинграда. Мама состояла в горкоме партии. Судьба военного неисповедима, и в 1940 году мы оказались в только что ставшей Советской республикой Эстонии, в городке Петсере. Папа стал комиссаром полка, а мама, как и раньше, членом горкома ВКП(б).

Родители пропадали на работе с утра до ночи, и нас с братом и сестрой воспитывала бабушка, Евгения Тимофеевна. Она была маленькая, худенькая, но жилистая и очень ловкая, знала много сказок и страшных историй, которые рассказывала нам обычно днём. И при этом добавляла: «При свете дня нечистая сила нам не привидится, а к ночи мы её поминать не будем, и так обойдётся!» А исподволь она внушала нам: «Старших уважай, младших не обижай, а со сверстниками держись как равный!» И эти заветы мы все трое продолжаем соблюдать по сей день. Получившая воспитание в самой обычной крестьянской семье, где религия была на первом месте, бабушка никогда не водила нас в церковь и не ставила иконы в передний угол. Она прекрасно понимала, что детям партийных работников ни к чему даже пробовать «религиозный опиум». Зато всегда и в сказках, и в песнях, и в необыкновенных историях подводила нас к мысли о необходимости быть чест-

-
- Юрий Яковлевич Дмитриев – выпускник Саратовского суворовского училища (1951 года); хирург-онколог, более 40 лет преподавал в Саратовском медицинском институте (университете). Имеет более 200 научных публикаций. Был участником литературного кружка «Молодые голоса», которым руководил известный саратовский писатель Иван Михайлович Корнилов. Ю. Я. Дмитриев – автор книг «Незабываемое Саратовское суворовское», «Добрый век профессора Голубева», «Одоление» (о профессоре Т. А. Куницыной) и др. Автор сборника стихов «Мелодии моей души». Автор-составитель четырёх сборников стихов и рассказов выпускников суворовского училища, автор песен, музыку к которым написали саратовские композиторы. В настоящее время работает консультантом в лечебно-консультативном центре Саратова.

ным, искренним, благородным и добрым человеком. Она не слышала ничего о Конфуции, жившем ещё до нашей эры, но смысл её наставлений был схожим: «На добро отвечай добром, на зло – справедливостью!» Особенно опекала нас бабушка во время войны, когда мы жили в деревне под Саратовом, в Лысогорском районе, в Бутырках, у младшей её дочери, тётки Дуси.

Война началась июньским воскресеньем. Полк в это время жил в лагерях за городом. И мы с папой с утра отправились на рыбалку, благо небольшая речушка огибала лагерь почти с трёх сторон. Папа взял себе большую удочку с крупным крючком, обещав маме принести полное ведро щук. А мне достались две маленькие удочки с такими же маленькими крючками, как говорил папа, для ловли «синьтюшек», чтобы использовать их в качестве наживки. И я с первого же заброса действительно подцепил позарившуюся на моего извивающегося червячка небольшую рыбёшку. Но нацепить её на большой крючок папе не дали. На берегу вдруг появился вестовой и прокричал, что папу срочно вызывают в штаб полка. Папа тут же подтянул якорь и погрёб к берегу. Там он быстро переобулся и, поцеловав невесть откуда появившуюся маму, убежал вместе с солдатом в свой штаб. Мы с мамой, грустные, вернулись в наш маленький деревянный домик, а там мама и бабушка сели на кровать и, обняв моих брата и сестру, почему-то горько заплакали. Мне они обе пытались объяснить, что началась война, Гитлер напал на нашу страну. Я не знал, кто он такой, но стал ругать его всеми нехорошими словами, которые тогда знал. Ведь из-за него не состоялась наша столь долго ожидаемая рыбалка, из-за него так убиваются мама и бабушка, из-за него папа вынужден в выходной день заниматься военными делами. И я сразу понял, что Гитлер – это очень плохой человек, гораздо хуже Бармалея и других разбойников, недоумок, как любил говорить про таких типов папа.

Через три дня папа усадил нас в грузовую машину, и мы поехали в Псков, на вокзал. А там, на привокзальной площади, мы попали под бомбёжку. Правда, мы тогда это не сразу поняли. Просто неподалёку ухали взрывы, как на полигоне после выстрела из пушки, да наша машина подпрыгивала в такт разрывам. Оказалось, немцы бомбили, или пытались бомбить, рельсовые пути. Но, по-видимому, не совсем удачно, потому что вскоре мы сели в поезд и поехали по направлению к Москве. Конечной целью нашего путешествия была деревня Бутырки в Лысогорском районе Саратовской области, где жили младшая мамина сестра с мужем и двумя дочерьми. Сама тётка Дуся работала на колхозной ферме дояркой, поэтому уходила из дома ни свет ни заря. Муж её, дядя Серёжа, был районным ветеринаром, но его вскоре мобилизовали и направили учиться на танкиста. Всю войну он провёл в боевой машине и вернулся с войны с четырьмя орденами и шестью медалями. Вся забота о нас лежала на плечах бабушки, потому что моя мама осталась в Саратове в должности начальника эвакоотдела облисполкома.

В сентябре 1941 года я пошёл в школу, которая находилась в посёлке Лысые Горы, что в двух километрах от нашей деревни.

Мы, младшие школьники, собирались около нашего дома, поскольку с него начиналось это небольшое селение, и весело, с песнями и шутками-прибаутками шумливой гурьбой направлялись к месту учёбы. На погоду мы никогда не обращали внимания, потому что нашей целью было хорошо учиться, чтобы отцы на фронте могли гордиться нашими пятёрками. Тогда же учительница Мария Тимофеевна предложила мне читать стихи для раненых в госпитале, который располагался недалеко. И мы – девять мальчиков и девочек – поле уроков через день давали концерты в разных палатах. Бойцы, которые бесстрашно ходили в бой с врагами и имели крепкие сердца героев, нередко плакали, особенно когда пели маленькие девчужки.

А однажды (это было зимой сорок третьего года, когда я учился во втором классе) от папы с фронта пришло письмо, написанное в стихах. Мы читали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Но тут оказалось, что мой папа – совсем не поэт – вдруг написал стихи. И у меня невольно возникла мысль, что я тоже могу сочинять, ведь папа смог. В тот же вечер, выполнив домашнее задание, я уселся у «галанки», как называли нашу печку, и принялся сочинять, чтобы потом почитать свои творения брату, сёстрам и, конечно же, учительнице. Поскольку на улице стояли морозы, я решил написать о них. Но в моих строчках почему-то оказывались слова из хорошо известных мне стихотворений о зиме, метелице и снежных сугробах. От досады на своё неумение я решил отложить сочинительство на «потом». Но начавшийся зуд стихотворства уже не давал мне покоя, поэтому я в отдельную тетрадь стал записывать приходящие в голову в любое время оригинальные, как мне казалось, строчки. К весне я сочинил стихотворение о том, что рано утром петух, разбуженный тётей Дусей, взлетел на плетень и начал будить всё село, призывая взрослых к работе, а нас, ребят, собираться в школу. Мои сёстры были в восторге, а младший братишка ехидно улыбался – мол, я списал у кого-то. Поэтому в следующий раз я стал сочинять при нём, записывая и зачёркивая слова в тетради. Только тогда он поверил в мои способности.

Три лета во время каникул я пас колхозных овец. Главным делом было не пускать своенравных подопечных на соседние участки, где росли горох и чечевица. И я, как мне казалось, неплохо справлялся со своими обязанностями, поэтому в августе 1944 года, когда папа приехал после выписки из госпиталя, где он лечился после ранения, тётя Дуся получила в колхозе на мои трудодни муку, масло, мёд и ещё что-то, и мы устроили пир горой.

Уехав в Саратов, папа стал заместителем начальника политического училища, что располагалось на Пугачёвской улице, недалеко от железнодорожного вокзала. А в конце сентября он привёз меня в город и отвёл в большой дом на Ленинском проспекте, сказав, что я должен сдавать экзамены по русскому языку, арифметике и географии. По счастью, я всё знал и получил пятёрки по каждому предмету, хотя и не ожидал такого испытания. Оказалось, я после этого был зачислен в третью роту Саратовского суворовского военного училища.

Я читал рассказы о великом полководце, о том, как он стоял на часах около Зимнего дворца и получил рубль от императрицы за отличную службу, о том, как он велел своим солдатам во время боя притвориться мёртвыми, а когда враги пробежали мимо, он командовал: «Мёртвые, встаньте!» Солдаты поднялись, ударили врагам в спину и победили. Но о том, что Суворов организовал училище, в книге написано не было. И про Саратов там не упоминалось. Хорошо, что рядом со мной оказались знающие ребята. Я с ними быстро сдружился, особенно с Игорем Бобковым, Алёшей Дремковым и Эдиком Монаховым. Они мне объяснили, что это за заведение и к чему нас будут готовить. А быть прекрасным офицером Красной Армии, похожим на папу, я был готов с младых ногтей, как говаривали в старину. И я сразу же проникся этой мыслью, поэтому для меня было непонятно, как некоторые воспитанники могут получать тройки или даже двойки, ведь настоящий офицер – это лицо армии, значит, мы не имеем права плохо что-то знать, плохо что-то уметь, плохо выполнять свои обязанности.

Сегодня, вспоминая былые годы, имея за плечами большой жизненный опыт, я не удивляюсь своему детскому максимализму, ведь меня воспитали в семье, школе и в колхозе быть честным, добрым, ответственным и храбрым. И я всегда старался всё делать добросовестно, своевременно, бескорыстно и с душевным подъёмом. Я успешно изучал все преподаваемые нам дисциплины, троек у меня никогда не было. Об этом даже однажды сказал генерал Дьяконов, просмотрев классный журнал нашего взвода.

У меня не было никаких конфликтов с офицером-воспитателем, сержантом, ротным старшиной. В режим суворовского бытия я втянулся быстро. Для меня не составляло труда рано вставать и выполнять то, что предписывали правила суворовского общежития. Все домашние задания я всегда выполнял полностью, нередко помогая товарищам, у которых понимание материала вызывало затруднения. А ещё я любил заглядывать в учебник на десяток страниц вперёд, поэтому первым поднимал руку для ответа, когда преподаватель задавал контрольные вопросы по новому материалу. На одной из наших юбилейных встреч наша Бася Мейеровна Куликова, учившая нас английскому языку с первых лет в училище, сказала: «Я всегда посматривала на него, потому что он замечал все мои неточности. Например, я выписывала на доске новые слова, которые суворовцы должны были выучить к следующему уроку, и вдруг поднимается Дмитриев и говорит: «А вот это слово мы уже запомнили с позапрошлого урока». Зато я была горда, когда на выпускном экзамене он как равный разговаривал по-английски с членами комиссии».

Теперь, оглядываясь в прошлое, я с большим удовольствием и даже гордостью вспоминаю годы, проведённые в стенах суворовского училища. Я был зачислен в первый взвод третьей роты, командиром которой был майор Иван Иванович Тимофеев. У нас офицером-воспитателем сначала оказался капитан Иван Сергеевич Копейкин, а после его увольнения – капитан Яков Ефимович Быстроновский. На следующий год численность нашей роты по каким-то причинам

значительно сократилась, поэтому наш взвод расформировали и нас распределили по трём оставшимся взводам. Я попал в третий взвод к капитану Михаилу Ильичу Косовскому. В этом взводе я и провёл остальные пять лет обучения. И я очень благодарен Михаилу Ильичу за его поистине дружеское отношение ко мне, за его душевные беседы и в училище, и у него дома. Искренние и тёплые отношения с ним и его семьёй сохранялись у нас и позже. После расформирования суворовского училища Михаил Ильич, математик по образованию, стал ассистентом на кафедре математики Саратовского экономического института. В 1983 году он собрался выходить на пенсию, но, узнав, что мой сын через год оканчивает мехмат Саратовского университета, отложил это мероприятие, чтобы место преподавателя передать моему Олегу.

Распорядок дня в Саратовском суворовском училище, близкий к армейскому, требовал от каждого из нас определённых усилий и вместе с тем воспитывал нашу волю, стойкость и дисциплинированность. Как в настоящей воинской части, боевой день начинался с торжественной мелодии звонкого горна во дворе училища, которая возвещала, что уже шесть утра и каждому настоящему военному пора подниматься с постели. Ловко откинув на спинку кровати ещё хранящие наше тепло одеяла, быстро одевшись, мы выходили чётким строем на площадь Революции для выполнения утренней гимнастики. Эти упражнения мы сначала разучивали с помощью одного из преподавателей физкультуры, а затем выполняли под команду дежурного офицера. Успешно завершив весь комплекс, мы проходили бодрым маршем по просторным улицам ещё не проснувшегося города.

Форма нашей одежды соответствовала своенравному и нередко капризному времени года. В тёплую погоду, даже если по улицам гулял дождь, мы выходили голыми по пояс. В довольно прохладную осень на нас обычно были гимнастёрки без ремня. Зимой мы маршировали по улицам в шинелях, и тоже без ремней, но зарядки уже не делали, а лишь удлинляли маршрут движения. Вернувшись в расположение роты, мы быстро совершали туалет, мылись до пояса холодной водой, одевались, предварительно почистив одежду и обувь, и спешили в ротный зал на общее построение для утренней поверки. Каждый офицер-воспитатель сначала производил переключку в своём взводе, а затем докладывал командиру роты о готовности воспитанников к занятиям. Правда, этот доклад оказывался не совсем точным, потому что на самом деле мы ещё не были готовы к учёбе, ведь голодное брюхо к учению глухо.

Чтобы ликвидировать это препятствие, нас строем выводили из ротного зала прямо в столовую, на завтрак. В каждом взводе у нас было по двадцать пять воспитанников, поэтому взводу выделялось два стола. На покрытом белой скатертью столе уже были выставлены чистые плоские тарелки с вилками или ложками и ножами. Это зависело от особенностей меню: к кашам — ложки, к макаронам — вилки. Во главе стола усаживался старший наш товарищ, который из большой кастрюли накладывал в наши тарелки соответствующие порции съестного, при этом он никого не обижал и лишнего в кастрюле ниче-

го не оставалось. Порции у всех были равные. Но редкие исключения бывали. Так, когда я вернулся из госпиталя после операции – удаления острого аппендицита, осложнившегося перитонитом, с которым, к счастью, наши умелые военные врачи успешно справились, – то мне в течение месяца добавляли лишний половник щей и две ложки второго. И я вскоре восстановил свои потерянные из-за коварной болезни шестнадцать килограммов.

После окончания завтрака дежурный офицер подавал команду, и мы, строго соблюдая порядок, выходили из-за стола, чтобы снова организованно вернуться на свой этаж и разойтись по классам. Настроение при этом было у всех боевое, даже приподнятое.

В классной комнате в строгом порядке стояли ученические парты, в которых лежали учебники, тетради, дневники и письменные принадлежности. Первоначально на партах в специальных углублениях стояли чернильницы-непроливайки. Рядом с ними в неглубоких желобках лежали простые карандаши и ручки с пером «86», которое имело длинный раздвоенный носик, позволявший выписывать буквы с различным нажимом, в зависимости от характера текста. Все парты были подобраны по нашему росту. По мере нашего взросления они заменялись новыми, чтобы сохранить стройность и крепость фигур будущих офицеров. После звонка в классную комнату входил преподаватель, весь класс тут же вставал, а дежурный чётко и громко докладывал: «Товарищ лейтенант (почти все педагоги имели офицерские звания), третий взвод к занятиям готов. Отсутствующих нет (или есть)! Дежурный по классу – воспитанник (позже – суворовец) такой-то». И начинался урок. В течение сорока пяти минут мы отвечали на вопросы по изученной теме, решали задачи или писали диктанты, а потом получали очередную порцию новой информации. В классный журнал преподаватели заносили вполне справедливые оценки наших знаний. Потом офицер-воспитатель проверял каждую графу и делал для себя соответствующие выводы. Между уроками каждый раз встраивался десятиминутный перерыв, когда учащиеся покидали класс, а дежурный открывал форточку и мыл классную доску, готовя её к следующему занятию.

После трёх уроков нас снова строем вели в столовую, где нас ждал второй завтрак. Обычно он включал кусок белого хлеба с маслом и стакан сладкого чая. Это давало нам заряд для нового штурма гранитных крепостей науки.

Затем следовали ещё три урока, после которых мы с упоением слышали долгожданные звуки горна, призывающего брать ложку и хлеб и собираться на обед. Организмы наши находились в периоде бурного роста, поэтому все три блюда мы ликвидировали с превеликой охотой и с большой скоростью. А дальше вступал в силу «закон Архимеда», по которому положен сон после обеда. И в течение часа мы наслаждались отдыхом в своей постели. Если я не засыпал, то сочинял стихи или критические заметки для взводного «Боевого листка», так как ребята избрали меня его редактором. Поскольку я учился хорошо, то имел полное право критиковать своих одноклассников за двойки, за нарушение дисциплины, за низкую посещаемость спортивных секций или кружков художественной самодеятельности. Ребя-

та на меня не обижались, напротив, они с интересом ждали нового выпуска «Листка», чтобы прочесть очередную сатиру, увидеть чёрный список нарушителей или переписать в свои заветные блокноты мои лирические стихи. Последние пользовались успехом не только у суворовцев нашей роты, их с удовольствием читали и старшекласники. Я в ту пору ещё не влюблялся, но я много читал о любви, причём брал книги не только в училищной библиотеке, но и в областной, где работала моя тётя Вера, мамина двоюродная сестра.

После «горизонтального» отдыха наступал период активной деятельности. Мы шли на площадь Революции, где устраивали игры в футбол, в догонялки или просто разбредались по скверу вокруг Радищевского музея. Суворовцы постарше там встречались со своими знакомыми девушками, а наши ровесники – с родителями, жившими в городе.

У меня такой необходимости не было, потому что тех, кто хорошо учился и не имел каких-либо замечаний, отпускали каждое воскресенье в увольнение. Часто вместе со мной уходил Лёша Дремков. Мать у него умерла, отец был на фронте и пропал без вести. Моя мама, узнав его историю, пригласила его в нашу семью. Летом мы с Лёшей вместе отдыхали в деревне Бутырки, у тёти Дуси. А потом, через два года, вернулся родной отец Лёши.

Нагулявшись, мы строем возвращались в училище, чтобы посвятить часть своего времени личным предпочтениям. Кто направлялся в спортивную секцию, кто – в предметный кабинет (химический, физический, исторический, биологический), кто – в кружок художественной самодеятельности (пения, танцев, драматический). Лично я занимался в историческом кружке, в литературной студии (в обоих меня избирали секретарём, отвечавшим за оповещение участников, ведение протоколов заседаний, постоянную связь с руководителем), а также был членом драматического коллектива. Вместе со мной в нём состояли Игорь Бобков, Лёша Дремков, Слава Смирнов, Миша Ряскин, Володя Пальчевский, Лёша Кизимов, Эдик Чепурин, Володя Стародубцев, Толя Шаров. Под руководством сначала Раисы Владимировны Вороновой, а затем Ефима Залмановича Неймана нами были поставлены пьесы «Морской охотник», «Робин Гуд», «Я хочу домой», «Юбилей», «Миссурийский вальс», которые пользовались большим успехом не только у суворовцев, но и у местного населения, так как показывались на сценах домов культуры в ходе предвыборных кампаний. А таких в ту пору было достаточно: в Верховные советы, в местные советы, народных судей и ещё кого-то. И при каждом выборе победу одерживал блок коммунистов и беспартийных, почему-то всегда с одинаковым счётом – 99,96 процента.

После интеллектуальных и спортивных развлечений мы возвращались к учёбе. Два часа отводилось обязательной самоподготовке к завтрашним занятиям. Удивительно, но наши педагоги рассчитывали объём домашних заданий так, что мы всегда укладывались точно в срок. Пока мы решали задачки, писали ответы на вопросы, заучивали стихи или иностранные слова, офицеры-воспитатели сидели за преподавательским столом и следили, чтобы мы не мешали друг другу, чтобы в классе были тишина и порядок.

После ужина до отбоя оставалось немного личного времени, тогда мы подшивали новые подворотнички к гимнастёркам, гладили брюки, писали письма, читали художественную литературу или печатали личные фотографии в подвальной лаборатории. Ровно в десять часов труба играла «отбой». Мы, опять умывшись до пояса, укладывались в постель, и мальчишеский гомон затихал. Сержант, помощник офицера-воспитателя, выключал свет и укладывался спать на свою кровать. Для ребят нашего взвода я сразу же начинал рассказывать содержание нового кинофильма, который первым посмотрел в городе, рассказывал о похождениях героя книги, недоступной другим суворовцам, или навевал своим товарищам сон сказками собственного сочинения. Когда на мой вопрос: «Слушатели есть?» – никто не отзывался, я поворачивался на правый бок, укладывал ладонь под щеку и отдавался на милость уже караулившего меня Морфея.

Дни в суворовском училище не были для меня однообразными. Каждый из них приносил обязательно что-то новое, полезное, радостное. Печали меня в те годы миновали. Вся учебная программа для меня была настолько интересна, что я обычно выбирал место на первой парте, чтобы быть ближе к преподавателю и иметь возможность сразу же задавать вопросы при малейшем недопонимании какого-либо положения. Поэтому многие педагоги меня запомнили (правда, этому способствовали и мои частые выступления на сцене училища, с чтением стихов не только известных авторов, но и собственных). Позже как врач я старался помогать многим моим бывшим преподавателям по мере сил и возможностей либо лично, либо через своих коллег.

На особом месте в суворовском училище стояли военное дело и физкультура, поскольку мы готовились к строевой службе в Советской Армии. «Курс молодого бойца» был нами пройден полностью, поэтому мы успешно сдавали зачёты по строевой подготовке, стрелковому делу, по знанию материальной части орудий и боевых машин, правда, теоретическому. Но зато в нас были воспитаны стойкость к невзгодам, выносливость, честность и критическая оценка происходящего. Однообразие военной жизни, разумеется, наложило свой отпечаток на нашу последующую судьбу. Так, многие ребята, получив курсантское удостоверение в военном училище, имея лишь литературные представления о любви и семье, кинулись в ЗАГС с первыми понравившимися девушками, но быстро разочаровались в своих подругах или разочаровали их, поэтому семейная жизнь разлетелась на кусочки, как от взрыва ручной гранаты. А ведь у большинства остались дети, пострадавшие ни за что ни про что. Но повторные браки, как мне известно, оказались довольно прочными. Недаром говорится, что повторение – мать учения.

Зато чувство дружбы, товарищеской взаимопомощи у нас было развито прекрасно. Так, когда у меня тяжело заболела жена, а в Саратове и Москве не оказалось необходимых гормональных препаратов, то Игорь Бобков, который узнал об этой беде, написал двум нашим суворовцам. И вскоре мы с Ией из разных городов огромного Советского Союза получили восемь посылок со спасительными лекарствами. Причём отправители были не только из нашего выпу-

ска – половины имён я не знал. Благодаря этим лекарствам моя жена прожила ещё шесть лет. В свою очередь я всегда помогал ребятам и их семьям. Ведь после окончания суворовского училища я поступил в Ленинградскую Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова и стал хирургом. Демобилизовавшись, вернулся в Саратов и начал работать в Дорожной клинической больнице, где написал кандидатскую диссертацию и перешёл на преподавательскую работу в Саратовский медицинский институт, на кафедру факультетской хирургии педиатрического факультета, которой в течение 28 лет руководил замечательный хирург, прекрасный человек и новатор в медицине – профессор Николай Иванович Голубев.

В суворовском училище военное дело и спорт были тесно связаны, и невозможно определить, что для суворовца более ценно. Ведь оба предмета выполняли одну задачу: сделать нас ловкими, сильными, смелыми и исполнительными. Начальником физподготовки в училище был майор Николай Маркович Щербина – душевный человек, бывший чемпион по боксу. Поэтому его «любимым детищем» была секция бокса, где проявили свои лучшие качества мои одноклассники: Георгий Николаев, Геннадий Бенделиани, Алексей Фёдоров, Алексей Дремков. Биографию каждого из них я могу рассказывать со множеством интересных деталей, так как я дружил с ними всю жизнь. Гера Николаев, прослужив после окончания пехотного училища в войсках, стал офицером-воспитателем в Куйбышевском суворовском военном училище, затем преподавателем военной кафедры Саратовского политехнического института. Про Гену Бенделиани в 1961 году в газете «Красная Звезда» была напечатана статья с фотографией, как о командире лучшего батальона Московского военного округа. А Лёша Фёдоров получил звание генерал-лейтенанта и стал начальником штаба Киевского военного округа, там же руководил работами по ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской атомной станции. Алексей Дремков, пройдя по служебной лестнице от лейтенанта, командира взвода, до полковника, профессора, преподавателя Военно-политической академии имени В. И. Ленина, обучал основам политической грамоты многих будущих генералов, командующих военными округами.

К сожалению, многих уже нет среди нас, но в памяти они продолжают жить. Из нашей среды вышли замечательные гимнасты Вячеслав Смирнов и Алексей Кизимов, которые занимались под руководством капитана Воронова и старшего лейтенанта Краковского. Слава Смирнов, невысокий, с красивой фигурой, ловкий и юркий, выполнял упражнения на любом снаряде легко и грациозно. Сильный и кряжистый Лёша Кизимов был партерным гимнастом, с которым 6–8 суворовцев выполняли фигурные перестроения, а он стоял не шевелясь, поставив ноги чуть шире плеч и поддерживая руками нижних крайних партнёров. Мы же восхищались их слаженной работой.

Условия моей жизни сложились так, что до поступления в училище я был «комнатным мальчиком», не знавшим никаких физических нагрузок. Наша семья часто переезжала с одного места папиной службы на другое. Бабушка ухаживала за нами, поэтому мы с братом и сестрой не имели даже представления о детском садике. Игра-

ли мы между собой обычно во время прогулок. А дома брат увлекался солдатиками, сестра – своими куколками, а я предпочитал чтение книжек. Мама рассказывала, что они с папой рано научили меня читать, причём – «на свою голову», и им было стыдно за меня, потому что я демонстративно отбрасывал подарки, которые приносили гости и самым бессовестным образом заявлял, что мне нужны только книжки. Зато я знал много стихов и сказок и мог декламировать их, стоя на стуле посреди комнаты.

В деревенской школе, в которой я проучился три года, уроков физкультуры не было. Поэтому моё физическое развитие оказалось недостаточным. Это выяснилось уже в начале учёбы в суворовском училище. Мне с большим трудом удавалось выполнять даже простейшие упражнения на снарядах. Утешало лишь то, что я не был одинок, а впереди ещё ожидали нас годы обучения. К счастью, к моменту выпуска я уже входил в среднюю группу учеников, не блиставших выдающимися спортивными достижениями, но без труда выполнявших все нормативы систем БГТО и ГТО, о чём свидетельствовали значки на наших гимнастёрках.

По вечерам я часто ходил в спортивный зал с нашими ребятами, где старался выработать силу и выносливость, подтягиваясь на турнике, лазая по канату и выполняя отдельные упражнения на брусьях и кольцах. Нередко в зале находились преподаватели физкультуры или офицеры-воспитатели, которые помогали нам с выбором посильных упражнений. Ведь наши офицеры в ту пору были молодые, энергичные, хотели показать нам, на что они способны. Они делали «склёпки», вертели «солнышко», поднимались по канату с вытянутыми под прямым углом ногами, а мы такого ещё не умели.

На очередном уроке физкультуры (а это было уже в восьмом классе) у меня никак не получалось упражнение на параллельных брусьях. Надо было в конце его сделать широкий мах ногами назад и, опуская их, оттолкнуться руками, чтобы по инерции вылететь прямо на ожидающий тебя мат. Несколько попыток окончились неудачей. Занятия проводил Николай Маркович Щербина. Он оставил меня, благо немного времени у нас было, и, посадив меня на скамейку, стал объяснять, в чём секрет спортивных достижений. Каждое упражнение не надо выполнять механически, оно должно сначала родиться в голове, тогда соответствующие мышцы будут готовы к его воспроизведению. После этого он предложил мне мысленно представить каждый элемент программного упражнения и только после его чёткой фиксации в мозгу подходить к снаряду. Фантазия у меня с детства была богатая, поэтому мысленно увидеть себя на брусьях я сумел даже несколько раз подряд. В результате соскок получился со второй попытки. Николай Маркович заставил меня ещё раз пять повторить всё упражнение, и мы оба, довольные полученным результатом, разошлись по своим делам. Тогда я впервые задумался над работой спортсмена, потому что понял: мысль должна опережать действие.

Когда я стал заниматься в гимнастической секции Военно-медицинской академии, то руководитель сразу выделил меня из общей группы, сказав, что это думающий спортсмен, потому что я мог выполнять

упражнения после устного объяснения тренера. А физическая закалка помогает мне и в практической работе хирурга, когда надо активно думать, ловко работать скальпелем и пинцетом и подолгу стоять при сложных оперативных вмешательствах.

Некоторые преподаватели видели мою заинтересованность своим предметом, поэтому предлагали заниматься в кружке или приглашали к себе домой. Ведь не секрет, что многие предметы нам становятся интересными прежде всего благодаря обаянию личности педагога. Именно такими нашими наставниками стали Ираида Петровна Швецова, Пётр Александрович Колесников, Владимир Максимович Акулов. Поэтому многие мои товарищи полюбили русский язык и литературу, историю и математику. К Швецовой и Акулову мы ходили в воскресные дни домой, где с любопытством и интересом рассматривали книги, не встречавшиеся в нашей училищной библиотеке. А беседы за чашкой чая касались не только учебной программы, но и жизни преподавателей, и событий, происходящих в стране и мире, и наших сокровенных желаний. На традиционных встречах мы всегда с теплотой вспоминаем своих педагогов, а я горжусь тем, что на моём пути встретились такие замечательные люди.

**Виктор
ШЕПТИЦКИЙ,**

Выпускник Саратовского суворовского училища (1952 года)

1945 ГОД. НАЧАЛО

Зимой 1944 года я встретил своего друга Кима Насырова. Я его давненько не видел и сначала не узнал. Он был одет в красивый чёрный мундир с блестящими пуговицами и шикарные брюки-клёш с лампасами. Разговорились. Оказывается, он поступил в Саратовское суворовское военное училище. Ким рассказал мне о своей жизни. Учитя с интересом, привык к дисциплине, кормят хорошо. Я почувствовал его серьёзность и гордость. Уличный жаргон сменила грамотная, толковая речь. Ким мне очень понравился. Он был на четыре года старше, и мне захотелось стать таким же молодцом.

Вечером я рассказал маме о своём разговоре, и мы решили, что надо и мне попытаться поступить в СВУ. По возрасту из всех братьев (а нас было трое) подходил только я. Идея увлекла меня. Я прибавил усердие на занятиях в школе. Отстающим учеником я, правда, никогда не был. Но по болезням и другим причинам я часто пропускал уроки и не готовил домашних заданий. Я понимал, что мои шансы на поступление были малы. Но поступить хотелось. Мама тоже была не прочь пристроить хотя бы одного сына на казённый кошт. Она попросила командира воинской части, в которой она работала в начале войны, походатайствовать за меня. Попытка удалась. Командир к её заявлению прибавил своё ходатайство: муж погиб на фронте, трое малолетних детей, материальные трудности непосильны; Виктор – сын кадрового военного, орденноносца, учится в школе со старанием, поведение хорошее.

Мама эти документы подала в училище. Мы стали готовиться к поступлению. Всё лето пришлось бегать по поликлиникам. Наконец был получен вызов в СВУ. Там нас снова осматривали врачи. Я был допущен к вступительным экзаменам и старался не подкачать, повторяя пройденный материал.

В конце месяца вывесили списки поступивших, среди которых были я и мой сосед по дому Олег Цветников.

В назначенное время мы с родителями пришли в училище – длиннущее здание на углу улиц Ленина и Радищева. Распрощались, мамы забрали наши вещи, а нас взяли в оборот военные. Первым делом нас всех подстригли наголо. Здесь, в подвале здания, специально на этот случай была

устроена баня. После помывки нас переодели в новенькую, пахнущую сукном и ялом одежду: брюки с лампасами, гимнастёрка, сапоги, кальсоны, портянки и ремень с большой латунной бляхой. Всё тут же подбиралось по росту. Опекали нас дядьки-сверхсрочники, фронтовики. Обращались ласково, как со своими детьми. Давно я не ощущал такую мужскую заботу. Прошло долгих четыре года, как я расстался (навсегда!) со своим дорогим папочкой. Во время войны мы были всегда полуголодные и полуодетые. В 1943 году зимой, например, я два месяца не ходил в школу – не было обуви. Все мои вещи донашивали два моих младших брата, Гарик и Вова. И вот теперь мне привалило такое богатство! Воспитанникам ещё положены шинель, шапка каракулевая, мундир и ботинки... Их выдали позже.

Когда вся наша группа была переодета, нас построили и повели в столовую. Широкие столы на десять человек, у каждого свой прибор на подставочке и салфетка. Нас накормили. Конечно, я бы съел ещё столько же, но и это было хорошо. Раньше иногда приходилось ложиться спать голодными.

После столовой нас повели в спальню. Койки в один этаж, с полным набором постельного белья. Рядом тумбочка для личных вещей и принадлежностей. Высокий сержант-сверхсрочник показал, как заправлять кровати, где умывальник и туалет, рассказал о правилах поведения и распорядке дня. Нас, простых пацанов, уважительно называл на «вы».

В 10 часов мы все были уже в постели. Мы хотели ещё немного поговорить и перезнакомиться, но после отбоя разговаривать было не положено. Все быстро угомонились. Наконец этот бурный день закончился.

Засыпая, я думал о своей маме и братиках. Как там они без меня? Наверное, мы не скоро увидимся. В училище объявлен двухмесячный карантин. Все свидания запрещены.

Рано утром, когда ещё не встало солнце, нас разбудили. Всё закипело, как в муравейнике.

Так началась моя новая жизнь. Была ли она счастливой? Сложный вопрос. Жизнь молодого человека разнообразна и полна впечатлений. То густо, то пусто. Надо приспособиться к новым условиям, привыкать к дисциплине и порядку даже в мелочах, отвыкать от улицы с её безалаберностью и непредсказуемостью. И прежде всего надо найти своё место в среде своих однокашников. Это оказалось очень непросто. Наконец, надо было принять на себя большую нагрузку в этом полувоенном учебном заведении. Не все её выдержали.

...После семилетнего обучения в СВУ почти все мы, суворовцы, поступили в пехотные училища. Дальнейшая судьба молодых офицеров сложилась по-разному. Мне довелось пройти сложный путь 30-летней строевой службы. Я выдержал это испытание и горжусь этим. И всегда чувствую себя своим в многочисленном братстве моих друзей-кадетов. С ними мы говорим на одном языке и понимаем друг друга с полуслова. Это главное. Прошло 70 лет, а нас по-прежнему тянет друг к другу.

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

**Светлана
ДУРНОВА**

«В СОРОК ПЕРВОМ ПАМЯТНОМ ГОДУ...»

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Это фото – из архива саратовского поэта-фронтовика Бориса Озёрного. На обороте фотографии – сделанная рукой поэта надпись: «Саратов. 5 января 1941 г. Встреча местных писателей с Серафимовичем».

Тогда приезд маститого писателя в наш город был очень большим событием. Ещё бы: саратовцам предстояли встречи с автором знаменитого «Железного потока», живым классиком советской литературы!

-
- Светлана Борисовна Дурнова – журналист, член Союза журналистов, постоянный автор журнала «Волга–XXI век».

Александр Серафимович (1863–1949), поистине народный писатель, очень любил встречи с читателями в библиотеках разных городов нашей необъятной страны. Литературные вечера и утренники с его участием проходили в Москве и Ленинграде, Харькове и Архангельске... Где бы Серафимович ни останавливался, он всюду собирал материал для будущих статей и книг и всюду говорил о глубоко волновавшей его теме: тесной связи писателя с реальной жизнью, с читателями.

Кстати, в том памятном 41-м году, когда он посетил Саратов, первая его встреча была именно с читателями, собравшимися 1 января в областной библиотеке на ул. М. Горького. Стенограммы его выступления, как и бесчисленных вопросов читателей и ответов писателя и по сей день хранятся в отделе краеведения библиотеки. Жаль только, что столь ценный материал не был использован в 2013 году, когда в российской прессе скромно упоминалось о 150-летию со дня рождения старейшего советского писателя.

График встреч автора «Железного потока» с саратовцами был более чем плотным. После выступления в областной библиотеке он уже 2 января общался со студентами и преподавателями педагогического института, затем 3, 4, 5 января – в Доме Красной Армии (ныне Дом офицеров), в областной газете «Коммунист», в консерватории, где собралась творческая интеллигенция города. 8 января писатель побывал в Институте зернового хозяйства Юго-Востока СССР. 9 января писатель-орденоносец уже в гостях у работников местной студии кинохроники, готовящих очередной выпуск киножурнала с его участием. Новогоднее обращение Александра Серафимовича к трудящимся Саратовской области, будем надеяться, до сих пор хранится в архивах студии «Нижнее Поволжье».

В этом, как и в предыдущих выступлениях, Серафимович не мог обойти молчанием тревожное положение дел на мировой арене: гущаются тучи – тучи войны. Но если она всё-таки будет, – говорил он, – *«то побьёт, непременно побьёт наш народ фашистов»*. А на встрече с молодыми читателями, задававшими много вопросов о «Железном потоке», эмоционально подчёркивал такую мысль:

«Я хотел, чтобы вы, прочитав эту книгу, ощутили всем сердцем, что сцементирован фундамент Октябрьской революции кровью наших отцов и дедов, густо и обильно поливавших ею родную землю. Сколько мук, сколько терзаний! А сколько погибло невинных детей! Сколько пролито слёз матерей, вдов и сирот! Так неужто вы, нынешнее поколение Октября, поколение величайшей в мире революции, не сумеете в свою очередь, когда понадобится, отстоять родную землю? Такую Родину! С таким народом, как вы, победа обеспечена».

До начала Великой Отечественной войны остаётся четыре с половиной месяца. Из тех, кто слушал Серафимовича в январе 1941 года в Саратове, многие добровольцами ушли на фронт. А если вернуться к фотографии – старейший писатель страны с молодыми коллегами по цеху, – и здесь мы видим будущих фронтовиков. Вот, например, Михаил Поликарпов. Читатели журнала «Волга–XXI век» недав-

но познакомились с его рассказом-былью «Пятидесятый из отряда». Он сидит на диване первый слева. Рядом с ним – известный журналист Иван Москвичёв. Он не попал на фронт, поскольку в годы войны выполнял трудную и чрезвычайно ответственную работу по политвещанию на облрадио, т. к. оно оставалось единственным непрерывным источником информации, необходимым для населения. Иван Москвичёв – один из создателей радиопередачи, которую саратовцы с нетерпением ждали: «Письма с фронта». Регулярно посылал ему свои письма с фронта и Борис Озёрный (на фото – рядом с Москвичёвым и Серафимовичем). Он, участник боёв с белофиннами, уже знал, что такое война.

Рядом с критиком Г. Нерадовым, всегда сопровождавшим Серафимовича в поездках по стране (крайний справа), сидит молодой журналист и писатель Лев Прозоровский, тоже будущий фронтовик. И о нём нам необходимо вспомнить и вписать его имя в славную плеяду саратовских писателей – защитников Отечества.

В одном из послевоенных стихотворений Борис Озёрный писал:

*В сорок первом памятном году
Мы познали страшную беду.*

Ту беду, которую четыре долгих года сообща преодолевали фронт и тыл. И *«в дни, наполненные гулом боёв за самое священное, что есть на свете, – свободу и человека, родину и её будущее, среди немногих книг, лежащих в блиндажах и землянках и много говоривших солдатскому сердцу, была и книга «Железный поток». Так же поражала она суровые сердца, так же вызывала приток мужества и желание неистового боя с врагом, потерявшим человеческие черты. Те ужасы, что творили белые над участниками ковтюховского похода, творили сегодня пришлые «черномундирники», и не было предела тем мучениям и страданиям, что выпали на долю советских людей... Его книга была на вооружении бойцов на всех фронтах».* (Из воспоминаний поэта Николая Тихонова о Серафимовиче.)

Самое время её перечитать!

«КОГДА ОКОНЧИТСЯ ВОЙНА...»

Лев Прозоровский

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА

В прошлом году 16 декабря исполнилось 100 лет со дня рождения Льва Владимировича Прозоровского (1914–1988). А тогда, в 30-е годы, он был просто Лёва – энергичный, пытливый, общительный молодой человек, желающий попробовать и проявить себя во многих профессиях.

Но всё же увлечение литературой взяло верх – Лев Прозоровский в конце 30-х годов активно сотрудничает с газетами «Сталинские ребята» и «Коммунист». Здесь он знакомится с молодыми журналистами И. Москвичёвым, Б. Озёрным, М. Поликарповым и др. Свою давнюю любовь

к цирку и его артистам он вместе с художником Александром Заславским выразил в весёлой книжке-«раскладушке» для детей «Наш цирк», выпущенной в 1940-м году Саратовским книжным издательством. Это было хорошим началом.

Появляются и первые стихотворения молодого поэта в альманахе «Литературный Саратов». Особенно удавались ему юмористические стихи. Кстати, именно 5 января 1941 года, когда состоялась встреча саратовских писателей с Александром Серафимовичем, в областной газете «Коммунист» было опубликовано шуточное стихотворение Льва Прозоровского «Ворона и Лисица» – оригинальный перепев крыловской басни. Вот её финал:

Прослушав Лисью болтовню,
 Ворона съѣ спокойно съела,
 Спокойно вычистила клюв,
 Потом ещё повыше села.
 И с безопасной высоты,
 Смеясь, она Лисе сказала:
 «Ха-ха, не думаешь ли ты,
 Что я Крылова не читала?»

В первые дни Великой Отечественной войны отдел агитации и пропаганды Саратовского ГК ВКП(б) привлёк молодого поэта к выпуску сатирико-публицистических «Агитокон» на улицах города. Затем Л. Прозоровский два месяца проходил курсы артиллерийской инструментальной разведки, после чего был отправлен на Волховский фронт, в 59-ю армию, в 708-й отдельный разведывательно-артиллерийский дивизион.

О родном городе и друзьях-саратовцах он никогда не забывал. В газете «Коммунист» в сентябре 1943 года под рубрикой «За землю родную» было опубликовано присланное с фронта стихотворение Л. Прозоровского «Баллада о связном».

В архиве Б. Озёрного сохранилось письмо (полевая почта 97742–ПП) от Л. В. Прозоровского – «Другу Боречке». Дата – 27.XII.43. Конверт не сохранился, но поскольку в это время Борис Озёрный тоже был на фронте, то можно предположить, что письмо было отправлено из одной воинской части в другую. И оба поэта были недалеко друг от друга – на соседних фронтах. В том письме много ценной информации. Вот, например, такой отрывок: «Видел с полгода назад Кольку Кирюхина – он лейтенант административной службы. Здесь же ст. лейтенант Черников, с которым Витя Тимохин выпускал свою книжку. В прошлом году на нашем участке убит сын Эдуарда Багрицкого, молодой талантливый поэт В. Багрицкий. Я уже писал, что служу с Павлом Шубиным. Ты такого знаешь, надеюсь?»

Ну, Боречка! На этом контаю! Это-то
 письмо ходит далеко. Найми-где ты
 находишь?

Привет!
 Твой друг
 Л. Прозов

25 XII. 43г.
 Ком. части 97742-ПТ
 Прозоровский Л. В.

Следует пояснить, что Николай Кирюхин (1910–1995) тоже был активным членом молодого писательского содружества 30-х годов, печатался в «Литературном Саратове».

Аспирант Саратовского пединститута 1935 года Василий Черников (1906–1991) тоже был дружен с молодыми литераторами, сам писал стихи. А с января 1943-го до Победы он находится на фронтах Великой Отечественной войны: Волховском, Ленинградском, 3-м Белорусском, 1-м Украинском (командир стрелковой пулемётной роты). За боевые заслуги награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, многими медалями. В 1948–1981 гг. работал на филологическом факультете СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Он – автор многих историко-литературных и художественных книг.

Виктор Тимохин (1909–1967) – известный саратовский журналист и поэт. С 1942-го по 1945-й – военный корреспондент. Его статьи, стихи, очерки, написанные на фронте, воодушевляли бойцов, вселяли уверенность в победу над врагом. До конца жизни он продолжал сотрудничество с газетами, радио, издательством. В 1947 году в Саратовском облгизе выходит коллективный сборник стихов четырёх поэтов под названием «Товарищи». Авторы – действительно товарищи и единомышленники: Б. Озёрный, В. Тимохин, И. Тобольский, И. Москвичёв.

Что касается упомянутого в письме Павла Шубина (1914–1951), то, разумеется, этого поэта хорошо знал не только Б. Озёрный, но и вся страна. До сих пор на слуху и в памяти его пронзительные по глубине чувств стихи военного периода: «Гордый город» (1941), «В секрете» (1942), «Полмига» (1943).

*Нет, не до седин, не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;
Прижаться к земле и в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только вот эту гранату,
Злобно поставив на взвод...
Всадить её, врезать как надо
В четырёхжды проклятый дзот,
Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!*

В 2014 году исполнилось сто лет со дня рождения Павла Шубина.

...Но вернёмся к письму. Есть в нём любопытные строчки: «Скоро прогремим на весь Союз. Читай в газетах». Если обратить пристальное внимание на дату написания – 25 декабря 1943 года, то сразу ста-

нет ясно: речь идёт о полном прорыве блокады Ленинграда, который пришёлся на начало января 1944-го.

А в конце письма на суд друга Лев Прозоровский выносит только что написанные им стихи о самом сокровенном:

*Когда окончится война
И в руки плуг возьмёт пехота,
Я привезу тебя сюда,
В просторы эти и болота.
Как гостьюжданную – домой,
Введу тебя в мою землянку,
Я дам зажечь тебе самой
Коптилку из консервной банки.
При свете меркнущем её
Увидишь ты во всём убранстве
Моё походное жильё,
Одно из мест военных странствий,
Рубцы осколков на бревне,
Печурку в копоти и дыме,
И над печуркой на стене
Твоё совсем простое имя.
Не загремит орудий гром,
Не оживут немые дзоты,
И в круглой роце за бугром
Не станут квакать миномёты.
Тем ярче в этой тишине
В сознании воскреснут были,
Как мы когда-то на войне
И умирали, и любили.*

А ещё в том письме Л. Прозоровский жаловался другу: «*Всё время прошу в газету – не пускают*». Но всё-таки он добился желаемого: стал военкором газеты «На разгром врага» 59-й армии сначала Ленинградского, а потом 1-го Украинского фронта.

После войны Лев Прозоровский сменил место жительства и поселился в Риге. Здесь он написал приключенческие повести для детей: «Крылатый олень», «Дуэль без секунданта», «Охотники за прошлым», «Зло умирает не сразу» и др.

Уже в конце жизни член Союза писателей СССР Лев Владимирович Прозоровский получил воинскую награду – орден Отечественной войны II степени. А Саратов всегда был для него самым родным, забываемым городом:

*Словно солнце на алмазных гранях,
Словно маяки в часу ночном,
Та любовь горит в воспоминаньях
О любимом городе моём.*

Александр ЛАЙКОВ

«Стихи его – открытие для меня. Заслуживает похвалы серьёзное отношение поэта к этому ремеслу, к поэзии. Многие его строки легко запоминаются... Хорошо, что у поэта мы находим россыпь удачных сравнений и метафор. Язык этот не бесплоден», – писал в самом начале творческого пути Александра Лайкова известный поэт, заведующий отделом поэзии журнала «Волга» Владимир Пырков.

Сегодня Александр Лайков предлагает подборку своих стихотворений, некоторые из которых были написаны совсем недавно. А прав ли был Владимир Иванович, судить Вам, читателям.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

Я ПИЛОТКУ СОШЬЮ ИЗ ТРАВЫ НА КУРГАНЕ...

ИСТОКИ

Исток мой – устье Волги,
Созвездие – проток,
Моряна – ветер волглый
Да горький полынок.

Курганы рыжей масти,
Глухие камыши...
От Дмитрия до Насти
Добро и свет души!

-
- Александр Дмитриевич Лайков родился в 1953 году. Окончил Астраханский педагогический институт, работал учителем, журналистом. Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Поволжья и Сибири. Один из создателей и составителей ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз». В настоящее время – заместитель редактора журнала «Симбирскъ». Лауреат литературной поэтической премии им. Николая Благова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ульяновске.

Икрянка, как Непрядва,
В туманах до бровей...
Прабабушкина правда
Расхристанных церквей.

Всхлип филина ночами
Над полем страшных сеч,
Будённовских тачанок
С кар-ртавинкою речь!

Да врытые навечно
Над Волгой и окрест
И обелиска свечка,
И православный крест!

Мне предков с Куликова
Не уронить бы честь.
От Дмитрия Донского
Во мне кровинка есть!

В ИКРЯНОМ

*Отечества и дым
Нам сладок и приятен!*
Гавриил Державин

Вот опять я босой, без рубашки и кепки,
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью над Волгой поставили дом.

Стал посёлок намного уютней и краше.
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.

На высоких верандах – корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен
И беднее уловы из вечной реки...

Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Всё слышней над ракитником гомон грачат.
А над жёлтым песком головёнки мальчишек
Точно крепкие шляпки опёнков торчат.

Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.

Все печали мои как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда.
Кто сказал, что живую вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода.

Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
...Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?

По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит – клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

Опять над полем Куликовым...

Александр Блок

О чём вы думали, славяне?
Зачем раздоры и вражда,
Когда за отчими холмами,
Как саранча, паслась Орда?

Зачем вставали брат на брата,
Как тряпку, вотчину кроя?
Пришла позорная расплата –
Взошла кровавая заря.

Шипели змеями арканы
На белых шеях Ярославн.
И ржали жеребцами ханы,
Облапив полонянки стан.

С возами обречённой дани
Скрипели долгие арбы...
О чём вы вспомнили, славяне,
В ярме жирующей Орды?

О чём тревожно ворон каркал?
Зачем князья искали встреч?
...Ещё столетья речке Калке
В разводьях крови скорбно течь.

Ещё от полчищ тех поганых
Стонала отчая земля,
И кости тлели на курганах,
И в пепле корчились поля.

И Орден рыцарей спесивых
Бронёй не мерил в Чуде дна...
Ещё и не было России,
Но Родина была одна.

КУРГАНЫ ПАМЯТИ

Я пилотку сошью из травы на кургане
И звезду приколю цвета горьких калин...
Я – ровесник солдат, убиенных в Афгане.
Мне приснилось: убитый меня хоронил.

Сколько нас полегло от Непрядвы до Моря,
С допетровских времён до парламентских сеч!
Это вечная правда и русская доля:
Чтоб стояла Россия – за Россию полечь!

Мне приснилась война и смертельная рана –
Сквозь пространство и время ударил свинец.
...Я ведь тоже стрелял – да прости меня мама! –
Как мой предок и как в 41-м отец.

Я ведь тоже солдат! Уходил я из дома –
Мама долго и гордо смотрела мне вслед.
По велению сердца, присяги и долга
Я дежурил у пульта могучих ракет.

Нам судьба – выбирать запредельные цели,
Задыхаться во тьме легендарных атак...
А как вещей Коран переделать хотели,
Пусть расскажет Генсек и припомнит Аллах.

Знаю: друг, с «бетэра» как ангел слетая,
Умирал на чужом, на афганском песке...
И дымилась, и бухала кровь молодая
На родном поседевшем, как небо, виске.

А какой-то иудушка-христопродавец
Оскорбляет ряды наших братских могил.
...Жарко дует в лицо, сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит солдатских седин.

Не согреют души ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот, ни Верховный Совет.
Страшно раны болят, и свербит пулевая
Под коленом... которого нет.

*Мир спасёт красота...***Фёдор Достоевский**

Спасёт ли мир больная красота,
Когда красот в природе не осталось?
В листве ракич – свинцовая усталость,
В разливах рек – мертвящая вода.

Дремучий пух пустых грачиных гнёзд –
Пристанище червей и скользких гадов.
И уж не капельки ли смертных ядов
Текут из пор затравленных берёз?

Природа бьёт во все колокола!
Красоты убывают по секундам.
...Я тёплый сок глотаю, как цикуту,
Припав губами к белизне ствола.

НА «ПИСКАРЁВКЕ»

На кладбище этом
Цветы не в почёте.
На вечном граните
Имён не прочтёте.

Молчанье хранят
Почерневшие плиты.
Голодные стоны
В Историю влиты.

Я вижу, как тянут
Опухшие руки
И камни глодают
Мальцы с голодухи...

Цинготные пятна
Чернеют на теле.
По городу бродят
Не люди – а тени.

Не хватит цветов
На могилы Блокады.
На них одинаковы
Скорбные даты.

Над ними, как вдовы,
Плакучие ивы...
Голодные стоны
В Историю влиты.

На них отзывается
Память людская.
...На чёрные камни
Я хлеб опускаю.

МАКИ

Как страшно было видеть маки
Со всех сторон до горизонта!
Они, как маленькие флаги,
Тянулись к сердцу гарнизона.

К антеннам яростно взлетали,
Рвались в окоп под капониры...
Как будто землю пеленали,
Митинговали: «Мира! Ми-ра!»

Мы их давили сапогами,
Когда бежали по тревоге.
За нас хватаясь лепестками,
Они вставали на дороге.

И гибли, падая под траки
Ракетной грозной батарее...
Но все оставшиеся маки
Ещё отчаянней горели.

Это кто там окликнул меня
Школьным именем «Саня»
И, заветную тайну храня,
Бросил камешек в ставни?

Отразилась на стёклах слеза.
Тихо скрипнули двери.
И, как пчёлки, шальные глаза
Обожгли сквозь сирени.

Отсчитала кукушка года.
Обмелели протоки.
...Помнишь время смешное, когда
Пропускали уроки?

А потом зарядили дожди,
Обложили утраты.
Ты сказала печально: «Не жди»,
Но вернулась обратно.

Ах, какая сирень у плетня
Распустилась густая!
...Это кто там окликнул меня,
Бросив камешек в ставни?

Я каждый миг ликую и скорблю
И устаю, как все, к исходу дня..
Шум города и шорох звёзд ловлю,
И Вечность протекает сквозь меня.

Я – человек! И смертен на Земле.
Смеюсь и горько плачу, боль тая,
Что растворюсь однажды в звёздной мгле,
Забрав с собой частицу Бытия.

Игорь
СОЛОВЬЁВ

ДЫМКА НАД ПОЛИГОНОМ

...Так, выхожу на цель. Полное молчание в эфире. Интересно, как там замкомандира? В прошлый раз он дрогнул, и из-за него всему полку снизили оценку. Ничего, в этот раз всё будет путём. Ага, комэск в зоне видимости. Сейчас делаем «горку». Раз! Ух, мамы наши родные, как вжало! Ничего, и не такое терпели. Всё, пошло. Захватываю цель, лишь бы уследить за высотой, не пропустить критическую. Ещё немного, так, две пары уже отработали. Даже здесь видно, а ведь скоростёнка почти девяносто. Ещё немного, так, держись! Что же земля так близко, неужели я пропустил момент! Чёрт побери, какая зелёная трава! Видно, как ромашка колышется. А-а-а, лайнер, давай, дорогой, выводи, держись, ну, родной, выползай! Почему столько травы и почему она вылетает снизу? Не может быть, чтобы не вынесло, я же всё сделал правильно... Неужели всё, вот су...

Артёма будто выбросило из глубины, потом вынесло на большую высоту и больно ударило о воду спиной. Так, чтобы он пришёл в себя и не наглотался. Странно, но он уже где-то всё это видел, будто в кино: как в воображении делал «горку» над целью, потом резко пикировал и сбрасывал бомбу. Только на этот раз было такое ощущение, что он был и бомбой, и целью одновременно. Он сидел на кровати, мокрый от пота, на влажных простынях и на только что отброшенном ватном одеяле, красный цвет которого проступал сквозь прилипший пододеяльник. Неужели он опять сначала замёрз, словно был на большой высоте, а потом завернулся в стёганое? Ведь летом ночью температура не падала ниже двадцати градусов тепла.

«Когда же это кончится?» — подумал Байрашевский, вставая и проходя в темноте по комнате, а потом по ого-

-
- Игорь Геннадиевич Соловьёв родился в 1964 году в городе Кизел Пермской области. Высшее образование получил в Московском энергетическом институте. Отслужил два года в Советской Армии офицером Военно-Воздушных сил. Прозаик, публицист. Живёт и работает в Казани.

роду, угадывая в свете луны высокий прямоугольник душевой кабины, обитой рубероидом. Приблизительно раз в две недели, а в последнее время и чаще, он как по расписанию просматривал один и тот же ролик. Как, увлѣкшись прицеливанием, он не успевает вовремя выйти из пикирования и всем телом чувствует, что самолѣт не может набрать высоту, становится почти вертикально и пашет землю струями из двигателя, как ещё немного – и сопло воткнѣтся, и тогда...

«Ой, ох, хорошо!» Артѣму показалось, что он закричал слишком громко, когда в нагретой солнцем душевой на него обрушились струи холодной воды. Его могла услышать соседка, и без того периодически косившаяся на его простыни, которые он вывешивал на просушку. «Она, наверно, думает, что я мочусь под себя. Вот смеху-то! Лѣтчик, да ещё инструктор, снайпер, герой Афгана, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, ссытся по ночам! Да, ребята бы проходу не дали в эскадре!» Наслаждаясь ставшей приятно-прохладной водой, уже успевшей отдать дневной жар от чѣрных резиновых шлангов, из которых Артѣм каждый вечер заливал бак самодельного душа, он вспомнил, как начинал лейтенантское жительство в офицерском общежитии.

Через неделю пребывания в общаге он с удивлением и смехом застал уморительную картину. В комнате дежурная препиралась с его соседом, капитаном-связистом Леонидом Раскидаевым. Она громко возмущалась тем, что товарищ капитан, напиваясь до чѣртиков, превращал белые простыни в жѣлтые. А Лѣня в свою очередь с возмущением отметал все грязные инсинуации в свой адрес, при этом размазывая большой простынѣй с действительно ядовито-жѣлтым раскрасом. Он не говорил, а вещал: да как она могла его, боевого офицера, прошедшего Анголу, Афганистан и другие горячие точки и выполнявшего там особо ответственные задания командования, заподозрить в таком безобразии! Но ссылки на подвиги не поколебали боевого настроя дежурной, и она таки доложила коменданту. А та недолго думая не только растрезвонила об этом по всей гостинице, но ещё и наложила финансовые санкции на провинившегося за дополнительную и особо тщательную стирку испорченного казѣнного белья.

Мечь офицерского сообщества за поруганную честь была изощрѣнной и, надо теперь отметить, в какой-то степени пророческой. Упившись в очередной раз «массандрой», «шилом»¹ и разбавленным «чистяком» (благо «МиГ-25» или, как их прозвали в народе, «летающие гастронемы», на которых начинал служить Артѣм, без труда предоставляли такую возможность), холостая молодѣжь нарядила плохо соображавшего Лѣню белым офицером. Сделать это было нетрудно. Бралась полевая форма – куртка и брюки-галифе, на которых даже голубой кант подходил по цвету к кавалерийским лампасам начала двадцатого века, затем путѣм несложных манипуляций односторонняя советская портупея превращалась в двухстороннюю царскую, и, наконец, вместо тусклых полевых погон пришивались серебряно-золо-

¹ «Массандра», «шило» – спиртоводяные смеси различной градусности, применяемые для технических нужд при эксплуатации авиационной техники.

тые с современной «парадки». Блестящие хромовые сапоги и полевая фуражка с круглой белогвардейской кокардой довершали дело. Настоящие художники своего дела, парни нацепили на Лёню невесть откуда взявшееся пенсне и вручили белые парадные перчатки. Они смотрели, спрятавшись и затаив дыхание, как он, блестящий штабс-капитан, лёгкой походкой, поскрипывая сапогами и небрежно помакивая перчаткой, доставая из угла рта только что закуренную «беломорину», сбежал, словно с небес, по лестнице и подошёл к дежурной: – Миль пардон, мадам... – И дыхнул перегаром.

Бедную женщину бальзаковского возраста, видимо, покинули силы, и она не смогла даже встать. Сделав огромные глаза, она сначала попыталась что-то ответить, а потом протянула руку к телефонному аппарату, но не успела – грохнулась в обморок. Смех смехом, но ребята не на шутку перепугались, пока её откачивали, приводя в чувство той же «массандрой» и давая в качестве закуски таявшие во рту кусочки самодельного копчёного сала.

...С водой ушло напряжение, но не усталость. Он знал, что сейчас примет тройчатку (этому его научила вторая жена) – капли корвалола, боярышника и пустырника – и скоро заснёт. На это раз без сновидений. А утром, как ни в чём не бывало, выпьет чашку кофе, сядет за руль своей «Газели», заменивший ему штурвал родного «МиГ-27» с бортовым номером «17», и будет развозить грузы.

Морщась от принятых лекарств, он присел на крыльцо, закурил и посмотрел на полоски тумана, которые медленно выползли из низинок, где за ночь скопилось много росы. Сейчас было три ночи, а в семь утра, когда он встанет, от тумана и следа не останется. Здесь, в средней полосе России, он быстро тает под лучами солнца. Не то что в Германии, Польше и тем более Прибалтике. Там эта молочная взвесь может стоять несколько дней, и когда ты по ней идёшь или едешь, то не покидает ощущение, что плывёшь по океану, из которого никогда не вырвешься. Артём вспомнил один белорусский туман, точнее, его вариант в Пинских болотах, где на полигоне, куда полк летал из Германии, эта дымка сыграла с ними злую шутку.

Наверно, тот период жизни был лучшим у Артёма Борисовича Байрашевского. Теперь, оставшись один после двух браков, со всеми своими болезнями и страхами, с детьми (а точнее, без них), которые были далеко и не торопились навестить родного отца, он понимал это отчётливо.

...Он уже три года служил в Германии, жил вместе с женой и двумя детьми, которые ещё не ходили в школу и пребывали в том счастливом возрасте, когда, беря много от родителей, с радостью и очаровательной естественностью дарили им всё-таки гораздо больше. И Галя, его Галинка, была премоной, доброй, заботливой жинкой, торопящейся обустроить их уютное гнёздышко в виде трёхкомнатной квартиры в новом пятиэтажном доме в невероятно зелёном городке с певучим названием Финстервелле. Она торопилась быстрее и больше насладиться этой поистине райской жизнью, ведь только офицерская жена, намаываясь в военных городках Забайкалья и Средней Азии

(где, в сущности, была одна и та же картина – мытьё полов от всепроникающего песка, только в первом случае было холодно, а во втором – жарко), могла так обострённо чувствовать скорое окончание этого наслаждения.

Он только что был назначен заместителем командира эскадрильи – не начальником штаба, не замполитом, а именно замом, который в первую очередь отвечал за лётную подготовку, что больше всего ценилось среди пилотов и чего именно он сам и хотел больше всего. Большая майорская звезда лишь недавно стала приятно отяжелять погоны и отвечала не столько его потребностям командовать, сколько желанию делиться опытом с молодёжью. Он уже написал рапорт о переводе в Афганистан, понимая, конечно, что это небезопасно и Галя вряд ли одобрит. Но он был офицером, лётчиком и хотел быть им по возможности ещё долго, чтобы учиться самому и учить других, что у него, кстати, неплохо получалось. А ведь стать настоящим командиром, смело и прямо глядеть в глаза всем окружающим невозможно, не понюхав пороха и не испытав себя в настоящем деле. Деле, которым была война. Без этого он не смог бы быть до конца справедливым и требовательным к подчинённым, но самое главное – к самому себе.

Был солнечный воскресный день. Они вчетвером сидели на веранде гаштета², на берегу чудного озера, поглощая вкусное картофельное пюре и восхитительные немецкие сосиски, запивая томатным соком и пивом. Дети, справедливо полагая, что есть куда более вкусные вещи, чем картошка и мясо, с большим удовольствием поглощали лимонад и рогалики. Лёгкий ветерок с озера лениво трепал раскрытые тенты, слегка поднимал концы скатертей и чуть-чуть шевелил длинные волосы женщин и непослушные детские кудри, оставляя нетронутыми короткие мужские стрижки. Такие посиделки по выходным дням уже давно стали хорошей традицией для офицерских семей, быстро привыкших к высокому (по советским меркам, конечно) уровню сервиса и качеству недомашней пищи. Здесь отцы устраивали праздник детям, а матери могли немного отдохнуть от каждодневной готовки.

Артём, откинувшись на спинку плетёного кресла, в приятной истоме от выпитого холодного баварского наслаждался жизнью. Он со счастливой улыбкой смотрел на свою семью: красивую жену и смеющихся, с набитыми ротиками, дочку и сынишку. Было ощущение не зря прожитой жизни и важности сделанного на благо Родины здесь, на передовых рубежах борьбы с империализмом. Не хотелось думать о том, что там, в Союзе, жизнь не такая замечательная и сытная, что ещё дальше, на юге, идёт война и гибнут люди и что иногда доходят скупые известия о сбитых советских самолётах и вертолётах и обстрелянных аэродромах. Не хотелось думать и о том, что через два года эта жизнь закончится и им придётся перебираться в Союз, и хорошо, если повезёт с местом – будет это Прибалтика или Белоруссия, но ведь может быть и Урал, и Сибирь, а то и «севе-

² Гаштет – небольшое немецкое кафе.

ра»... Никуда не денешься, таковы были правила службы за границей. Никакие привходящие условия не могли продлить это время. Разве что очень большие связи! Но у Артёма их не было, он сам – собственным трудом и упорством добился всего. И только Галина знала об этом, стирая его пропитанные потом подшлемник и комбинезоны.

По веранде кафе с шумом и смехом бегали дети и, иногда оставаясь, с открытыми ртами, замороженно глядели на работающую термоустановку, неумолимо поглощавшую использованную пластиковую посуду и тут же выдувавшую новенькую. Да что там дети! Артём и сам лишь недавно привык к такому безотходному и наглядному хозяйственному подходу к жизни. «Умеет всё-таки жить немчур!»

Для благодушного настроения был ещё один повод. Позавчера они лихо отработали полковой восьмёркой под Лунинцом, отметав все шестнадцать бомб точно по целям. Этот белорусский полигон считался особенно трудным по двум причинам. Во-первых, никто и никогда не мог спрогнозировать там погоду, которая под воздействием сильной влажности могла измениться в любой момент. А во-вторых, здесь, в отличие от «сухих» площадок, нужно было попадать точно в цель. Поскольку бомбы, уйдя хотя бы самую малость в сторону, разрывались уже в глубине болота и приносили очень мало вреда мишени взрывной волной. Но им – командиру полка с заместителем по боевой и, соответственно, трём комэскам со своими замами – повезло с погодой. Светило уже высушило утренний туман, и воздух ещё не насытился дневными испарениями. А то, как они сначала прошли над Германией, югом Польши и потом Белоруссией, можно было просто заносить в учебники по лётному мастерству. И как они снизились, и подкрались на высоте почти пятидесяти метров, и, резко сделав «горку», сбросили смертоносный груз, раздолбав всё что можно и нельзя.

Хотя Артём и видел, что иногда самолёт подныривал и до тридцати метров, но победителей не судят, а только награждают. Хотя бы грамотами, ценными подарками и званием «Лучший полк» – в дивизии, в армии и даже в ГСВГ³, а там уже недалеко и до вымпела самого главкома ВВС. В общем, блеск и красота! Командир даже станцевал после посадки, лично пожал всем руки и объявил благодарность. Отличный результат давал возможность надеяться всем на продвижение по службе и учёбу в академиях. Теперь и Байрашевский был уверен, что его рапорт пройдёт по инстанциям как по маслу.

Он улыбнулся приятным воспоминаниям, и его широкую улыбку заметила жена. Галина, вытерла ротик младшей дочурки и липкие руки сына. Улыбаясь, сделала вид, что хочет вытереть губы и смахнуть крошки с груди мужа, комично стала размахивать салфеткой.

– О чём это улыбается мой майор?

– Просто я люблю тебя и свою работу! А что ещё надо бедному крестьянину!

³ ГСВГ – Группа советских войск в Германии.

От избытка чувств их поцелуй длился чуть дольше, чем следовало это делать на людях. Пивная пена с губ Артёма осталась на губах Галинки. Она облизнулась и попробовала взять пивную кружку из рук мужа.

– Ну, дай попробовать, ну дай!

Она какое-то время ловила его руку, а он нарочно водил ею над столом и по сторонам. Наконец она поймала его кисть, отпила пива, которое нравилось ей лишь тем, что было всегда прохладным, и сказала, сморщив нос:

– Быр-р-р! Как вы его только пьёте, мужики?

Они засмеялись, и в подражанье им мелко захихикала Настюша, поднимая высоко маленькую ложечку с капающим мороженым.

– Ну всё, пора заканчивать, а то наши наследники скоро поднимут флаг над этим гаштетом!

«И, в принципе, правильно сделают, если учесть, сколько наших солдат погибло в своё время здесь, чтобы они сейчас так жили!» – подумал Артём. Он допил пиво, вытер руки салфеткой и поднял на руки дочурку.

Понедельник начался бы обыкновенно тоскливо, с нудного построения, на котором иногда звучали сводки потерь в Советской Армии за выходные. Сейчас Байрашевский к этому относился спокойно, а поначалу никак не мог привыкнуть: как это так, в мирное время армия теряет порой до десятка военнослужащих за субботу и воскресенье? Кто угодил в бетономешалку, кто угорел в гараже в компании любовницы, а кто просто так пристрелил пару-тройку сослуживцев, а потом и сам попрощался с жизнью.

Но на этот раз он стал свидетелем «экранизации» на его глазах одной знаменитой армейской байки. Он много раз её слышал и смеялся, но, честно говоря, в глубине души всё-таки сомневался в её правдоподобности. Когда начальник штаба громким дежурным голосом известил: «Сегодня понедельник, 25 июня 1985 года...», а острослов, находящийся рядом с Артёмом, тихо, но внятно добавил: «В/ч №...», то кто-то стоявший сзади и до этого часто и тяжело дышавший (что было причиной распространения специфического запаха) чертыхнулся и быстро побежал прочь от полкового строя. На это обратил внимание командир полка. Он вытянул голову, глядя на то, как в его присутствии грубо нарушается строевая дисциплина.

– Что за хмырь там побежал? – негромко процедил он, но начальнику штаба громко и отчётливо бросил: – Прошу продолжать!

Подполковник Примак сказал это вроде бы без раздражения и даже вежливо, но от такой «вежливости» заломило скулы у многих, а уж у командного состава точно.

На несколько секунд звенящая струна оглушительной тишины натянулась так, что было слышно, как возятся вороны в гнёздах на обступивших полковой плац огромных вязах. Казалось, ещё немного – и эта струна порвётся и даст волю командирскому изысканному мату, от которого у многих по спине шли мурашки. Но вместо этого каркнула сначала одна птица, потом другая, и народ выдохнул, а нач-

штаба продолжил докладывать о планах на день и неделю. Стоявший слева от Байрашевского его ведомый Жора Капустин хмыкнул:

– Похоже, корешок действительно перепутал свою часть.

Они улыбнулись, и Артём заметил, что у старшего лейтенанта Капустина ещё белеет след там, где была закусана губа.

Народ стал расходиться по стоянкам и канцеляриям, как вдруг, ещё не докурив по первой сигарете и не рассказав о приключениях за выходные, лётчики почувствовали, что по их рядам прокатилась некая волна тревоги и сумятицы. Пробежал, что с ним редко бывает, начальник штаба полка, в комнатах всех трёх эскадрилий зазвонили телефоны, и через пять минут прошла команда: срочно прибыть к комполка комэскам и их замам.

«Главное – не прийти последним!» – до сих пор этот лозунг ещё с курсантских времён всегда выручал майора Байрашевского и охранял от гнева начальства. Уже завернув на аллею, ведущую к командирскому двухэтажному домику, Артём заметил бегущего за ним командира. «Ну вот, будет тебе на орехи, Корепаныч», – замедляя дыхание перед докладом, подумал он о подполковнике Корепанове, невысоком крепыше, медлительном на земле, но неуловимом в воздухе.

– Товарищ гвардии подполковник, майор... – открыв дверь, начал Артём, не глядя ни на кого, но его остановил резкий голос Примака:

– Доложите старшему по званию!

– Вольно, проходите, – спокойно и властно прозвучал голос из-за спины Байрашевского.

Он обернулся и упёрся в хмурое, с мешками под глазами, лицо генерала Бартенко.

– Есть! – ответ майора получился по-строевому нерезкий.

«Вот те на, комдив! Когда же он успел? На вертушке, что ли?» Он повернулся и сделал несколько шагов к остальным стоящим вокруг большого прямоугольного стола, где обменялся многозначительными взглядами со своим командиром, подполковником Кондратенко.

Когда в кабинет вошёл запыхавшийся Корепанов, Бартенко просто махнул рукой.

– Товарищ генерал, комэски и их заместители собраны! – отчеканил Примак.

– Прошу садиться, товарищи офицеры!

Все быстро расселись и приготовились слушать. Ничего в напряжённой фигуре генерала, ни в его немного отстранённом выражении лица не предвещало ни хорошего, ни плохого. Он подошёл к двери и плотно прикрыл её. Затем вернулся к столу, опёрся на него обеими длинными руками и произнёс:

– Вы отлично отработали полигон, молодцы. Стали лучшими в дивизии и, судя по реакции командующего, в Группе. Считайте, что благодарность главкома у вас в кармане. Но...

Артёму показалось, что стройная и спортивная фигура комдива, на котором всегда безукоризненно сидела форма и идеально были подогнаны орденские планки и знаки отличия, сторбилась, а мундир просто обвис.

– ...Но вам ещё нужно сделать одно – сверх того, что вы уже сделали, и благодаря чему уже заслужили похвалу!

Сказано было вроде естественно, но без особого лоска и командирского нажима.

«Что-то загнул комдив!» – подумал Артём и медленно оглядел всех собравшихся. На лицах некоторых он заметил не просто вопрос, а даже лёгкое недоумение, которое, скорее всего, читалось и в его глазах: «Что ещё сделать, товарищ командир дивизии? Разбомбить Берлин, Бонн, Лондон и Брюссель или разнести в пух и прах американскую базу в Рамштайне?.. Или, может, врезаться с полным боекомплектом в штатовский авианосец «Энтерпрайз», который стоит, по последним данным разведки, на рейде Киля? Чего мы не сделали того, что должны были? А, комдив?»

Но генерал с видимым усилием сказал совсем не то, что от него ждали. По крайней мере, так показалось майору Байрашевскому, но, как потом он узнал, и всем пилотам.

– Я прошу вас сделать то, чего ещё никогда не просил. 35-й полк на следующий день после вас на полигоне отработал на «двойку». Если они не исправят в среду свою ошибку, то снимут комполка и меня заодно. Вчера поздно вечером меня вызвал командующий и такое наговорил, что... Короче, вы меня понимаете. – При этих словах генерал даже переступил с ноги на ногу. – В общем, послезавтра с их позывными нужно будет ещё раз слетать к братьям-бульбашам и отработать без сучки и задора!

Этот искажённый афоризм, давно ставший визитной карточкой комдива и всегда вызывавший улыбки у подчинённых, на этот раз не вызвал никакой реакции у лётчиков. Всем было не до смеха.

– Разрешите, товарищ генерал? – поднялся Примак.

– Да, – ответил Бартенко и сел.

– Ваше задание будет выполнено... – И через крохотную паузу: – Лишь бы об этом никто не узнал.

– Я понял тебя, Виталий Палыч! – сказал комдив. – Это моя забота. Выручайте, парни, – он уже явно просил и не скрывал этого, – иначе будет тако-о-ой капец! Страна у нас большая, где-нибудь да встретимся. Если ещё оставят служить, конечно. Так, теперь вот что... – Твёрдость в его голосе вернулась, а сомнения ушли: – Кто хотел у вас поступать в академию?

Медленно встали два зама, первой и третьей.

– Считайте, что вы уже учитесь! – ответил Бартенко. – Так, а ты, Байрашевский, хотел в Афганистан?

Артём сделал лишь попытку подняться.

– Сиди, считай, уже воюешь! Кто ещё хочет малость чеков заработать на старость?

– Сергей Васильевич, я тоже писал два рапорта! – Примак даже и не пытался встать.

– Вот и отлично, командир, отправись вместе с майором. И, кстати, полетишь уже полковником. А двое комэсков...

Корепанов и Кондратенко вскочили, как на пружинах.

–... пойдут в Академию Советской Армии. Будут на дипломатических приёмах чёрную икру трескать. Вы знаете, я своё слово держу. Очередь за вами! Хотя, честно скажу, жалко будет расставаться с вами. Таких спецов по бомбометанию учить и учить...

Они летели уже двадцать минут. «Колёса в воздухе!» – наверняка так доложил руководитель полётов комдиву, чей вертолёт уже сел к тому времени на аэродроме, куда приземлится после применения и восьмёрка «МиГ-27». Самолёты были немного тяжелее, поскольку книзу тянул дополнительный бак с керосином, подвешенный для того, чтобы сделать крюк в двести километров. Надо было полностью сымитировать взлёт из зоны соседнего полка.

«Да хрен с ним, с этим баком! И так отбомбимся, плавали, знаем!» – подумал Артём.

Погода была отличная, видимость на миллион, но метео предупредила, что над полигоном возможна небольшая облачность.

– Лишь бы не было дымки! – вспомнил слова своего комэска Байрашевский.

– Это точно! Облака может раздуть, а вот дымка – она как змея, не знаешь, откуда выползет и куда скроется. Иначе придётся на второй заход! – ответил Примаку Кондратенко.

– А для того чтобы всё сработало с первого раза, приказываю сразу включить всё на взрыв! – добавил комполка.

Это было странно. Обычно это ответственное действие лётчики выполняли непосредственно перед выходом на площадь бомбометания. Иначе при случайном сходе боеприпас мог наделать много бед в любой точке маршрута следования. А там города и деревни... И представить себе страшно! «Что ж, тогда молитесь, товарищ Примак, чтобы ничего не упало с воза!» – подумал Артём.

Шли эшелонем на восьми тысячах метров, узким коридором, через центр Польши, и сразу выскакивали на Белоруссию, а там до площадки рукой подать. Майор Байрашевский вспомнил рассказ своего старшего школьного военрука, который делился опытом службы со старшеклассниками. «Из Польши в Германию везли на продажу сало, а обратно – женские капроновые чулки. Вот такой бизнес был!» «Да, двадцать лет прошло, а что изменилось?!» – усмехнулся в кислородную маску Артём.

...Так, прошла команда на разворот. Верно, на самой границе. Карта не врёт, а к полигону подойдём на десять минут позже из-за петли. Наверно, пацаны рады-радешеньки, что скоро, считай, через три годочка после Академии Красной Армии, будут красоваться с аксельбантами в атташате. Не знаю, уж какие там секретные дела им предстоят, а говорят, дрючат их в академии по полной программе. Ничего, пускай учатся болтать по-английски и по-французски, а мы поиграем в войнушку в Афгане. Ага, прошёл сигнал на снижение, значит, уже скоро. Да, сильно давит. Ничего, зато маску можно будет скинуть. Так, вдохнём напоследок. Всё, теперь на курсе подлёта. Какая высота? Почти пятьдесят, ну, или сорок пять. Отлично, хрен теперь кто нас засечёт, если только на «горке» над целью, но там

уже поздно. «Загорелся зелёный огонь правой подвески, зелёный ого...», – раздался крик в наушниках. Ни хрена себе! Неужели...

Вспышка и грохот впереди. И через секунду самолёт Байрашевского пронёсся сквозь дым. Лайнер немного качнуло, как автомобиль на ухабистой дороге, об обшивку что-то стукнуло. На огромной скорости он не успел ни среагировать, ни испугаться. «Фу-у-у! Неужели у кого-то слетела «сигара»? – подумал Артём. – Но у кого? Судя по времени, у второй пары. Если бы у первой, то времени прошло бы больше. Если никто не заорал, значит, никто не брякнулся!»

Отработали они отлично и с первого захода. «Повезло вам, черти гвардейские, дымка рассеялась прямо перед вами!» – отметил начальник метео. Но он, как и другие офицеры управления полигона, не заметил, что взрывов было не шестнадцать, а на один меньше. Или сделали вид. Какая разница, в конце концов! Зато другого мнения был комдив. Он был мрачнее тучи.

– Вот тебе «вертушка», Примак, экипаж и пару солдатиков в придачу. Плюс два мешка картошки, ящик тушёнки и канистра спирта.

Сорокалитровая железная ёмкость с алюминиевой пломбой при этих словах предательски булькнула и упала на землю.

– Забирай своих орлов – и дуйте в деревню. Делай что хочешь и как хочешь, но чтобы завтра и следа оттого, что там упала наша бомба, не осталось. Вопрос с местным населением должен быть решён. Иначе лучше не возвращайтесь.

Последние слова заглушил звук двигателя «Ми-8». К тому же Артём всё равно их не услышал – он первый запрыгнул на борт вертолёта.

То, что они увидели сначала с воздуха (комполка приказал вертолётчикам пройтись над воронкой), а потом и с земли, оказалось не таким уж и страшным разрушением, как это представлялось Артёму после грохочущих железом слов командира дивизии. Конечно, деревне повезло: «пятисотка»⁴ упала на её окраине, приблизительно в двухстах метрах от крайней избы, в которой доживал свой век одинокий дед.

Потом, когда уже они почти всей деревней сидели за большим столом, посеревшим от времени и испещрённым множеством зарубок, мужики и бабы признались, что уже давно привыкли к падению в окрестностях разных взрывоопасных предметов. И боялись они больше не того, что взрывалось (тем более что худо-бедно, но военные потом восстанавливали разрушенное), а тех предметов, которые оставались целыми. «Вот тогда мы, мил человек, все быстрехонько уходим куда подальше, пока сапёры не приедут», – просветил Байрашевского мужик с длинным лошадиным лицом и большим выпирающим носом. Он только что хватил полстакана разбавленного и обдал лётчика запахом местного самосада. «А так что ж? Куды ж девать-

⁴ «Пятисотка» – авиационная бомба весом 500 кг.

ся? Армии надо тоже тренировку делать. А нам так давно предлагали переехать в другое место, но прижились мы тут».

Деду Михею, хозяину крайней избы, было уже глубоко за семьдесят. Его реденькие седые, но почему-то длинные волосы делали его похожим скорее на попа или даже хиппи, чем на заслуженного партизана и колхозника. Он приветливой улыбкой встретил воинство на своём огороде и молча выслушал извинения командира полка под сочувственные взгляды лётчиков. Те переминались с ног на ногу, не зная, чего можно было ожидать от старика. Не глядя на мешки с бульбой, тушёнку и спирт, дед вдруг по-бабьи всплеснул руками и обнял удивлённого Примака.

– С-с-сынки, милые, почему же вы п-п-пришли так п-п-п-п-оздно? Я вас так давно ждал! – сказал он и расплакался.

Слёзы густо капали на его раскрасневшееся лицо с малиновыми прожилками и оставляли следы не только на тёмном, давно не стиранном пиджаке, но и на потёртой лётной куртке подполковника.

Собравшиеся несколько женщин стали креститься и утирать кончиками платков глаза, а хмурые мужики стояли, опершись на заранее принесённые лопаты, и молча смотрели на землю. Между ними проскальзывали пацаны и девчонки. Они только что оглядели вертолёт и прибежали посмотреть на невиданных гостей, в красивых нежно-небесного цвета комбинезонах и высоких зелёных фуражках с голубым околышком. К Примаку, чуть прихрамывая, подошёл среднего роста ещё крепкий мужчина с большой выцветшей орденской колодкой.

– Я так разумею: вы будете за старшего. Ну вот... – Он откашлялся и протянул подполковнику большую коричневую ладонь. – Баглюк, Иван Спиридонович, председатель сельсовета. Вы, в общем, помогите нашему Михею... Стёкла у него выбило, наш Никола-мастер уже вставляет. Вот надо таперича, знаете что, зараз крышу у сарая и забор починить, ну и, конечно, закопать эту чёртову яму.

– Мы сейчас всё сделаем, товарищ Баглюк. Мы для этого и прилетели, всё, конечно, исправим. Вы извините ещё раз за беспокойство, и...

Вероятно, Примак хотел сказать, что они наделали много шума, но могло быть и хуже, если бы попали в строения. Но этого не сказал и лишь повёл рукой в сторону деревни.

– А мы к этому делу привычные, товарищ начальник! – устало и торжественно проговорила одна женщина. – Коровы так иногда пугаются, молока меньше дают, а мы уж пообвыкли. Вы только деда не обидьте. Он у нас и так... – И она вытерла слезу.

Корепанов, стоявший всех ближе к ней, ответил:

– Всё сделаем, всё понимаем и сожалеем. – Он взял женщину за локоть и уже тише спросил: – Только дедушка ваш как-то немного странно нас встретил. Я, конечно, понимаю, мы виноваты, ведь ещё немного упади она в сторону, и...

– Да нет! Дело не в вас. Он у нас немного глухой. Может, он подумал, что вы прилетели к нему насчёт его сыновей... – ответил за всех председатель.

– А что с ними? – спросил Примак.
– Одного-то сразу убили в... как его... Афгаста, тьфу ты, не выговоришь. Ну, где война на юге идёт.
– Афганистане? – подсказал Байрашевский.
– Ну да, будь он трижды неладен. Вот. А младшего... Сколько, бабы, – полгода или нет, а?
– Да больше, почитай все восемь месяцев будет, соколики... – ответила старушка, стоявшая рядом с Артёмом. Она повернула голову, улыбнулась ему редкозубым ртом и потрогала рукав диковинной одежды. – ...как пришла бумага, что он пропал без вести. Написали, что канул весь экипаж и никого не нашли. Дед, наверно, и подумал, что вы оттудова...

С этими словами голос её сорвался, и она махнула рукой.

У Артёма откуда ни возьмись к горлу подкатил ком. Захотелось зажечь сигарету, выпить воды, присесть на траву и прислониться к стенке сарая. Он заметил, что кто-то из товарищей отвернулся, а кто-то стал шарить по карманам, пытаясь закурить.

Примак обнял деда за плечи и повёл его к дому.

Ночью пошёл дождь. Те полдня, которые они провели в деревне, небо постепенно заволакивали тучи, но они сдерживались, не мешая людям работать. И только когда наступила темнота, изредка подсвечиваемая огоньками курящих, упали первые капли. Тихо, незаметно, не усиливаясь и не замедляясь, ровно и умиротворяюще дождь сеял свои прозрачные семена покоя, как бы лаская новые доски на крыше сарая, пропитывая свежеструганные колья в заборе и, конечно, покрывая и делая незаметной засыпанную воронку. Он смешивал новую и искалеченную землю со старой и родной почвой, стараясь захоронить вину тех, кто нанёс ей рану, и тех, кто допустил это.

Артём не спал. Видимо, с непривычки от физического труда ныли руки и слегка гудела голова. Скорее всего, от впечатлений и переживаний. Он сполз с верхотуры сарая, прокатился по новому, а поэтому особо ароматному сену, где ещё с троими товарищами устроился на ночлег. Остальные почивали – кто у деда, а кто у других деревенских. Он остался в сарае, слушая, как дождь мягко шуршит по крыше, листе и траве, которая ещё не успела выгореть под солнцем. Он закурил и вдохнул вместе с табаком запаха дождя, зелени и свежеспашанной земли. Было тихо, даже не лаяли собаки, хотя днём они давали понять, что заметили чужаков. Отблеск далёкого фонаря, видимо, у сельсовета, просачивался сквозь деревья и иногда касался домика деда Михея, околицы и леса за ним.

...Машина наконец остановилась. Молодой военный пенсионер Артём Байрашевский сидел, вцепившись в руль, и не мог никак оторвать от него руки. Перед глазами прыгали то чёрные круги, то всё застилала белая пелена, то снова появлялось лицо разъярённого водителя встречного грузовика. Оно выражало всю гамму чувств, о которых потом стараются не вспоминать люди, только что избежавшие аварии. Байрашевский с трудом выполз из кабины «Газели»,

но открыл дверь не со стороны водителя, а с противоположной. Опустившись на пыльную придорожную траву, он трясущимися руками закурил, выдохнул и в изнеможении откинулся на колесо.

Когда всё это началось? Когда он был вынужден демобилизоваться по инвалидности и появились провалы в памяти? Или когда он катапультировался в Афгане, а потом три дня брёл до своих? А может быть, потом, когда ушла жена, забрав детей, хотя и забирать-то не надо было. Старший сын ушёл сам, но потом вернулся и попытался объясниться с отцом. Как это сделала и жена, через несколько дней объяснив ему, что не могла больше терпеть его запои и что уже находила утешение у тех, кто понимал и сочувствовал. И было непонятно, что первично, а что произошло потом... Когда же, когда? Где та развилка, где он свернул не туда, не в ту сторону, сделал что-то за другого или что-то не то?..

Артём глотнул водички, брызнул на лицо. Вода освежила, смыла какую-то тяжесть и оцепенение, вернула бодрость. Из соседнего леса с шумным чириканьем выпорхнула стая воробьёв, быстро пересекла дорогу и скрылась в берёзовой роще. Надо было ехать, везти груз, делать дело, как умеет и может мужчина, привыкший всё выполнять до конца и «через не могу». Иначе не было смысла ни в том, что уже пройдено, и ни в том, что ещё предстояло. Ни в чём.

2012 год

**Руслан
КОШКИН**

В ЭТОЙ ВЕРЕ Я НЕ ОДИНОК...

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Привычный к травле и к извету,
и к блиндажу, и к шалашу,
я русский дух по белу свету
благословением ношу.

И вижу то, что светлым душам
даёт он крылья и простор,
а душам падшим и потухшим
являет горечь и укор.

И потому одни радушно
его встречают там и тут,
другие ж злобно и натужно
о нём нелепицы плетут.

И если первые при этом
как бы душой воскрешены,
то тем, вторым, и их клеветам –
привет от первых с вышины.

Изветчики не рады правде,
и белый свет не в радость им.
И оттого в любом обряде
им русский дух невыносим.

Простите, у кого до рези
от русскости в глазах искрит:
такой натуры – хоть ты тресни –
внутри не удержать, не скрыть.

-
- Руслан Леонидович Кошкин родился в 1975 году в посёлке Аркуль Вятского края. Живёт и работает в Кирове. Многократный участник всероссийских и международных форумов и совещаний молодых писателей, стипендиат Министерства культуры Российской Федерации. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «День и ночь», «Волга–XXI век», в «Литературной газете», газете «День литературы», в антологии «Русская поэзия. XXI век», «Антологии военной поэзии» и ряде других центральных и региональных изданий. Автор двух книг стихов. Член Союза писателей России.

Взлететь, где не бывала птица,
и необъятное объять.
Всё воспринять, во всё влюбиться,
собрать и всё раздать опять...

И как я рад – и радость эту
не глушит оговорный шум, –
что русский дух по белу свету,
по свету белому ношу!

«ДО НЭБА»

Сергею Михалку

Ласковые дяди, игривые дяди
подошли к мальчонке, наивность во взгляде,
угостили дяди мальчонку конфетой,
похвалили щедро за то и за это.
Не жалели дяди хвалебного слова,
интересовались, где дом у малого,
спрашивали дяди о папе, о маме
и о том, когда их «удома нэмае»*.
Спрашивали дяди ещё и такое:
есть ли у родителей то и другое,
кем ещё их «гарная хата богата».
Отвечал мальчонка про старшего брата.
Обещали дяденьки сказку малому,
если он братишку спровадит из дому,
если пригласит их на чай и на сушки,
поиграть без мамы и папы в игрушки...

Подходили взрослые, видные мэны
к молодому хлопцу, что топал со смены,
угощали «правдой», что вовсе не правда,
предлагали братство – без брата, но с «Прада».
Баяли, мол, можно всё сладить на славу,
«тильки трэба» братцу устроить подставу.
А резон простой – во-вторых и во-первых:
потому что братец – по жизни «суперных».
Рассказали байку про бабу и деда,
разъяснили хлопчику, в чём его «мета».
Привязались и наущали подолгу,
сбили мальчугана наивного с толку.
Нашептавши парубку, «що тоби трэба»,
подбивали хлопца «скакаты до нэба».
Сведущие дяди, вожди-мозгокруты.
«Без вертання выйшло до нэба скакнуты...»

* Здесь и далее по тексту украиноязычные слова приводятся в русской транскрипции.

НА ЗАРЕ

Будоражащий вид заревой:
по-за далью багрец с синевою
вперемешку. И тем согласуется он
с этим путаным светом, блажным до смешенья сторон.

Взбудоражен, стою на юру
и вперяюсь пытливо в зарю,
напряжённно пытаюсь прошарить ответ
на вопрос немудрёный: закат это или рассвет.

Если дело – к закату, тогда
дальше лишь темнота, пустота,
а, возможно, и хаос, разруха, распад..
Если это закат, значит, все по берлогам и спать.

Если это рассвет – нипочём
ни нужда, ни тиран с палачом.
И неважно, что страшно и стол постноват.
Если это рассвет, значит, время настало вставать.

Как ни вперивайся в горизонт,
взор препятствие не прогрызёт.
Но уверено сердце, что это – рассвет.
А для сердца живого других вариантов и нет.

А последнее значит одно:
рановато ложиться на дно.
И ещё: в этой вере я не одинок.
Ох, и славным же выдаться должен грядущий денёк!

НЕЙТРАЛИТЕТ

В этой жизни обычно нейтралитет
означает: тебя вроде как и нет.
Просто – нет. Как субъекта. Ни там, ни тут.
Ты – пустое место. Тебя метут.

Кто к подобной роли уже привык,
тот не чует боли от слов кривых
и не замечает любое зло,
если мимо зло это пронесло.

Мир – мечта. Ну так выпьем «за сбывчу мечт»,
не забыв о том, что «не мир, но меч...»,
что одно лишь – правда, иное – лжа,
хоть и тоньше грань острия ножа.

Выбор «быть над схваткой», увы, лукав.
Особливо если не пуст рукав,
если есть чем взяться за рукоять,
даже чтобы миловать – не карать.

Та у безучастности и цена –
три десятка сребреников она.
Паралич, отключка, анабиоз –
и уже мечтание не сбылось.

Что, приятель? Как тебе под метлой?
Под чужой отвагою удалой?
Ничего? Не воется на луну?
Ну-ну...

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Когда проруха с обрыва, с краю
толкает в прорву – чтоб удержаться,
я сам в сознание своё втираю:
цепляться даже за призрак шанса.

И если падать, не чуя склона,
а дальше, ниже – чернеет бездна, –
я верю, знаю определённо:
сопротивленье бесполезно.

И даже если в пучине с навью
сжимает ужас больней железа –
я свято верю, я точно знаю:
сопротивленье бесполезно.

Проруха, прорва, стезя кривая..
Но светит солнце в конце туннеля
тому, кто, немощь одолевая,
не прекращает сопротивленья.

ПРОЩАЛЬНОЕ

– Если зреет бойня,
если завтра в бой,
расставаться больно
больше всех – с Тобой.

Если быть разлуке
до скончанья лет,
буду в каждом звуке
слышать Твой привет.

Если быть в отводе
до скончанья дней,
горечь – горькой вроде –
наливай полней.

За Тебя – до дна я.
Выпьем по одной.
За Тебя, Родная...
– За тебя, родной...

ЖАЖДА

Нет, не «бей». Я не это хотел сказать.
Погоди, постой. Подберу слова.
Жажда правды. И мести слепой азарт.
Чем же больше полнится голова?

Да, не «бей». Я другое сказать хотел.
Но раз вырвалось, значит, объявлен путь.
Если ты задыхаешься в духоте,
поспешి наружу, тупым не будь.

Где же, где вожденная рукоять?
Утолительный где спусковой крючок?..
Погоди стрелять. Как и укорять.
Прикоснись к лобешнику. Горячо?

Горячо, сам себе отвечаю в лад,
но молиться будем «за упокой».
Если нет под горячей рукой ствола,
то сгодится и камень руке такой.

Погоди. Если вправду, как смерть, крепка
жажда мщенья, и слаще она, чем мёд,
почему же буханку тогда рука
вместо камня находит и подаёт?

Если так, то, видно, душой не слеп,
значит, место в ней и для правды есть.
Раздавай тогда – кому надо – хлеб.
И на вкус не пытайся проверить месть.

ДУМА

Если вдруг оглядеться в пути – при езде
или пёхом – по нашим просторам,
поразит пустотою округа везде,
словно самым безбашенным вздором.

Но не имут пустынные дали стыда
за пустынность свою – и не думай,
ведь наполнена мнимая их пустота
под завязку великою думой.

Над могучим размахом лугов и болот,
над безбрежным лесным океаном
эта дума стоит как незримый оплот,
вопреки головам окаянным.

С ней во благо любая творится из треб,
какова ни была бы потреба,
и скрепляются дали в единую крепь,
вширь и ввысь – от земли и до неба.

Ни циклон не помеха, ни злыденный ум
для её бытия-бытованья.
Не соперница ей никакая из дум,
даже самая передовая.

Ведь душою питает её – не молвой,
сам, бывало, себя обескровив,
и безбашенный самый, и передовой
из великих народов-героев.

Вот стоишь одиноко в ночи луговой –
ни души, бы казалось, на вёрсты –
и немеешь от чувства, что над головой
у тебя не одни только звёзды,

что какая-то сила волнением идёт
у тебя по душе и по телу
и глаза открывает на мнимость пустот,
приобщая к великому делу.

**Александр
РЕДЬКОВ**

ДОРОГА К ДОМУ

«...Моё детство прошло в маленьком городке Западной Польши. Здесь я пошёл в первый класс. Мой отец был кадровым сержантом в танковых частях польской армии, мать – домохозяйка.

В 1939 году мне было тринадцать лет, в сентябре я должен был идти в седьмой класс. Наша семья жила на территории военного городка. В середине августа по городку стали ходить небольшими группами молодые ребята призывного возраста в гражданской одежде. Я как-то спросил отца, что это за люди. И получил вполне исчерпывающий ответ: «Держи язык за зубами, никому не говори о том, что здесь видишь». По городу и гарнизону ближе к сентябрю поползли тревожные слухи. Участились провокации на границе. Нам, ребятам, всё было интересно, во всём была своя романтика. Нам представлялось, что если начнётся война, то и нам найдётся на ней место.

30 августа разведывательные танки по тревоге погрузили на трёхосные трейлеры, прицепленные к тягачам, и отправили вместе с экипажами на боевые позиции поближе к границе. В казармах остались тыловики. Мой отец заведовал одним из складов, а точнее, состоял на интендантской службе.

31 августа во дворе наших казарм происходило столпотворение. В этот день в Польше объявили всеобщую мобилизацию. Люди разных возрастов весь день прибывали на плац. Их вели в баню, затем на склад к моему отцу, где мобилизованным выдавали новое обмундирование. Гарнизон был похож на огромный муравейник. Везде было движение, колонны шли в разные стороны: одни прибывали, другие из тех же ворот уходили в неизвестность.

Под утро, около шести часов, объявили боевую тревогу. Мы, гражданские, выбежали полураздетые, ещё не проснувшиеся, на улицу. Все спрашивали друг у друга, что произошло. Все надеялись, что тревога учебная, надеялись

-
- Александр Львович Редьков родился в 1961 году в г. Пушкин. Офицер запаса. В настоящее время работает в организации «Боевое братство-защита». Член поискового отряда «Рубеж-2». Публиковался в журналах «Нева», «Новый журнал», «Студия».

на лучшее. Где-то высоко в небе над нашими головами послышался шум авиационных двигателей. Мимо нас двигалась армада самолётов. Они летели со стороны границы. Звук, который издавали эти машины, был совсем другой, не тот, к которому мы привыкли при пролёте польских самолётов. И тут нашлись оптимисты, которые уверяли, что это английские или французские аэропланы. Машины улетели куда-то в глубь страны, на восток. Комендант приказал гражданским лицам расходиться по домам и не создавать паники. Он сказал, что утром будет правительственное сообщение. На все вопросы населения у него был ответ один: слушайте радио. Никто больше в городке не заснул. Вскоре домой забежал отец и сказал несколько успокаивающих фраз: началась война, но всё будет нормально, ничего не бойтесь! Ему предписано было находиться по боевому расписанию, и он ушёл.

1 сентября 1939 года по радио выступил польский президент. Его обращение было коротким: враг, а точнее, фашистская Германия без объявления войны перешла границы Польши. Агрессор подверг бомбардировке города и веси, армия вступила в бой с захватчиками. Он призвал народ сплотиться и дать решительный отпор германцам. Помощь скоро придёт, а пока нужно выстоять, продержаться.

Женщины стали оклеивать оконные стёкла тонкими полосками бумаги, пытаясь таким способом уберечь их от взрывной волны, от сотрясения. Рядом с плацем установили зенитный пулемёт системы «Hotchkiss». Расчёт обкладывал его мешками с песком, сверху натягивали маскировочную сетку. Всем было запрещено открыто ходить по территории гарнизона, но разрешили перемещаться под прикрытием зданий или деревьев. В особенности это распоряжение относилось к нам, к подросткам, чтобы мы своей беготнёй не демаскировали объекты. Странно, как будто у немцев не было карт, на которых точно указывалось, где что располагалось.

После того как мы вдвоём оклеили все окна в нашей квартире, я отпросился у матери сходить посмотреть, что делается в городе, и мы с приятелями отправились туда.

В городе ощущалось тревожное настроение. Повсюду патрули из полицейских и солдат, сформированные из военнослужащих дивизии, в которой служили наши отцы. На рекламных тумбах уже расклеены приказы, распоряжения, плакаты о переходе на военное положение. На улицах встречались люди в гражданской одежде, с противогазами на плече и повязкой «гражданский патруль» на рукаве. Нам объяснили, что это гражданская противовоздушная оборона. Население быстро перестраивалось на военный лад. У магазинов стояли очереди, люди скупали всё подряд, но самое дефицитное, как говорили тогда, – соль, спички, мыло – исчезло с прилавков за несколько дней до официального объявления войны.

Собрав разные слухи первого дня войны, наша компания вернулась в замаскированный, приготовившийся к обороне военный городок.

2 сентября я не пошёл смотреть, что делается в округе, а направился к солдатам, которые рыли укрытия, и стал помогать им. Остальное население гарнизона также помогало бойцам строить укрепления.

На следующий день в расположение нашей части приехали представители местного бурмиистра. Они хотели договориться с комендан-

том о помощи. Горожанам нужен был шанцевый инструмент для возведения укрытий. Народу строить укрытия от вражеских бомб и снарядов набралось немало, а лопат и кирок не хватало. Командование части выделило излишки инструмента в распоряжение городских властей. На подводы, присланные бурмистром, стали грузить лопаты. Из города приехали харцеры для помощи в погрузке.

Мы с товарищами тоже включились в работу. Со многими я учился в одной школе, и поэтому у нас было много тем для разговоров. Конечно, первые вопросы касались новостей на фронте. Затем пошли расспросы: а как у вас? Я интересовался, что нового у них в городе. Они с энтузиазмом рассказали, что город похож на цыганский табор, по нему проходят из приграничных сёл и деревень сотни беженцев, спасающихся от войны. С собой они ведут в тыл свой домашний скот. В городе также полно ортодоксальных евреев – все в чёрных с большими полями шляпах, и у всех мужчин, даже у маленьких мальчиков, длинные, такие смешные пейсы. Дворники ругаются, все дворы и тротуары загажены скотом и не только им. Ребята также рассказали, что они собирают по городским газонам много яиц, которые оставила там домашняя птица беженцев. Так я впервые узнал, что означает на самом деле слово «беженец».

В этот день произошло ещё одно событие. Во время нашего оживлённого обмена новостями все услышали звук колоколов. Кто-то выглянул из окна и радостно прокричал: «Ура, мы не одни, наконец-то они вступили в войну!» Я вначале ничего не понял. Люди вокруг вдруг стали обниматься, целоваться, поздравлять друг друга с победой: это Англия и Франция объявили войну Германии.

Вечером забежал домой отец. Он выглядел усталым: в части было много работы. Из обрывков их разговоров с матерью я понял, что на фронте дела идут не очень хорошо для нашей армии. Нет, не для нашей армии «Познань», а в целом для всего Войска Польского. Наша «Великопольская» кавалерийская бригада совершила даже несколько рейдов на территорию Германии. Взяла пленных и захватила большие трофеи, но это только на одном участке фронта, а на других – везде отступление. Перед уходом отец дал понять, что, может быть, будет отдан приказ на эвакуацию, семьи военнослужащих тоже будут отправлены на восток, в глубь Польши.

Через день после обеда дома снова появился мой отец, он был в полевой форме: «Времени мало, дан приказ на отход. Мы уходим». Он сказал, что нас с матерью посадят в один из военных грузовиков, о чём с начальником колонны имеется договорённость. У отца опять не осталось времени для нас, прощание было коротким.

Он ушёл, мы остались вдвоём. Стали вспоминать, всё ли положили в чемоданы и рюкзаки. Окно в нашей квартире было открыто, и мы слышали голос с улицы. Водитель звал нас, автомобильный клаксон у него не работал. Мы вышли с вещами во двор. Нас ждал старенький, выдавший виды полуторатонный грузовичок с молодым солдатиком-шофёром. В кузове лежали ящики от снарядов и ещё две бочки. Мать села в кабину, я забрался в кузов. На мой вопрос, что в ящиках, солдат ответил: «Военная тайна». Старший колонны проверил готовность машин к отправке и дал команду: «Вперёд!» Грузовики выезжа-

ли по очереди из ворот военного городка. Никто тогда не мог предположить, что больше они никогда не вернутся сюда, в свои казармы.

Машины ехали быстро, дорога была свободна. В Познань въехали под вечер, переехали через мост, оказались на другом берегу Варты. Когда стало темнеть, выехали из города. Проехав с десятков километров, наша машина заглохла. Грузовик замыкал колонну. Водитель пытался световыми сигналами фар остановить едущую впереди машину, но сигнал оказался слабым, и мы остались одни ночью на дороге. Нам ничего не оставалось, как лечь спать. Я и солдат приготовили себе место в кузове, отодвинув ящики. У него был брезент, в который мы завернулись. Перед тем как уснуть, я поинтересовался насчёт диких зверей. Водитель иронично заметил, что сейчас нужно бояться «зверей на двух ногах». Помолчав, добавил, что война согнала тех, кто на четырёх ногах, с насиженных мест, они сейчас ушли очень далеко. Этот его успокаивающий рассказ помог мне в дальнейшем. Мать спала в кабине.

Утром боец попробовал починить машину. Он оказался классным механиком. Поколдовав пару часов над двигателем, наконец он устал распрямылся. Грузовичок чихнул несколько раз, и мотор завёлся. Сборы были мгновенными, и мы продолжили свой путь в одиночестве.

Через час впереди на шоссе показались телеги и повозки бегущих от войны людей. Вскоре наша машина нагнала их. Скорость упала, мы ползли словно черепаха. Наши попутчики из любопытства заглядывали к нам в кузов. Кто-то из людей подпрыгивал, желая рассмотреть, что мы везём в кузове, некоторые пытались влезть в него. Я сидел в углу, ближе к кабине. Водитель остановил грузовик. Открыл дверь кабины, встал на подножку. Он отдал мне свою каску и штык-нож: «Надень каску, пригнись, чтобы тебя не видели. Пускай думают, что здесь солдат. Мы везём с собой две бочки бензина. Если что, бей штыком!» Я почувствовал себя настоящим часовым на посту и готовился защищать всеми силами и средствами доверенное мне военное имущество. Движение остановилось совсем.

Впереди был мост, а на мосту затор. Охрана, которая должна была регулировать движение, ничего не могла сделать. Перед мостом и на самом мосту заглохли два грузовика, образовалась огромная пробка. Ко всему прочему сломалось несколько телег у беженцев. Полицейские, из которых и состояла охрана, честно пытались устранить пробку, но у них ничего не получалось.

Остановка оказалась длительной. Я услышал крики: «Уланы, уланы едут!» Выглянув из-за борта, увидел, что к нам направляется эскадрон уланов. Видимо, старший из охраны моста стал пробираться сквозь толпу к кавалеристам. Подойдя, он стал что-то лихорадочно объяснять им. Командир уланов оценил обстановку и решительно стал действовать. Нельзя было терять ни секунды. В любое время могли появиться самолёты врага, и тогда все, кто попал в эту западню, наверняка остались бы здесь навсегда. Два или три кавалериста открыли огонь из ручных пулемётов поверх голов идущих к мосту людей. Одновременно с огнём пулемётчиков два взвода уланов взяли пики на изготовку и направили своих коней на толпу. Начались паника, давка. Люди отхлынули от дороги. Кавалеристы очистили про-

странство перед мостом от беженцев. Затем часть кавалеристов спешилась и начала помогать полицейским освобождать дорогу от техники, телег, пожитков беженцев.

Путь был свободен. Сначала прошли уланы. Затем охрана стала определять, кого пропускать через мост. Наконец очередь дошла и до нас, и мы переехали на другую сторону.

Так наступил второй и ещё не последний вечер нашего отступления. Мы решили, что нужно искать место для ночлега. Нам с водителем снова ночевать в кузове, а матери в кабине – не очень хотелось. На нашем пути лежал небольшой городок. Когда мы подъехали к полицейскому участку, моя мать решила попросить там место для ночлега. Один из полицейских решил нас выручить, он написал записку и дал нам свой домашний адрес. Приехав на место, мы сразу попросили показать нам места, где мы можем лечь спать. Ужинать не стали, хотя хозяева и предложили. Утром после завтрака, уже перед самым отъездом мы услышали отголоски далёкой канонады. Я впервые слышал голос войны. Нужно было торопиться, война нагоняла нас...

Сколько времени мы ехали и сколько километров, я не помню. На каком-то перекрёстке нашу машину остановил жандармский патруль. Старший патруля проверил у нас у всех, в том числе и у меня, документы. Затем он распорядился, чтобы «гражданские покинули военный объект». Мы с матерью остались без транспорта. Водителю грузовика он приказал следовать на сборный пункт, посадив для верности в кабину одного из своих людей. Позже я узнал, что командующий армией «Познань» генерал Кутшеба собирал разрозненные войска в мощный кулак. Вскоре он нанёс свой знаменитый удар на реке Бзуре. Я не знал и не мог знать, почему нашей машине не разрешили продолжить путь по своему маршруту в сторону Львова. У нас было по чемодану и по рюкзаку. Вынужденные нести этот багаж в руках и очень усталые, мы решили избавиться от ненужных нам вещей. Сделать это оказалось нелегко: всё казалось нужным. Однако голый рационализм победил: вещи уместились в один чемодан, рюкзаки тоже стали легче. Отец когда-то подарил мне отличный швейцарский складной нож. С его помощью я срезал молодое длинное дерево. Обрезал ветки, получилась палка, её проткнул через ручку чемодана. Мы были с матерью примерно одного роста. Подняли и положили эту палку с ношей каждый себе на плечо. Так и пошли, неся чемодан. Идти стало легче.

И снова на дороге образовался затор. Впереди на шоссе была огромная яма – воронка от авиабомбы, по её краям лежали мёртвые лошади. Люди обходили это препятствие с обеих сторон, перебираясь через придорожные канавы, стремясь как можно быстрее покинуть прифронтовую зону. Отойдя подальше от мёртвых животных, мы остановились, решили передохнуть, сняли свою ношу с плеч. Я стал осматривать местность, которая окружала нас. Повсюду, куда бы ни устремлялся мой взор, были бескрайние голые поля. Ещё недавно на них колосились хлеба. А теперь они сиротливо простирались на все стороны горизонта. Пришла на землю осень, а вместе с ней и самая кровавая, самая беспощадная война.

Мои раздумья прервал шум авиационных двигателей. Я взглянул вверх и увидел, что ко мне стремительно приближается самолёт. Ещё мгновение – и вокруг меня прогремели взрывы бомб, воздух разорвали очереди авиационных пулемётов. Ошеломлённый, я продолжал стоять, скованный страхом, переживая ужас первой своей бомбёжки. Отовсюду слышались крики, плач, мольбы о помощи. Самолёты делали своё кровавое дело.

Вдруг какая-то неведомая мне сила заставила меня сдвинуться с места и побежать. Далеко убежать мне не удалось. Взрывная волна от упавшей неподалёку вражеской бомбы сбила меня с ног, и я упал. Сознание я не терял. Лёжа на земле, я весь сжался в комок, голову закрыл руками. Мне казалось, что я кричу от страха, но своего крика я не слышал. Сколько я так пролежал, не помню. Придя в себя, я привстал, посмотрел вокруг. Взглядом я искал мать. Её рядом не было, только горела, как мне тогда показалось, в некоторых местах земля. Мне стало страшно, я весь дрожал. Позже я узнал, что это горели куски тола, попавшие в землю при разрыве бомб. Превозмогая страх, я стал искать то место, где мы отдыхали перед бомбёжкой. Чуть погодя я нашёл его. Моей матери там не было. До самой ночи я ходил по полю и, срывая голос, звал её. Её нигде не было. Уставший, я набрёл на стог сена, стоящий в поле. Забравшись в него, я сразу же крепко заснул.

Сквозь сон я услышал разговор и открыл глаза. Через сухую траву, которая полностью закрывала меня, я увидел рядом со стогом, в котором провёл ночь, солдат в немецкой форме. Это были крепкие ребята, наверное, совсем недавно окончившие гимназию. Они вели себя как болельщики на стадионе. Некоторые из них подпрыгивали, пытаясь что-то лучше рассмотреть, другие что-то кричали, хлопали в ладоши. Один досадливо пытался что-то объяснить стоящему рядом пехотинцу. За группой немцев чуть в стороне стоял большой грузовик с закамуфлированным брезентовым тентом, слева от него – танк с двумя пулемётами. На бортах его башни красовались огромные белые кресты.

Я осторожно повернул голову в ту сторону, куда с таким восторгом смотрели захватчики. Там по ровному полю, в направлении виднеющегося перелеска, стремясь скрыться, раствориться в нём, спотыкаясь, наскокая друг на друга, бежала небольшая группа польских солдат. Видимо, немцы застали их спящими. Оружие было не у всех, а может, они его бросили. За поляками вслед мчались три немецких танка, вооружённые пулемётами, и с такими же белыми крестами на броне, как у того, который стоял рядом со мной. Один из убежавших вдруг свернул в сторону от остальных. Он стал петлять, словно заяц. Шинели на нём не было, мундир не был подпоясан ремнём. Только прямоугольная матерчатая противогазная сумка под цвет мундира одиноко висела на боку. Боец пытался за лямку повернуть её к себе на живот. Как только он отделился от основной группы своих товарищей, за ним погнался танк, а два других продолжали преследовать остальных, стреляя по убежавшим из пулемётов на ходу. Одиному бойцу удалось повернуть сумку на живот. Он на бегу расстегнул её и вытащил бутылку. Я увидел, что из горлышка бутылки пошёл

тоненький дымок. Солдат развернулся в пол-оборота и швырнул бутылку в танк. Солдат еле устоял на ногах, он согнулся и в таком положении побежал дальше. Бутылка разбилась о броню. Машину тут же охватило пламя, несмотря на это, она продолжала движение. Проехав метров двадцать, танк остановился. Из всех его щелей шёл чёрный дым. Немецкие пехотинцы застыли в изумлении. Танк, стоящий в резерве, сорвался с места. Очень быстро он настиг беглеца, бросившего бутылку. Бронёй он сбил солдата. Я услышал громкий крик, на мгновение заглушивший трескотню мотора. Танк проехал немного вперёд, остановился, развернулся и, не знаю для чего, ещё раз проехал по мёртвому телу. Немцы побежали к грузовику, быстро залезли в фургон и уехали вслед за своими танками.

Я, весь в слезах, выскочил из своего укрытия и побежал прочь от места этой трагедии. Вскоре я достиг леса. Я бежал, не разбирая дороги, ветки деревьев хлестали меня по лицу, залитому слезами. Впервые на моих глазах так жестоко погибли люди. Сосновые иголки больно стегали по глазам, но я не обращал на это никакого внимания. Наконец силы стали покидать меня, и я остановился. Я упал на траву, закрыл глаза и всё это увидел снова. Привстал и, согнувшись, побежал дальше. Остановился у узкой лесной речки. Упав на её берег, я стал жадно пить воду, не переставая рыдать. Я всё никак не мог прийти в себя. Утолив жажду, я пошёл прямо в воду, мне было безразлично, куда идти. Я ещё не пришёл в себя от этого потрясения. Так я, голодный, проходил несколько дней. Есть я не мог, пил только воду где придётся, специально шёл туда, где был непроходимый лес. Осень стояла очень тёплая. Помнится, раньше говорили, что, когда у человека сильное потрясение, его простуда не берёт. Не знаю, у меня всё обошлось. Я не заболел.

Я не считал, сколько прошло времени, но вышел на какое-то шоссе и пошёл по нему. К вечеру я набрёл на повреждённую полевую кухню. Около кухни лежала убитая лошадь, возницы нигде не было видно. Колесо одно валялось поодаль, и поэтому кухня наклонилась на один бок. Её корпус был весь в дырках от пуль. Я залез наверх и открыл крышку термоса. В том отделении был суп, вернее, то, что от него осталась. Жидкость вылилась сквозь пулевые отверстия, а гуща осталась, сместившись на один бок. Я почувствовал приступ голода и решил попробовать этой еды. Набрав руками немного оставшегося супа, я, как животное, начал его есть. Утолив голод, я осмотрелся: к корпусу был прикреплен половник. Набрав его полный, я уже с аппетитом продолжил трапезу. Стемнело быстро, и я начал искать место для ночлега. Недалеко в придорожной канаве была брошена сломанная телега. В ней я нашёл какие-то старые лохмотья и, завернувшись в них, заснул.

Утро следующего дня выдалось хмурое, но дождя не было. Высувшись из своей постели, я увидел около кухни наших польских солдат. Слегка протёр глаза и пошёл к ним. Вдруг словно из-под земли передо мной вырос немец с направленной в мою сторону винтовкой. Он что-то сказал мне и прицелился. Один из поляков крикнул, чтобы я остановился на месте и поднял руки. Я всё исполнил. Немец подошёл ко мне, повесил свою винтовку на плечо и стал обыскивать меня.

Он похлопывал меня своими руками по туловищу, затем ощупал рукава пиджака, тем же манером исследовал брюки. Затем резко развернул меня к себе спиной и дал мне пинок ногой. Я не ожидал такого поворота событий. Когда он меня обыскивал, я стоял и трясся от страха. От его пинка я упал прямо посередине дороги. Фашист что-то стал мне говорить, я не понимал. Опять один из наших пленных перевёл мне его слова. Я услышал, что если хочу жить, то должен убираться отсюда как можно быстрее. Вскочив на ноги, я попробовал бежать, у меня не получалось – при падении я повредил ногу. Придерживая больную ногу рукой, вприпрыжку я кое-как покинул это опасное место.

Дни и ночи летели стремительно. Голод снова заставил меня искать встречи с людьми. Выйдя на край поля, увидел вдалеке дома, над ними возвышался построенный из тёмно-красного кирпича старый костёл. Погода стояла отличная. Солнце своими лучами ласкало моё лицо. Я, уже наученный горьким опытом, шёл не прямо по улицам этого села, а пробирался огородами. Мой путь лежал к костёлу в надежде найти там еду и кров.

Я уже было хотел перескочить плетень, как раздалась очередь из пулемёта. Стреляли из польского оружия, это я сразу понял. Я был харцером, и нас водили на полигон, кроме того, отец в своё время брал меня несколько раз на стрельбы. Пулемёт стрелял с колокольни по немецкой пехотной колонне. Захватчики шли по улице, которая вела прямо к костёлу. Их этот обстрел застал врасплох. Немецкие солдаты залегли здесь же, прямо на дороге, и лежали, сжавшись в комок, боясь пошевелиться, движением привлечь к себе внимание пулемётчика. Огонь прекращался лишь на секунды, когда нужно было поменять пустой магазин на полный.

Я услышал за своей спиной звук, напоминающий хлопки. Это стреляли миномёты. Вокруг костёла стали взрываться миномётные мины. Немцы вызвали подкрепление на помощь своим солдатам, попавшим в засаду. Со свистом проносились вражеские мины мимо меня, разрываясь во дворе костёла. За домами послышался мощный шум, лязг гусениц. Мой отец был танкистом, поэтому я без труда мог разобрать, что это движется танк. Раздался выстрел танковой пушки. Первый снаряд пролетел мимо. Фашистам потребовалось около десятка снарядов, чтобы подавить пулемётную точку. Один из них попал на площадку, где лежали пулемётчики. От его осколков и взрывной волны колокол издал прощальный звон, прозвучавший как реквием погибшему польскому солдату или солдатам. Я не знаю, сколько их там было...

Немцы, словно пауки, стали расползаться по селу. Они искали польских солдат. Я присел и смотрел сквозь плетёный забор. Оккупанты вытащили из придорожных кустов нескольких мужчин. Они были одеты в тёмные заношенные пиджаки и в такие же рабочие брюки, на голове имелись кепки. Это были крестьяне. Следом за ними вывели двух солдат. Солдаты были пожилые, на голове у них не было «квадраток», мундиры были без ремней. Наверное, поймали ездовых из обоза. Немцы тут же принялись избивать их, вымещая на этих стариках свой страх, который они пережили, лёжа на дороге. Я слышал

только стоны истязаемых людей, крики и ругательства их палачей. Тарахтя, к толпе озверелых захватчиков подъехал мотоцикл с коляской. На коляске был установлен пулемёт. Пулемётчик что-то стал кричать и жестикулировать одной рукой. Нехотя фашисты подчинились его требованиям. Он прицелился и короткими очередями стал расстреливать несчастных, зверски избитых стариков. Я как заворожённый смотрел на эту казнь. После учинённой расправы немцы в селе не задержались. Я тоже решил побыстрее покинуть это страшное место.

Направление своего маршрута я пытался определять утром, во время восхода солнца, держась немного правее от поднимающегося диска. Конечно, это у меня не всегда получалось: то я просыпал восход, то тучи закрывали солнце. Я брёл почти наугад. Мои глаза освоили ночную темень, я научился ориентироваться в сентябрьских ночах, словно крот. Питаясь тем, что пошлёт природа, я здорово голодал. Нужно было что-то предпринимать. Вскоре я догадался искать съестное в брошенных вещах, в разбитых обозах, которые той осенью были почти что на всех польских дорогах, ведущих на восток. Однако это нужно было делать осторожно.

В те времена там бродило очень много всякой разношёрстной публики. Однажды под вечер из-за кустов я видел, как какие-то люди лазили по карманам мёртвых, открывали им рты, некоторых даже раздевали. Скорее всего, мародёры искали деньги, драгоценности. Мне нужна была только еда. Я не подходил туда, где смерть уже наложила на погибших свой зловещий отпечаток: где плоть начала разлагаться, где стоял зловонный запах. В одном из разбомблённых гражданских обозов я нашёл зимнее пальто своего размера, в другом – тёплые ботинки. Днём стояла тёплая погода, но ночи становились холодными. Я связал шнурки ботинок вместе и повесил их через плечо. Надел пальто и в таком виде продолжал свой поход. У меня не было больших запасов еды, всё помещалось в карманах верхней одежды. Я потерял счёт дням. Для меня не важно было, какое сегодня число, какой день недели. Я знал, что когда рассветало, то нужно было идти; когда темнело, нужно было искать место для сна...

В направлении, которым я шёл, всё чаще стали встречаться поля с маленькими перелесками. Мне попались на глаза две речные цапли. Солнце стояло высоко в небе. Издали я рассмотрел, как с разных сторон приблизительно в одно место подходили, подъезжали кто на чём люди. Подойдя ближе, я понял, что это был берег реки. В том месте, куда стекались люди, должен был быть деревянный мост. Он был, но от него остались только сваи, торчащие из воды. Это всё, что оставили от переправы фашистские бомбы. У входа на мост стоял указатель с названием реки. Я прочитал. Это была Висла. Весь её берег в этом месте был занят отходящей армией, спасающимися от гитлеровцев беженцами. С пригорка я увидел, что по другую сторону моста в воде стоит пустая армейская машина с прицепленным орудием. Рядом с ней расчёта не было. Беженцы и отступающие войска переходили Вислу вброд.

На моих глазах в реку стал вползать разведывательный танк, а точнее, танкетка. В той части, где служил мой отец, были такие. Она медленно ползла к противоположному берегу. Вдруг танк перестал двигаться вперёд, хотя двигатель у него работал, вокруг брони забурлила вода. Танк стоял на месте, не двигаясь ни вперёд, ни назад. Открылся люк, на башню вылез танкист и стал жестами просить помощи у своих однополчан, оставшихся на берегу. Ему на помощь поехала другая машина. Она быстро стала приближаться к забуксовавшей танкетке. Не доехав два корпуса, вторая танкетка встала намертво в речном иле. Тогда из первой, стоящей посередине реки машины вылез танкист и виновато пожал плечами. Экипаж оставшейся на суше третьей танкетки стал обходить водителей автотранспорта, пытаясь найти тросы, чтобы с их помощью вытащить машины, оказавшиеся в речном плену. Тут же стояло скорострельное зенитное орудие, прицепленное к тягачу. Зенитчики бурно обсуждали, что делать дальше.

Вдруг я услышал знакомый шум, который стремительно нарастал с высоты. Я испугался, упал на землю. Тишину этого ласкового, солнечного дня разорвали раскатистые глухие взрывы немецких фугасов, панические крики людей, ржание обезумевших крестьянских лошадей. Моё тело непроизвольно вздрагивало от разрывов. Лётчики сбросили свой груз на стоящие в воде танки. Самолёты ушли на второй заход. В это время водитель тягача заскочил в кабину, завёл двигатель и хотел увести машину с пушкой в другое место. Тем временем расчёт занял свои места и открыл огонь по возвращающимся самолётам. Фашисты резко поменяли цель, сбросив бомбы на зенитку. После налёта я увидел, что весь берег изрыт небольшими ямами. Это были следы от немецких бомб, повсюду лежали изувеченные тела людей и животных. Корчились от боли раненые. На месте тягача с пушкой валялись куски покорёженного железа...

И всё же нужно было переправляться. Я пошёл в воду. Вода была мне по грудь. К одной из свай прибило тело танкиста. Изуродованные танки сиротливо стояли в воде. На другом берегу через кусты ивы я увидел, как наши солдаты приводили себя в порядок после переправы. Они уже заканчивали отжимать свою форму. Командир торопил их. Я увидел, как один боец среднего возраста свою мокрую одежду обматывал вокруг тела. На него непонимающе смотрел другой солдат. По виду совсем мальчик. Из их реплик я понял, что так делали ещё на «Великой войне». На ходу солдаты надевали влажное обмундирование. Подразделение спешило на восток...

Выйдя из кустов, я тоже стал выжимать свои вещи. Пальто было очень тяжёлое от воды, я его никак не мог отжать, и мне пришлось бросить его. На месте привала бойцов я стал находить много военного снаряжения. Наверно, здесь останавливалась не одна часть. Я подобрал много, как мне казалось, нужных вещей. Я подпоясался ремнём, на котором имелся патронташ, через плечо перекинул противогаз. Каску брать не стал, она надоела мне ещё в кузове на второй день эвакуации. Нашёл штык-нож и засунул его спереди за ремень. Получился как бы маленький меч. Я остался очень доволен собой и в таком виде продолжил путь.

За Вислой я шёл по шоссе, надеясь, что тут немцев нет и меня никто не обидит. Ничего в моём быте не изменилось, всё было по-старому. Я всё делал для себя сам. Никто не хотел брать на себя заботу обо мне. На одном из перекрёстков был полицейский пост. Полицейский, увидев меня, позвал к себе. Он проверил у меня документы. Свидетельство о рождении мать отдала мне. Заставил всё моё снаряжение снять и оставить у них, объяснив, что меня могут какие-нибудь горячие головы принять за диверсанта. Это было бы ещё хорошо. А если меня в таком виде увидят немцы и примут за партизана, то поступят по законам военного времени. Тогда я очень обиделся на этого человека и решил снова продолжить дорогу подальше от посторонних глаз.

Время неумолимо двигалось вперёд, природа постепенно менялась. Равнина переходила в возвышенности, стали преобладать хвойные деревья. Я оказался в предгорье Карпат. Кое-где лес не полностью покрывал высоты. Плешины, на которых не было деревьев, старательно были обработаны к предстоящей зиме заботливыми руками живущих здесь людей. Идти в этой местности я мог только по дорогам. Напрямки через горы у меня не получилось. В горах оказалось много естественных препятствий: мелких горных речек, ручейков, зарослей терновника, ежевики, старых поваленных деревьев, — преодолевая которые, я потерял очень много сил и времени. Перейдя перевал, весь покрытый вековыми елями, я увидел нагорье, превращённое крестьянами в аккуратные поля. На ровных наделах шла неторопливая сельская жизнь. Люди занимались своим нелёгким трудом. Это напомнило мне довоенное время, придало мне силы.

Ещё проходя пыльными, песчаными, усыпанными мелкими камешками горными дорогами, я видел внизу, в долине, сёла, растянувшиеся вдоль быстрых шумных рек. Вся моя радость и беззаботность мгновенно улетучились, когда я увидел солдат. К шапкам у некоторых из них были прикреплены орлиные перья. Это были польские «Стрелки Подхаланские». Они строили оборонительные позиции.

Меня по-прежнему мучил голод, и я решил попросить у них еды. Обойдя работающих солдат стороной, я присел на маленький холмик. Рядом был овраг. На дне оврага сидели несколько военных. Это были телефонисты, которые кого-то всё время вызывали, и два офицера. Они не видели меня, занятые своим делом. Тишину разорвал уже почти забытый шум авиационных моторов. Он не вызвал ни у кого тревоги: это шли польские самолёты, первые польские машины, которые я увидел с начала войны. Три «Карася», как в народе называли лёгкие одномоторные бомбардировщики, тяжело прорывались навстречу ветру. Кто-то из находившихся в овраге, заметив, как они медленно летят, произнёс: «На бомбёжку загрузились». С земли им махали шапками, смотрели вслед.

Внезапно со стороны солнца показался самолёт. Шасси у него не торчали, как у наших машин, а были убраны. Неизвестный самолёт подлетел очень близко к нашим машинам, а затем вдруг резко дёрнулся в сторону, словно неожиданно обжжённый человек. Потом все увидели, как он снова подлетел снизу к одному из летевших с краю самолётов. У нашего «Карася» показался дымок из нижней части

фюзеляжа: польский самолёт нехотя пошёл к земле. Раздался взрыв, на месте падения образовалось дымное облако в виде гриба. Оно очень быстро растворилось в воздухе. Немец подлетел сбоку к оставшимся двум машинам. Польские лётчики ничего не могли сделать на своих тихоходных аэропланах. Немецкий истребитель превосходил их во всём. Им оставалось надеяться на чудо. Чуда не произошло. От вражеского самолёта отделились маленькие красные огоньки, трассировавшие в сторону борта ближнего бомбардировщика. Самолёт загорелся и взорвался в воздухе. Фашист решил поиграть с оставшимся экипажем. Чуть в стороне он начал делать фигуры высшего пилотажа. Скорее всего, это был опытный ас. Ему было скучно сбивать эти самолёты. Тем временем прямо по курсу польской машины показалось несколько «мессершмиттов», и немецкие стрелки открыли огонь по поляку. Польский самолёт был сбит. «Мессеры» ушли выполнять новую задачу, записав на свой счёт ещё одну победу над поверженной польской машиной. Ас сделал прощальный круг и улетел.

В овраге все молчали. Тишину нарушил один из офицеров. Он сокрушался, с горечью вопрошая, для чего они тут сидят: справа соседей нет, слева пусто, связи ни с кем нет. Чего здесь высиживать? Все заговорили разом. Внезапно они прекратили спорить: телефонист заметил меня. Офицер рукой дал знак, чтобы я подошёл. Задал вопрос: откуда я здесь? Я признался, что не ел много дней. Поручик что-то сказал одному из телефонистов, и боец куда-то ушёл. Офицеры продолжили свой спор, уже не обращая на меня внимания. Боец пришёл не один, а вместе с усатым сержантом. Сержант принёс сумку, такую же, как у солдата, поджёгшего танк. Офицер посмотрел, что в ней, и отдал её мне. При этом, заметно нервничая, сказал, чтобы я как можно быстрее уходил с этой позиции. Его слова звучали примерно так: «Если хочешь жить, то беги отсюда что есть мочи!»

Мне не нужно было повторять два раза. Конечно, было немного обидно, что они торопили меня, но позже я понял: таким образом они хотели меня спасти. Пробежав столько, насколько хватило моих слабых сил, я сделал привал. У меня была сумка, а что в ней, я не знал. Любопытство сжигало меня. Я открыл подарок. Там был настоящий клад. Сержант не поспешил и дал мне продуктов с лихвой. Теперь мне не придётся лазить среди трупов и искать еду. Утолив голод, я пошёл дальше по дороге.

Солнце клонилось к закату. Я уже стал подумывать о сытном ужине и ночлеге, как вновь услышал отголоски канонады. Она раздавалась с той стороны, в которой остались «Стрелки Подхаланские», значит, они не ушли, остались, чтобы принять бой, чтобы выполнить свой воинский долг до конца...

Ни о каком ужине и ночлеге не было больше и речи. Я старался как можно быстрее уйти подальше от этой канонады. Я очень устал, проходя пешком весьма значительные расстояния. Спустя какое-то время я увидел пустую длинную телегу с запряжённой в неё парой коней. Рядом с телегой шли мужчина и женщина. Подойдя к ним, я спросил о дороге на Львов. Они поинтересовались, зачем это мне. Я ответил, что мой отец – танкист, и их часть эвакуируется в район

Львова. Мужчина, помолчав, сказал, что он видел, как вчера туда – и показал рукой в сторону – повезли несколько маленьких танков на трейлерах. «Может, тебе лучше идти за ними?» – продолжил он. Я спросил: «А что находится в той стороне»? Он ответил: «Венгрия. Но до неё ещё далеко».

И снова мне пришлось идти пешком. Как-то под вечер, когда стало смеркаться, я вышел к деревянному подвесному мосту, натянутому через широкую горную речку. Указателя с названием этой реки не было. На противоположном берегу я увидел шалаш, у которого горел костёр и стояли вооружённые люди в гражданской одежде. Один из людей, охранявших мост, пошёл в мою сторону. В одной руке у него была керосиновая лампа, в другой – винтовка. Я направился к ним по качающемуся мосту. Идти мне было страшно, я больше боялся раскачивающегося моста, чем человека, идущего мне навстречу. Не доходя до меня, он что-то сказал на незнакомом мне языке. Из всего сказанного я понял, что мне лучше остановиться. Он подошёл ближе, у него на рукаве я увидел повязку. Повязка состояла из двух цветов: голубого и жёлтого. Он снова задал вопрос, теперь уже по-польски. Я сказал, кто я такой, но не признался, что ищу часть отца. Сказал, что бегу от войны в Венгрию. Затем караульный снова на польском сказал, чтобы я шёл назад к себе домой, что это – украинская земля и мне нечего тут делать. Во время разговора к нам подошёл ещё один охранник. Разговаривавший со мной отдал ему лампу и подошёл ко мне. Повесив винтовку на грудь, он взял меня за плечи. Я подумал, что он хочет сбросить меня с моста, присел и закричал. Охранник «страшно» усмехнулся, резко развернул меня к себе спиной и больно ударил сапогом в спину. При этом сказал: «Пшёл!» Я отлетел вперёд, упал на мост и остался лежать там. Мужчина крикнул, чтобы я как можно быстрее скрылся с его глаз. И для большей убедительности выстрелил из винтовки. Я вскочил и, пригнувшись, побежал подальше от них. Страх пропал сам собой. Я побежал вдоль русла горной реки, с трудом соображая, что произошло. Главное для меня было не потерять сумку с едой. Бежать я долго не мог, сумка всё ещё оставалась слишком тяжёлой для меня: продукты я экономил.

Перейдя на шаг, я начал думать, куда я попал. В какое государство? Из географии я немного знал, что там, где пролегал мой путь, живут «гуцулы». Территория эта называется Галиция. Восточная Галиция. Про Украину я знал мало. Это, я думал, там, где живут «москали». Неужто я зашёл в Советский Союз? Я очень испугался и не понимал, как это могло случиться. Идти я решил вдоль реки. Русло меняло направление – то оно поворачивало, то начинало петлять. Идти было неудобно, и я решился перейти эту водную преграду. Течение было быстрое, вода холодная, всё дно было усеяно камнями разных размеров. Вода меня сносила в сторону, не давая выйти на другой берег. Самое главное для меня в этот момент было не упасть в воду и не потерять сумку. Постепенно, шаг за шагом мне удалось преодолеть этот поток. На прибрежной отмели я стал собирать дрова, чтобы разжечь костёр и высушить своё бельё. Спички мне дали стрелки вместе с едой, предусмотрительно положив

в сумку котелок и ложку. Дрова я собрал быстро, костёр получился на славу, пригодились харцерские навыки. Плотнo поев каши, я уснул.

Проснувшись, при свете большой ярко-оранжевой луны я выбрался на тропинку и с радостным чувством бодрости, сытости и того, что остался в живых, зашагал по ней. Тропинка к утру привела меня к наезженному шоссе.

После полудня я стал чувствовать усталость. У шоссе я увидел брошенные пустые ящики от снарядов. Снаряды, наверно, были больших калибров. Оттащив ящики подальше в лес, я сделал что-то вроде кровати, сверху накидав разного хлама из тряпья, который подобрал там же, чтобы было мягче.

Теперь я шёл ночами. Хорошо, что луна светила своим холодным светом, указывая мне дорогу. Как-то, идя ночью дорогой среди гор, я увидел на одной вершине большое распятие. Радости моей не было предела: я понял, что я в Польше. Дорога привела меня к какому-то городу. Проходя по затемнённым улицам этого городка, я увидел там много военных машин, но танков я не видел. Грузовики стояли около ратуши, занимая всю рыночную площадь. Я решил попросить у солдат еды впрок. Когда я приблизился к машинам, неизвестно откуда появился часовой. Дальше проход был запрещён. Он остановил меня уставным окликом: «Стой, кто идёт?» Я подчинился и встал. В ответ на расспросы я стал жалобным голосом просить у часового еды. Подошли другие солдаты. И тут я услышал, что кто-то позвал меня по имени. Я обернулся – рядом стоял мой отец. Мы бросились друг к другу, обнялись и долго стояли так. Затем отец спросил про маму. На глазах у нас у обоих были слёзы. Я рассказал ему, что мы потерялись во время бомбёжки. Он снова обнял меня, и так, тесно прижавшись друг к другу, мы и пошли.

Отец привёл меня на место своей ночёвки. Это был одноэтажный прямоугольный домик. Узкая его часть выходила на улицу, остальная часть дома располагалась во дворе. Хозяйкой оказалась приветливая женщина, на вид немного старше моей матери. Отец попросил её нагреть побольше воды. Я не мылся в бане с самого начала войны. Пока грелась вода, меня накормили, потом пошли расспросы, как я сюда дошёл. Я не хотел расстраивать отца и сказал, что меня довели отступающие войска. Я вымылся с мылом. Вода была тёплая, и меня очень быстро разморило, и я заснул. Впервые за много дней – на мягкой кровати, раздетый, на чистом постельном белье.

Утром следующего дня отец принёс мне новую одежду, новую обувь. «Эти лохмотья, – он показал на то, что я носил, – нужно выкинуть». За время моего пути я сильно пообносился, в некоторых местах моя одежда была порвана. После завтрака я заметил, что отец чем-то озабочен: с трудом выдавливал из себя слова, через силу старается быть весёлым. Затем он начал неприятный для него разговор. Говорил о воинском долге, о чести польского солдата, о том, что неоднократно на протяжении длительной истории польская армия вынуждена была покидать границы своего государства, чтобы за пределами родины продолжать борьбу. Он говорил долго. Я понял, что они уходят в Венгрию, оттуда – во Францию. Взять меня с собой он

не может. Отец договорился с квартирной хозяйкой, чтобы я пожил у неё. Когда положение нормализуется, то я вернусь домой. Он дал мне денег на обратную дорогу, на всякие расходы. «Ты уже взрослый, настоящий мужчина», – сказал он и не захотел, чтобы я пошёл провожать его. Поцеловал меня и ушёл...

На следующий день за окном послышалось тарыхтение мотоциклов: в город въехали немцы. Хозяйка попросила меня сидеть дома и никуда не выходить. Ночью я проснулся от пулемётных выстрелов – где-то на улице стреляли, затем раздались взрывы гранат, до нас дошёл запах дыма – что-то где-то горело. Под утро стрельба стихла. Днём снова был слышен шум мотоциклов и другой военной техники. В обед к хозяйке зашёл сосед. От него мы узнали, что фашисты из города уехали, что в городе нет никаких войск, нет никакой власти. Люди стали ждать завтрашний день, гадая, что он принесёт. На рассвете я услышал, как за окном по мостовой стучат копыта десятков коней – в город вошли части Красной Армии.

Вечером в хату, где я жил, заскочили несколько красноармейцев. Двое из них завезли пулемёт, к станку которого были приделаны металлические колёсики. В большой комнате висел под стеклом портрет маршала Пилсудского. Советские солдаты сорвали изображение вождя со стены и стали его топтать. Разбили прикладами стекло и портретную рамку. За этим занятием их застал командир. Он что-то крикнул. Солдаты бросили «расправу над Пилсудским» и покинули наш дом.

Так прошло несколько дней, «москали», как их все называли, никуда из городка не ушли. Моя хозяйка уговорила меня собраться и отправиться домой. «Пока неразбериха, может, повезёт, и дойдёшь до дому!» Она была права, так как немного позднее немцы и большевики поставили патрули на линии раздела. И если бы они поймали меня, то отправили куда-нибудь в Сибирь валить лес...

Купив еды в дорогу, я собрался в путь. Шёл я домой. Сосед квартирной хозяйки посоветовал мне идти только днём по дорогам и не прятаться по лесам: «Варшава сдалась, кампания закончена, оккупанты не будут приставать к детям». Я попрощался с людьми, давшими мне приют в это страшное время, и ушёл, соблюдая все меры предосторожности.

Без приключений я перешёл «зелёную границу». Оказавшись на территории, оккупированной Германией, я старался ничем не привлекать к себе внимания. Кроме немецких патрулей мне попадались люди в гражданской одежде, с оружием и повязками на рукаве. Надписи на повязках были на немецком языке. Из разговоров прохожих я узнал, что это поляки, которые после прихода врага вспомнили о своих далёких немецких предках и стали прислуживать оккупантам, что этих «фольксдойче» нужно особенно остерегаться, что они, чтобы выслужиться перед своими новыми хозяевами, готовы за тридцать серебряников мать родную продать.

Мне повезло: я не вызвал подозрения ни у немецких жандармов, ни у их новых помощников. Поезда уже начали ходить. Я на первой попавшейся мне железнодорожной станции купил билет. Сев в вагон, я почувствовал облегчение – скоро буду дома, увижу маму. С пере-

садками я доехал до Познани. Патруль проверил у меня документы и не высадил. Я тогда ещё не знал, что земля, где был мой родной дом, отошла Германии. И я ехал не к себе домой, а в немецкий рейх. От Познани я пошёл пешком. К нам в город поезда не ходили, железную дорогу только строили, позже её закончили строить военнопленные из России, наших угнали в Германию. Для меня пройти это расстояние от Познани до дома – что съесть горсть жареных семечек.

В городе я встретил соседку по подъезду. Она очень удивилась, увидев меня. От неё я узнал, что моя мать жива, но живёт по другому адресу. Я поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру, номер которой мне дала прежняя соседка. В прихожей раздались шаги, мать спросила, кто там. Я ответил, за дверью повисла тишина, затем я услышал плач. Я стал стучать в дверь, повторяя, что это я и я вернулся!

После столь волнующей встречи начались будни. Жизнь в оккупации. Всех гражданских жителей с территории военного городка немцы выселили кого куда. Моей матери повезло. Когда она вернулась из эвакуации домой, немецкий комендант увидел, что у неё в документах написано место рождения – Гамбург. Он принял её за германскую подданную и выдал ордер на проживание по другому адресу.

Мать пользовалась теми же правами, что и немцы, хотя была этнической полькой и никаких дальних немецких предков у неё не было. Я испытал на себе все унижения, которые новая власть уготовила полякам, проживающим на этих землях. Оккупанты хотели очистить территорию от лиц негерманского происхождения и таким образом вызывали ненависть к себе и способствовали созданию больших групп сопротивления.

Со временем я вступил в молодёжную подпольную организацию. Мы занимались сбором фактов, нас использовали в качестве курьеров, мы расклеивали листовки с правдивой информацией о положении на фронтах, население призывалось к борьбе против захватчиков. Но всё это было не то: мне хотелось с оружием в руках сражаться с ненавистным врагом.

Летом 1943 года в официально издаваемой немцами газете специально для оставшихся здесь поляков была напечатана статья о зверствах большевиков. В статье писалось, что в районе Смоленска обнаружены захоронения польских военнослужащих, попавших в 1939 году в плен к советским войскам. Сообщалось, что их расстреляли органы НКВД весной 1940 года, в конце статьи приводился список расстрелянных. В этом списке была фамилия моего отца. Я не поверил, ведь отец ушёл в Венгрию, но тень сомнения всё же осталась. На войне всякое случается.

Я очень обрадовался, когда в августе 1944 года восстала Варшава. Чуть позже наше подпольное подразделение «Армии Крайовой» получило приказ идти на помощь сражающейся столице. Командир не хотел брать меня в этот поход, но я был настойчив, рассказал ему, как выжил в сентябре 1939 года. Я убедил его, что буду полезен. Он взял меня...

Вскоре всё отчётливей стал слышаться лай немецких гаубиц, обстреливающих осаждённую со всех сторон, но непокорённую Варшаву. Командир решил меня и ещё двух бойцов послать в разведку.

Оружия нам не дали. Командование разумно посчитало, что мы сможем сойти за беженцев, и если мы попадём в плен, то у нас останется шанс выжить.

В августе 1944 года вблизи Варшавы немцы расстреливали всех поляков, пойманных с оружием, независимо от возраста. Мы, трое подростков, должны были идти впереди отряда и своевременно сообщать о противнике. День прошёл удачно: противник не был обнаружен, и отряд продолжал свой путь. На следующий день мы, не слишком задумываясь об опасности – настолько предыдущий день расслабил нас, – вошли на двор какого-то лесничества. Там стоял большой двухэтажный деревянный дом с огромной застеклённой верандой, вокруг дома располагались хозяйственные постройки. По краям двора под навесом стояли стога сена, вдоль деревянного невысокого забора в поленницах сушились на летнем солнце дрова. Не подозревая о том, что противник может застать нас врасплох, вся наша группа оказалась в центре двора. В это время во двор лесника влетели немцы верхом на лошадях. Мы испугались и рассыпались в разные стороны. Я бежал, впереди меня была невысокая поленница дров, около неё я споткнулся и упал. Один из всадников решил перескочить через эту поленницу верхом. Животное задело копытом верхнюю часть поленницы, но не упало, поскакало со всадником дальше. Свежие еловые дрова завалили меня, спрятав от преследователей.

Я пролежал под ними до ночи, запах еловой смолы, исходивший от поленьев, доставлял мне большие неудобства – очень хотелось чихнуть, но я терпел, ведь это могло выдать меня. Ночью я осторожно вылез из своего укрытия. Отряда поблизости не было. С наступлением утра я направился на его поиски. Я шёл на грохот канонады, которая не прекращалась даже ночью.

На одной из лесных дорог меня остановил немецкий патруль. Оружия у меня не было, и я не очень испугался. Меня привели в село. В одном дворе была вырыта яма около трёх метров глубиной. Немец приказал мне прыгать на дно. Очутившись в ней, я обнаружил, что там я не один. Второй пленник сказал мне, чтобы я не очень обнадеживал себя. Если я не из этого села, то меня ждёт расстрел. Сверху доносился звук губной гармошки – это конвоир играл для себя разные мелодии, чтобы не скучать на посту. Партизан они не боялись: в селе стоял сильный гарнизон. На допрос здесь водили под вечер. К этому времени старшие у карателей были уже пьяные, и им проще становилось расстреливать пленников. Всё это мне рассказал сосед, он был здесь уже давно. Вечером в яму опустили лестницу, конвоир посветил фонариком на нас и указал пальцем, кому вылезать. Мне повезло: выбор пал не на меня. Мой сотоварищ попрощался со мной и вылез по лестнице наверх. На моё счастье, немец не убрал лестницу. Я слышал, как звук его губной гармошки удалялся всё дальше от меня. Это был шанс! И я воспользовался им.

После долгих злоключений я наконец-то нашёл партизан. Мне поверили, дали оружие. Я был очень горд, что теперь могу за всё отомстить оккупантам...»

На минуту голос стих. Старая женщина замолчала и прекратила чтение. Она читала старый дневник молодого партизана. «Извините, что я помешала вам спокойно ждать поезда», – сказала она своей собеседнице. «Откуда у вас эти записи?» – спросила женщину её соседка. «Этот юноша был тяжело ранен в одной из атак. Мы шли на помощь Варшаве, но немцы оказали сильнейшее сопротивление, разбив наш отряд на подступах к столице. Я была юной медсестрой, – продолжала рассказ женщина. – Молодой человек, чувствуя свой скорый конец, попросил сообщить матери, что он не пропал без вести на этой жестокой войне, а как солдат Войска Польского с оружием в руках погиб в боях за Варшаву. В этом была правда. Он также передал мне записи, в которых описал историю своей жизни».

Всё это я услышал в зале ожидания в городе Валбжеге в ночь с 31 октября на 1 ноября. Я ждал поезд, чтобы поехать в город Душники-Здруй. «А что было дальше?» – обратилась женщина к рассказчице. Разговор, казалось, оборвался. «Это всё?» – «Да». – «А что же стало с мальчиком?» – не унималась её собеседница. «Он вскоре умер. Я положила его дневники к себе в полевую сумку. Мы не успели вынести его тело из лазарета. Это был старый сарай в лесу, с земляным полом. Когда каратели обнаружили нас, я успела зарыть документы на поляне чуть в стороне от лазарета. Малочисленная охрана приняла бой. Её очень быстро уничтожили. Фашисты ворвались в помещение госпиталя. Они застрелили врача, нас, молодых медсестёр, за волосы выволокли наружу. Они хотели позабавиться с нами, поиздеваться над нами. Из сарая доносились выстрелы, потом огнёмётчик подошёл к постройке и направил горящую струю на госпиталь. Он загорелся, оттуда послышались крики и стоны заживо сгорающих людей. Эсэсовцам эти крики надоели, и они закидали горящий сарай гранатами. Нас, униженных и избитых, посадили на телегу и отправили в комендатуру. Потом я оказалась в концентрационном лагере в Германии, – продолжала свой рассказ пани. – Когда закончилась война, я исполнила просьбу юного партизана. Разыскала его мать – он мне сообщил перед смертью её адрес. Я ей рассказала, что он погиб в бою и похоронен в братской могиле, что он не пропал без вести на той войне. Его мать поведала мне, что его отец тоже погиб летом 1944 года во Франции. Сгорел в танке, когда Первая польская танковая дивизия выполняла свою боевую задачу по окружению немцев в «Фалезском котле». «А что, у партизана есть могила?» – спросила рассказчицу её собеседница. «Да, есть. На месте сгоревшего лазарета насыпали высокий холм и поставили большой берёзовый крест. Через несколько лет после той бойни, превозмогая в себе боль, я приехала на памятное место и разыскала чудом сохранившиеся бумаги...»

В это время объявили о посадке в поезд на Душники-Здруй. Я встал и вышел на перрон, мне нужно было ехать на могилу к другому неизвестному герою той далёкой войны.

**Алексей
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ**

Публикация этих двух стихотворений смогла состояться благодаря Павлу Васильевичу Чернышевскому, племяннику автора, записавшему стихи на видео, а затем расшифровавшему их.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

СТИХИ О ВОЙНЕ

ЗИМА 1941 ГОДА

Как страшный мор, как страшная чума,
В венце из слёз, мученья и страданья,
Костлявая, как смерть, пришла зима
И села на ступеньках мирозданья.

И мир утратил счастье и покой,
Остановить события не в силах.
Война своей горящею рукой
Десятки городов испепелила.

И вот взметнулось время на дыбы..
В горячке разметающейся планеты
Мосты разбитые топорщили горбы –
Простёрли в небо серые скелеты.

В дыму боёв, бряцанье стали
Ужасный смерч над миром бушевал.
Ряды могил, чернея, вырастали,
И ветер снежный саван им сшивал.

-
- Алексей Самсонович Чернышевский – правнук Николая Гавриловича Чернышевского. К сожалению, особых подробностей биографии А.С. Чернышевского не сохранилось. Алексей Самсонович – сын Нины Михайловны Чернышевской, которая была вторым директором музея Н.Г. Чернышевского. Отец его, Самсон Иванович Быстров, был из среды духовенства и тоже работал в музее. Служил А.С. Чернышевский в танковых войсках, и судьба его была очень непростой.

Пройдут года, поймёте из преданий,
Из книг, из песен эти времена,
Те страшные года лишений и страданий,
Что вместе называются – война.

Узнаете про нашу муку злую
И, наконец, узнаете о том,
Как, возвратясь в страну родную,
Целуют землю пересохшим ртом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ В САРАТОВ...

(сохранившийся фрагмент стихотворения)

...Любимая страна, прими земной поклон.
По улице иду солдатским твёрдым шагом,
Прищурившись, гляжу на яркий небосклон.

Саратов, город мой! Нет, ты не изменился,
Пусть не видал тебя пять с лишним долгих лет,
Вот снова я на родину явился
И вновь вступил на Кировский проспект.

Я не сравню с тобой Будовицы и Прагу,
Те дальние края, в которых воевал.
Что лучше может быть Затонского оврага
И Соколовых гор, где в юности гулял!

А Волга! С чем ещё сравниться сможешь?
Красавица-река, на зависть всем врагам,
Разлившись гордо вширь, сердца людей тревожишь,
Гуляющих весной по самым берегам.

Прими земной поклон, река моя родная.
Я честно отдал долг народу и стране.
И вот теперь, опять в Саратове гуляя,
Я радуюсь тебе, и жизни, и весне.

**Владимир КАНТОР,
Владимир КОРМЕР**

ПОСЛАННЫЙ В МИР

(Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ)

Киносценарий

Перед читателем – текст 1985 года. Возможно, имеет смысл объяснить его возникновение. Мой покойный друг, Владимир Кормер, после выхода в 1984 году на Западе его романа «Крот истории» (премия Владимира Даля) ушёл, разумеется, с работы (мы вместе работали в журнале «Вопросы философии»). Однако его не оставляла странная мысль – найти форму возвращения в подзаконный литературный процесс. Психология эмигранта была ему чужда, как, кстати, и Чернышевскому. И тут в мае у меня вышла статья о Чернышевском: «Эстетика жизни» (споры вокруг второго, 1865 года, издания «Эстетических отношений к действительности») // Вопросы философии. 1985. № 5.) Статья Кормеру понравилась, он увидел в ней антиленинское и антинабоковское прочтение идей Чернышевского. И Кормер предложил мне написать вместе сценарий о Чернышевском, рассчитывая, что кто-нибудь да и заинтересуется этим текстом. После некоторого колебания я согласился. Черновой вариант сценария так и назывался «Эстетика жизни». Только сейчас, редактируя текст, я изменил заглавие на более подходящее по смыслу. Писали мы около двух месяцев, написали (набросали) первую часть, потом был перерыв, а потом Володя тяжело заболел (рак почки), в ноя-

-
- Владимир Карлович Кантор – доктор философских наук, ординарный профессор философского факультета Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, прозаик, стипендиат Фонда им. Генриха Бёлля (Германия, 1992), лауреат нескольких отечественных премий, трижды номинированный на Букеровскую премию, историк русской культуры, автор более шестисот опубликованных работ. Произведения Владимира Кантора переводились на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, сербский и эстонский языки.

бре 1986 года он умер. Рукопись пролежала у меня в архиве почти тридцать лет. В последние два года удача свела меня с крупнейшим нашим специалистом по Чернышевскому – Адольфом Андреевичем Демченко, а также с журналом «Волга–XXI век», которому я признателен за выпуск в свет моего романа. В результате разных бесед было решено, что журнал возьмёт рукопись и постарается оценить её пригодность для публикации. Почти без надежды на успех я принялся искать рукопись. И – вторая удача: рукопись я нашёл. Перечитал, пафос текста мне по-прежнему близок; поправив и уточнив некоторые детали, я предлагаю сценарий вниманию саратовцев. Только одно: текст, разумеется, содержит приметы того времени, когда он был написан, поэтому это не только произведение художественное, но и документ эпохи.

Владимир Кантор

Имя Николая Гавриловича Чернышевского не нуждается в рекомендациях. Литературный критик, публицист, писатель, мыслитель, которого Маркс называл одним из «величайших учёных современности», философ и писатель, для изображения судьбы которого Василий Розанов нашёл потрясающие слова: «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства было преступлением, граничащим со злодеянием <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но – взяли да и срубили его, чтобы ободрать на лапти Обломовым».

Вместе с тем, как ни странно, к его образу ни разу не обращались кинематографисты.

Масштаб личности Чернышевского, драматизм его судьбы, превращающий жизнь в житие, необычен даже для людей русской культуры, биографии которых зачастую отмечены беспощадным роком.

Семинарист из Саратова, коренной волжанин, которому пророчили будущность «светила русской церкви», человек необычайной, невероятной внутренней энергии отказывается от предназначенной ему карьеры и выбирает путь подвижника, думавшего силой своего слова воздействовать на Россию. Ведущий публицист некрасовского «Современника» становится идейным вождём молодой России. Одна из постоянно повторяемых им мыслей звучала так: всё хорошее и всё дурное в России совершается силою прихоти, а не по закону. Петербургский генерал-губернатор Суворов незадолго до ареста предлагает Чернышевскому покинуть Россию, чтобы на императора «не легло бы это пятно – сослать писателя безвинно». Это предвестие «философского парохода». Разговор кончился отказом Николая Гавриловича. Он арестован в тридцать три года. Законных оснований для его ареста не было. Был иррациональный страх самодержца перед Другим, перед Личностью. Он подвергнут гражданской казни, отправлен на каторгу, а потом в ссылку – в Сибирь (Вилуйск). Вся мыслящая Россия читает его книги. На Западе Карл

Маркс прочитал на русском его тексты и назвал одним из крупнейших европейских мыслителей. Друг Маркса, один из самых благородных русских революционеров Герман Лопатин, разоблачивший Нечаева, предпринимает отчаянную попытку устроить побег Чернышевского. В его защиту выступают виднейшие представители российской культуры – Н. С. Лесков, А. Н. Пыпин, А. К. Толстой, В. С. Соловьёв, написавший о Чернышевском: «Нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встаёт тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека».

В какой-то момент что-то сдвинулось в самодержавной прихоти. Царское правительство предлагает Чернышевскому просить помилования. Мы знаем немало героических и трагических ситуаций, когда люди, казалось бы, высокого призвания, например, Радищев, Бакунин, Достоевский, готовы были к таким компромиссам. Но Чернышевский – после тюрьмы, каторги, находясь в кромешных условиях вилюйской ссылки, – мысль о помиловании отвергает. В культурной памяти человечества такой подвиг духа всегда воспринимается как акт величайшего самопожертвования во имя гуманистических идеалов.

Трагический исход жизни Чернышевского вызвал к борьбе поколения новых революционеров, в самосознание которых составной частью вошли учение замечательного мыслителя и опыт его личности.

Задача фильма – показать путь духовного становления великого русского человека – в его столкновении с косной средой самодержавной России, в драматических и накалённых спорах и размышлениях о судьбах Родины, её настоящем и будущем.

Драматургический узел биографии Чернышевского и, соответственно, сценария, как нам кажется, в значительной мере определён также тем, что Чернышевский, подобно многим гениальным людям, не всегда бывал верно понят своими современниками. Будто сама личность его создавала вокруг себя ауру загадочности и рождала некую «легенду» о нём. Его слова и дела (например, организация Шахматного клуба в Петербурге) далеко неоднозначно истолковывались как представителями демократического лагеря, так, конечно, и Третьим отделением. Считали, что он хитрит, конспируется. Молва уже безоговорочно называла его основателем разрушительного «тайного общества», «вождём нигилистов» и т. д. В Петербурге ходили слухи, что «сам царь боится его». Вместо реального Чернышевского возникал своеобразный «фантом» (его собственное определение). Недаром даже такой человек, как Достоевский, во время петербургских пожаров 1861 года прибежал к Чернышевскому, умоляя его «не жечь Петербург». Всё это отчасти объясняет и жестокость обрушившегося на него наказания.

Динамизм кинематографического сюжета, обусловленный самой биографией Чернышевского, позволит дать широкую и насыщенную событиями картину общественной жизни середины XIX века.

Казнь петрашевцев и каракозовский выстрел, Крымская война и петербургские пожары, преступление Нечаева и героическое пред-

приятие Германа Лопатина, борьба Чернышевского с Третьим отделением и хождение молодёжи в народ – вот далеко не полный перечень тех событий, которые пройдут перед зрителем на экране.

Таким образом, весьма широк и «географический диапазон» фильма: Саратов и Петербург, Крым и Лондон, Восточная Сибирь, Астрахань и снова Саратов.

Специфика избранной темы открывает возможность развернуть и богатейшую галерею человеческих типов, в том числе и виднейших деятелей русской и европейской культуры – от Достоевского до Маркса.

Предлагаемый сценарий рассчитан на две серии, из которых первая отображает путь Чернышевского «на Голгофу», а вторая – его дальнейшую судьбу, среди каторжных и заключённых русских тюрем, попытки освободить его, отказ от подачи помилования – самый необычный поступок в русской истории.

ГОЛОС РАССКАЗЧИКА:

Судьба, о которой я расскажу вам, одна из самых необычных в русской истории девятнадцатого века, где много было судеб необыкновенных и страшных. Пожалуй, только биография Достоевского конгениальна биографии Чернышевского. Они были очень разные, но одна жизнь как бы отзеркаливала в другой, а по нелепости и беспощадности, с которой была их русская власть, они входят в ряд тех подвижников, которых распинают, но идеи которых окормляют дальнейшую жизнь России, более того, сквозь их судьбу и творчество просвечивает и будущее страны.

1

Волга. Саратов. Высокий, крутой, обрывистый берег. Наверху ампириный, дворянский и купеческий город. Особняки, лабазы, базар. Внизу – причалы, дебаркадер, баржи, лодки. Ленивая суета на прибрежном песке.

Над обрывом семинаристы-отроки играют в «царя горы», спихивая друг друга с кучки песка. Один из них, в очках, но неожиданно оказавшийся посильней остальных, наконец вырывается, расталкивает всех и вскарабкивается наверх. «Я – царь. Здесь я построю дворец. Придите ко мне, страждущие и обременённые!» – гордо кричит он. Однако противники не думают сдаваться. Они озлоблены. Кто победил их? Очкарик, книжный червь, протоиерейский сынок! Их, настоящих бурсаков! Всем скопом они бросаются на него. Сволакивают вниз, тащат к обрыву. Это уже не игра. Он отбивается, но сделать ничего не может. Миг – и он катится с обрыва, напрасно цепляясь за кусты и траву.

Ободранный, несчастный, униженный, он распростёрт внизу, на песке. На обрыве злорадно гогочут его сотоварищи-бурсаки. «Радуйся, царь! Радуйся, царь Иудейский!» Им вторит досужий люд на берегу.

2

Волга. Саратов. Ватага пьяных и шумных бурлаков. Бунт. Это из романа Чернышевского «Пролог». Обыватели шарахаются прочь. Песня: «А мы Стеньки Разина работнички». Наперерез толпе выходит будочник-инвалид: «Не вводите меня, старичка, во искушение...» Толпа оседает, огрызается, виноватится, возвращается к своей барже, бурлаки впрягаются в лямки. Один из них сплёвывает: «Никиту бы Ломова сюда! Могучий был мужик. Супротив этого бурлака никто бы не пошёл!»

Скоро баржа уже тянется вдоль Волги. Пусто. Пыльно.

Эту сцену наблюдают два молодых семинариста. Они стоят на высоком берегу. Один из них – Чернышевский. Молчат, ощущение тягостное.

Вдруг Чернышевский говорит:

– Хочу быть как Никитушка Ломов!

Его товарищ изумлён:

– Зачем?

Чернышевский, поясняя:

– Чтобы людям помочь. Надо сильным быть. Или много знать...

Моя мечта – стать благодетелем человечества.

– Ты сумасшедший? Много на себя берёшь!

– Наоборот, я нормальный, но без сверхзадачи ничего в мире не сделаешь.

Меж тем баржа уходит всё дальше, а перед взором Чернышевского, где-то в той стороне, на том берегу начинает выстраиваться некий мираж – хрустальный город, исполненный движения и света. Баржа идёт к нему, но не бурлаки теперь тянут её – она несётся сама, её увлекает вперёд удивительный механизм на её борту. Мелькают шкивы, крутятся шестерёнки, движутся рычаги. Наконец всё сливается в общем движении.

3

Комната молодого Чернышевского в Петербурге. Много книг, стол завален бумагами, здесь же – подобие верстака, в углу – модель механизма, в которой узнаём виденное в предыдущих кадрах: те же шкивы, шестерёнки, рычаги.

Приятель-семинарист, с которым говорил на берегу Волги, продолжая разговор, спрашивает:

– И чем же ты хочешь помочь людям? – Указывает на механизм в углу комнаты. – Уж не этим ли? Что за машина? Уж не вечный ли двигатель?

Чернышевский кивает головой: «Да».

Приятель, возмущаясь:

– Ты же образованный человек! Ты же знаешь, что Устав Французской Академии отвергает даже рассмотрение проектов вечных двигателей!

Чернышевский срывается с места, подбегает к книжным полкам, выхватывает брошюру:

– Вот твой Устав Французской Академии! – Откладывает в стопу прочитанных книг. – Человек создал Бога по своему образу и подобию. Это написал один великий немец. А Бог может всё. – Стучит себя в грудь. – Здесь вечный двигатель!

Вечный двигатель в углу внезапно начинает вращаться.

ГОЛОС РАССКАЗЧИКА:

Но это впереди, пока вернёмся в Саратов. Путь между Саратовом и столицей для Чернышевского пока ещё не изведен. Путь в столицу – это путь в чужой мир, куда его посылают родители.

4

Саратов. Идут толки о том, что Николая уедет учиться в университет. Инспектор семинарии Тихон, встретивши его мать, Евгению Егоровну, у кого-то в гостях, спрашивает её:

– Что вы вздумали взять вашего сына из семинарии? Разве вы не расположены к духовному званию?

На это мать Николая Гавриловича отвечает:

– Сами знаете, как унижено духовное сословие; мы с мужем и порешили отправить сына в университет.

– Напрасно вы лишаете духовенство такого светила, – говорит инспектор.

Дом Чернышевских. Отец Чернышевского, протоиерей, просвещённый, умный, нравственный человек, беседует об этом же с известным агрономом – писателем Иваном Устиновичем Палимпсестовым.

Палимпсестов:

– Зачем вы посылаете сына в университет? Был бы светилом Церкви.

Отец, после раздумья:

– Посылаю в мир. Должен в миру быть.

Так же у Достоевского: отошлёт в мир Алёшу Карамазова старец Зосима.

5

Петербург 1848 года. Петрашевцев везут на казнь. Среди них – Достоевский. Взволнованная и скорбная толпа. Чернышевский слышит гул толпы, но продолжает работать в своей петербургской квартирке, обложенный книгами.

Вбегает его новый знакомый по университету Аристархов (*фигура вымышленная, образ собирательный*):

– Идём! Идём туда! Цвет России гибнет! Там наш друг Ханыков! Петрашевский, Достоевский, Плещеев...

– Зачем? Множить толпу зевак?

– Ты не имеешь права так рассуждать! Мы должны продемонстрировать...

– Что же?

– А ты надеешься своей писаниной спасти Россию?!

– Да, надеюсь и попросил бы мне не мешать.

– Все твои занятия гроша ломаного не стоят перед этой казнью. Нужно делать что-то реальное, а ты – в кусты!

– Уходи.

– Нет, послушай до конца...

Чернышевский, не произнося ни слова, показывает Аристархову на дверь.

– Ты безумец! – кричит Аристархов. – Ты обуян бесом гордыни!

Чернышевский один. Его терзают сомнения: есть ли истина в словах этого человека? Идёт закадровый внутренний монолог. «Наверное, да, он, Чернышевский, обуян бесом гордыни. Ведь и впрямь, это скотство – сидеть и «сочинять», когда людей везут на казнь. Как легко попасть в историю – я, например, сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы. Но не сейчас. Прежде – понимать, а действие... Что есть действие? Может, слово и есть действие? Но так ли? Это безнравственно, бесчеловечно. Не этому его учил отец. Но отец плохо знает о том, какой путь для себя приготовил его сын. А знает ли всё про этот путь сын? Какая судьба ожидает его? Верно ли он избрал её? Или она, не спросясь, избрала его? Ну, это будет видно – кто кого избрал. Гамлетовские сомнения – слабость!»

С характерной своей усмешкою он возвращается к работе, но тут же раздаётся рёв толпы. Как в кошмаре, видятся Николаю Гавриловичу искажённые лица его приятеля Ханыкова, Достоевского, жандармов, зевак, студентов, палачей на эшафоте, кажется, что откуда-то скачут конные, бегут мужики с топорами – да, это те же босоногие бурлаки с Волги. А кто ведёт их? Нет, это не он, не Чернышевский. Он там, на эшафоте, с адским треском ломается над его головой шпага, разлетается на куски гигантский вечный двигатель, невесть как оказавшийся посреди площади. Кругом раненые и убитые. Пустая баржа на пустынной Неве.

Чернышевский падает на колени:

– Господи, да минует меня чаша сия! Минует всех нас!

6

Молодёжь в доме известного журналиста, впоследствии академика и чиновника Цензурного комитета Никитенко. Окололитературные весьма горячие споры:

– А вы читали статью... имярека?

– Отвратительная статья! Я не читал, но мне рассказывали.

Входит Чернышевский. У него явно нет желания участвовать в спорах, он пришёл обменять книги, которые берёт у Никитенко. К тому же он замечает среди присутствующих Аристархова.

Когда Чернышевский уходит, кто-то спрашивает:

– Что это за херувим?

– Запомните его, – отвечает Никитенко, – это не простой студент – это мыслитель, который будет посильнее Белинского.

Аристархов хватается за голову:

– Херувим! Посильнее Белинского! Да ваш мыслитель на самом деле безумец! Одержимый! Разрушитель по природе своей! Я это чувствую в нём. Его надо бояться. Ещё недавно он делал вечный двигатель, а теперь заявил мне, что занятия дороже ему, чем жизнь людей, которых везут на казнь. Он монстр, он фантом!

Никитенко возражает ему:

– Помилуйте, почему разрушитель? Он пишет сейчас диссертацию об эстетическом отношении искусства к действительности. Знаете, какой там главный тезис? «Прекрасное есть жизнь»!

Аристархов:

– Он скрывает свои подлинные мысли, так же как под маской книжного червя скрывает свою чудовищную физическую силу.

Никитенко:

– Он очень талантлив. Уверяю вас, его диссертацию будет читать вся мыслящая Россия. Понимаете, как прозвучит панегирик жизни в стране, где мёртвых душ больше, чем живых?!

Аристархов печально:

– Я не спорю, что он талантлив. Но на что он употребляет свой талант?..

7

Снова Саратов. Дом Васильевых, родителей Ольги Сократовны, в которую Чернышевский влюблён. Гости – молодёжь, офицеры. Поют, музицируют, беседуют и на серьёзные темы. Стиль богемный, хотя и с несколько провинциальным душком.

Чернышевский разговаривает с Ольгой Сократовной.

Она – ему:

– Маман беспокоится, сможете ли вы содержать семью.

Он:

– Слышали ли вы о таком человеке, как Герцен? Когда его арестовывали, у его беременной жены случился выкидыш. Такая судьба может ждать и мою жену.

Ольга Сократовна смотрит на Чернышевского с любопытством, оценивающе.

Они идут с Ольгой Сократовной высоким берегом Волги. Внизу, у причалов, у дебаркадера вновь толпа. Но это не бунт – это провожают на Крымскую войну рекрутов. Смех, крики, бабий вой, пляски, кое-где и драка. Всеобщая неразбериха, мечется начальство – военное, гражданское и церковное, не могут построиться пьяные новобранцы. То ли праздник, то ли похороны.

– Вот закончим Крымскую кампанию, – произносит Ольга Сократовна тоном старательной ученицы, – победим, и всё станет хорошо.

– Вот если проиграем, тогда, может, кое-что ещё и будет, – отвечает Николай Гаврилович.

Ольге Сократовне это не нравится.

– Вы что ж, надеетесь на революцию? – проницательно спрашивает она.

– Возможно, это произойдёт.

– И вас не испугают ни грязь, ни мужики... с дубьём?

– Нет, не испугают. Пока человек молод, ему кажется, что он всё может преодолеть. В том числе и грязь, и дубьё. Но всё же цивилизация требует эволюции, в конечном счёте. Надо строить просвещённую и богатую Россию. Этому и буду служить.

Она не верит ему и отчасти подозревает бахвальство.

– И как же вы рассчитываете перетянуть на свою сторону Россию? Вот эту Россию? – чуть презрительно кивает она на толпу внизу.

– Как? А так, как Никитушка Ломов здесь в одиночку перетягивал купеческие баржи! Слыхали про такого?

И, не дожидаясь её ответа, он скатывается с обрыва вниз, расталкивает толпу, подбегает к барже, на которую только что погрузили новобранцев, и впрягается в бурлацкую бечеву. Нечеловеческое усилие – и вот он уже стронул баржу с места. Народ в остолбенении. Крики: «Стой! Куда-а?» Но подойти к нему боятся: вид его страшен. Ватага бурлаков повисает на кормовом канате, пытаясь удержать баржу, но они мешают друг другу и валятся наземь. Мгновенная перемена настроения в народе – он ликует. Вверх летят шапки. Все вопят: «Ура-а!» Ольга Сократовна мечется по берегу, не понимая, смеяться ей или плакать. А Чернышевский, не разбирая дороги, по песку, по грязи тащит свой «корабль». На перемазанном и потном лице гордое сознание победы. (Так и Рахметов в романе.)

8

Затем они с Ольгой Сократовной в доме его родителей. Николай Гаврилович, очевидно, только что умылся и переоделся. Она рассматривает обстановку его кабинета. Ольга Сократовна уже пришла в себя от пережитого, прежняя весёлая насмешливость вернулась к ней. Загадочный механизм в углу привлекает её внимание.

– Значит, вы и вправду изобретатель вечных двигателей? – спрашивает она.

У него вид вдвойне виноватый:

– Это очень важная задача. К сожалению, на нынешнем этапе науки неразрешимая.

– О боже, – вздыхает она, сразу становясь взрослой дамой, – и за этого человека я собираюсь замуж!

Она вздрагивает, когда вдруг слышит, что вечный двигатель в углу медленно движется.

9

Жаркое лето. Степь, перелески. Ольга Сократовна и Чернышевский в бричке, гружённой сундуками и баулами, едут из Саратова в Петербург. Катит бричка, сменяют одна другую, как в калейдоскопе, картины (беззвучные) России, Николаевской России. Холерная деревня, каторжане, кого-то прогоняют сквозь строй, кого-то бьют. Царство мёртвых.

Дорогу пересекает воинская колонна, она идёт в Крым. Путь неблизкий, люди измучены. Ольга Сократовна машет им платочком. Николай Гаврилович напряжённо смотрит им вслед.

– Идут на бессмысленную смерть, – говорит он. – Государство – убийца!

– Но на войне всегда гибнут люди, – возражает она.

– Есть смерть ради жизни, – говорит он. – Смертию смерть поправ... Христос обещал жизнь вечную. И воскрес. А зачем погибли они?

– Ты хотел бы пойти к этим будущим страдальцам? – иронически спрашивает жена.

Николай Гаврилович хмурится и не отвечает.

– Тебе нельзя из-за близорукости, – продолжает она тем же тоном.

Она уже поняла своим женским чутьём, что с этим человеком может позволить себе всё.

Колонна скрывается за горизонтом в облаке пыли. И тут же удар грома. Ветер срывает шляпу с головы Николая Гавриловича. Гроза? Нет, это не гроза. И пыль на горизонте – не пыль, а дым сражения. И гром не гром – это залпы орудий! Крымские горы словно опрокидываются на русскую равнину!

Те же солдаты, которые только что прошли перед Николаем Гавриловичем, сейчас идут в штыковую атаку и падают, сражённые неприятельскими пулями. В Чёрном море – блестящая, с иголки, паровая эскадра английского адмирала сэра Непира. И тонут, тонут неповоротливые, устаревшие русские корабли, похожие на баржи.

10

И вот назад по пыльным дорогам влачится измученное, безропотное войско. Эшелоны раненых. Госпитали. Кровь. Трагедия унижительного поражения на лицах солдат и офицеров. Дамы в провинциальных городах и столицах бросают им цветы, подносят мужикам в изодранных мундирах рюмку водки. Но может ли это утишить солдатскую обиду и горечь? Скорее, наоборот – разжечь. (Об этом точно сказано у Л. Толстого в набросках к роману «Декабристы».)

А мыслящий литературный Петербург даёт обеды в честь героев войны. Обеды, обеды, обеды. Столы, заставленные едой и напитками. Разгул чревоугодия. Напыщенные ура-патриотические речи о силе русского оружия.

На один из таких обедов, в честь Льва Толстого, героя Крымской кампании, Некрасов везёт Чернышевского.

– Пойдёмте, вы скажете что-нибудь по существу. Ведь вы собирались о нём писать.

Тот отнекивается:

– Писать – это другое дело, а говорить, как вы знаете, я не мастер.

Тем не менее они едут. Застолье. Славянофил Константин Аксаков в «народном» одеянии – охабень, мурломка. Тост: «Русский человек силен своей готовностью умереть. В этом его истинное христианское смирение».

Толстому не по себе:

– Что празднуем? Уничтожение Черноморского флота. Воистину счастливое событие!

Аксаков гнёт своё:

– Русский народ... В народе Христос...

Чернышевский – Толстому:

– Русский народ не собрание римских пап, существ непогрешимых. Получается, что вы цените народ за звание, за чин. За мужицкое звание – это ведь тоже звание. Ценить можно истину. Давно было спрошено: что есть истина? И истину нельзя утаивать ради мужицкого звания. Путь Христа к Истине шёл через Голгофу. Поэтому и смел Он сказать, что Он Сам есть Истина и Путь.

Толстой хмурится:

– Да и что такое Христос? Но в народе сила и власть.

После обеда Аристархов, по-видимому, слышавший слова Чернышевского, говорит Толстому:

– Я ведь предупреждал вас, что это непростой человек. А он приобретает теперь большое влияние на юношество. Он опасный человек! Впрочем... – подумав, добавляет: – Даже Христос был опасен.

11

Аристархов продолжает свою тираду, но собеседник его сейчас уже не Толстой, а генерал Потапов, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Аристархов:

– ...Он опасен благодаря своему влиянию на юношество. Он лисица. Даже этот оригинал Лев Толстой, который не ценит никого, после статьи Чернышевского о нём стал говорить, что Чернышевский и умён, и горяч. В его устах это очень высокая похвала. То, что Чернышевский пишет в «Современнике», никак не соответствует его подлинным мыслям и намерениям. Они наловчились писать эзоповым языком. Сами наловчились и цензуру к своему противоестественному слогу приучили. Достигли того, что вещи отлично благонамеренные, но написанные слогом размашистым, весьма часто не проходят, а вещи противоестественные, написанные слогом, так сказать, вывороченным наизнанку, проходят весьма благополучно!

Потапов шутит:

– Что ж, для рассмотрения нигилистических сочинений определим цензора из нигилистов, разумеется, такого, который понимал бы нигилистические диалоги, но в сущности был бы человеком благонамеренным.

Аристархов:

– Не заблуждайтесь. Болезнь запущена, поражённые органы исцелить уже нельзя. Их надо отсечь. Иначе яд их привьётся всему организму.

– И какова же эта болезнь?

– Два учения, привившиеся нашему обществу. Материалистический фатализм, направленный к полнейшему искоренению всех начал нравственности, религии и закона. И коммунизм, прямо направленный к ниспровержению всех начал семейного, общественного и государственного устройства.

– Как же случилось, что пропаганда вредных учений могла зайти так далеко?

– Первый шаг они сделали, прикрывшись маской науки. «Бунты иногда не удаются, – говорит Чернышевский. – Есть другой, спокойнейший путь к разрешению общественных вопросов – путь учёного исследования». Вы слышите? «Бунты иногда не удаются!» Но, значит, они возможны! Хотя, в принципе, он их отрицает! Но это и опасно. В таком случае, знаете ли... Нет, он не бес. Но... бесы вокруг него.

– Вы знаете ближайших ему людей?

– Не всех. К сожалению, не всех. Офицеры Шелгунов и Обручев, литератор Михайлов, студент Утин.

– Не занимаются ли они также тайнопечатанием запрещённых книг и подмётных воззваний и манифестов?

– Я уверен, что да! И эта подмётная литература должна быть не что иное, как развитие, дополнение и полонение идей, замаскированных и недоговорённых в статьях нигилистских литературных органов.

– Мы чрезвычайно благодарны вам за вашу помощь. Мы видим, что вами движет святое стремление спасти Россию, спасти государя. Скажите, а не предполагаете ли вы, что у них есть сношения с лондонскими изгнанниками – Герценом и Огарёвым?

– Доподлинно мне не известно. Но «Колокол», по-моему, они читают. Я слышал, как они обсуждали одну статью оттуда.

– «Колокол» и государь-император почитывает. Вы поинтересуйтесь насчёт сношений...

12

Длинная колонна возвращающихся войск тянется мимо окон редакции «Современника». В редакции толчея – корректоры, метранпаж из типографии, авторы, зашедшие по делу и просто так, на огонёк, здесь же Некрасов, Панаева. Чернышевский в углу за конторкой правит вёрстку.

Разговор о новом императоре, о том, что Николай скончался, не выдержал Крымского поражения, мнил себя властелином Европы – и вдруг такой удар. Есть слух, что покончил жизнь самоубийством.

– Он был воплощением самодержавия, – говорит один из присутствующих. – Александр совсем другого склада человек.

– Ещё бы! – подтверждает кто-то. – Василий Андреевич Жуковский был его воспитателем!

– Реформы, реформы близки!

Да, все ждут реформ. Отмены крепостного права, судебных реформ, ждут, более того, Конституции. Тверские помещики пишут новому государю петицию о необходимости дать стране Конституцию.

Чернышевский не принимает участия в дебатах, хотя взоры всех присутствующих то и дело обращаются к нему, как бы за одобрением – он здесь уже авторитет. Но он лишь посмеивается по своему обыкновению, и не понять: то ли он слушает, то ли говорит сам с собой. Когда страсти совсем накалились и восторги по поводу пред-

стоящих реформ достигли какой-то черты, он тихо замечает (все, однако, тут же замолкают):

– Все эти ожидаемые реформы – мишура, о которой не стоит и говорить. Вот если бы союзники взяли Кронштадт... Нет, Кронштадт мало. – Решительно вычёркивает что-то из корректурного листа. – ... Если бы союзники взяли Петербург... Нет, и этого мало. – Снова вычёркивает. – Если бы они взяли Кронштадт, Петербург и Москву – тогда, пожалуй, у нас были бы реформы, о которых стоило бы говорить.

13

Петербург. Дом, где живут Чернышевские.

Донос агента:

– Вчера вечером в 8 часов пришли к нему какой-то военный, совершенно закутанный в шубу, и один статский, худощавый, со светлорусыми усами. Пробыв у него недолго, вместе с ним поехали на одном извозчике в шахматный клуб у Полицейского моста в доме Елисева по Канаве. Там собралось вчера человек до ста, почти исключительно литераторов, ибо по прочтении наскоро имён, записавшихся у швейцара в книге, встретились следующие: граф Кушелёв-Безбородко, Лавров, Краевский, Панаев, Некрасов, оба Курочкина, Крестовский, Писарев, Писемский, Апухтин и другие. («Дело...», стр. 94)

Чернышевский играет в шахматы с одним из близких ему людей, Антоновичем, тоже сотрудником «Современника». Вокруг с десятков или более человек следят за игрой, но главным образом ведут весьма далёкие от шахмат разговоры – литературные и политические. Шах-клуб, как его тогда называли, для того и создан: под легальной и невинной вывеской собираются для обсуждения животрепещущих вопросов петербургские либералы и якобинцы. Сейчас около Чернышевского идёт спор о только что появившейся в «Колоколе» статье Герцена, направленной против линии «Современника».

Самые горячие – Утин и Благодетель.

Утин:

– Друзья, вот уже несколько лет мы в «Современнике» последовательно и неуклонно разоблачаем либеральные иллюзии, как в части общественно-политической и экономической, так и в части литературной. Либеральное прекраснопустозвонство так называемого «обличительного направления» расценивалось нами как серьёзное препятствие на пути к действительно, а не мнимому освобождению народа! А что делает Герцен?

Имя произносится полусшёпотом, но все, разумеется, понимают, о ком речь.

– Вот тут я получил честное письмецо...

Вынимает из кармана листочек, подмигивает, все безусловно понимают, что это выписки из запрещённого герценовского «Колокола».

– Вот что мне пишут: «В последнее время в нашем журнале стало веять какой-то тлетворной струёй, каким-то развратом мысли...» Вы слышите: «тлетворной струёй», «развратом мысли!» И дальше – это уже прямо в нас: «Журналы, сделавшие себя пьедесталом из благородных негодований и чуть не ремесло из мрачных сочувствий страж-

душим, катаются со смеху над обличительной литературой...» Да, да, он пишет, что это редакторы «Современника»...

Антонович, отрываясь от шахматной доски:

– Да, Добролюбов был прав, когда порицал либеральную беллетристику, которая черпает силы для восстания в правительственных распоряжениях. Хороши наши передовые люди – успели пришить в себе чутьё, которым прежде чуяли призыв к революции! Сидят себе в Лондоне, ничего не понимают!

Благосветлов, журналист, демократ, один из наиболее решительных:

– Теперь у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху.

Всеволод Костомаров, будущий провокатор, с плохо скрытой неприязнью к спорщикам:

– Что ж тут удивительного: мы нападали на них, теперь они нападают на нас. Природа, гласит пословица, не терпит пустоты.

Добролюбов:

– Я лично не очень убит неблагоприятием Герцена, но Николай Алексеевич, – показывает на Некрасова, сидящего в буфетной (около того свой кружок), – обеспокоен. Он считает, что это обстоятельство связывает нам руки, так как значение Герцена для лучшей части нашего общества очень важно. Он чуть ли не решается ехать в Лондон для объяснений.

Чернышевский, очевидно, внимательно прислушивается к тому, что говорит Добролюбов, и забывает сделать очередной ход.

– Николай Алексеевич сказал даже, что этакое дело может кончиться дуэлью. Этого я не понимаю и одобряю, но необходимость объяснения сам чувствую и для этого готов был бы сам ехать.

Благосветлов:

– Эх, какой чепухой мы принуждены заниматься! К топору надо звать Русь, к топору! Ведь «Колокол» об этом пишет. Вы согласны, Николай Гаврилович?

Чернышевский:

– Ну уж нет! Это из Лондона легко делать! Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый. Но что же тогда произойдёт с обществом, которое состоит сплошь из Батыев? Во всё вносится тогда идея произвола. В каждом кружке, в каждом деле свой Батый. А под Батыем баскаки, а под баскаками... Вам мат, сударь.

Выходит. Несколько человек провожают его до гардеробной. Сцена ухода и одевания идёт без звука, под доклад филёра:

– Они все составили кружки и говорили между собою шёпотом, за шахматными столиками сидело по несколько человек. Чернышевский ораторствует иногда в клубе, и поклонники его обыкновенно следуют за ним, при уходе, в прихожую. Сегодня Чернышевский, бывший, вероятно, не в духе, обратился к этим поклонникам со словами: «От вас отбою нет; что вы ко мне пристаёте!» Это ему много повредило. Когда он удалился, те сказали: «Чёрт его подери! Что он себе воображает, что мы его слуги?!»

Чернышевский спускается вниз по лестнице шах-клуба. Поскальзывается, в сознании вспыхивает детская картина: откос, Волга...

Монолог:

«Вот и этот... сидит в Англии, а думает как русский Батый. Думает верховодить нами. Напал на Добролюбова. Всё это тщеславие. России не знает. Разбудит крестьянский бунт, но осмелится ли этот барин стать Пугачёвым? Просвещённым Пугачёвым. Моя бабушка говорила, что пугачёвский бунт – просто разбой, но большого размера. Или Робеспьером, Брутом... Или только будет поджигать умы. – Тихонько смеётся. – Нет, в Лондон надо ехать мне. Мне!»

14

Аристархов вновь у генерала Потапова, управляющего Третьим отделением. Потапов рассказывает по кабинету, держа перед собой лист бумаги – анонимное письмо, читает про себя с удовольствием, крутит головой, смеётся. За кадром проникновенный, взволнованный, донельзя искренний голос. Не потаповский – анонима.

– Что вы делаете, ваше высокопревосходительство, пожалейте Россию, пожалейте царя! Вот разговор, слышанный мною вчера в обществе профессоров. Правительство запрещает всякий вздор печатать, а не видит, какие идеи проводит Чернышевский – это коновод юношей, это хитрый социалист, он мне сам сказал, – говорит профессор, – что «я настолько умён, что меня никогда не уличат». За пустяки ссылаете, ваше высокопревосходительство, а этого вредного агитатора терпите. Неужели не найдёте средств спасти нас от такого зловредного человека? Передаю вам впечатление, вынесенное из общества людей, десять лет знающих Чернышевского, бывших приятелей, но теперь, видя его тенденции уже не на словах, а в действиях, все весьма либеральные люди, но настолько благоразумные, что они сознают необходимость существования у нас монархизма, отдалились от него и убеждены, что ежели вы не удалите его, то быть беде: будет кровь – везде он опасен. Не я говорю это, говорят учёные дельные люди, от всей души желающие Конституции, но путём закона, земской думы, но по призыву царя. Не даст царь ни того, ни другого – Господь ему судья. А так – крови не минуете и нас всех сгубите. Это шайка бешеных демагогов, отчаянные головы, быть может, их перебьют, а сколько невинной крови за них прольётся! Тут же слышал, что в Воронеже, в Саратове, в Тамбове – везде есть комитеты из подобных социалистов, и везде они разжигают молодёжь... Я сам не знаком с этим злодеем, пишу то, что вчера случайно слышал. Теперь каждый честный человек обязан указывать правительству всё, что слышит, что знает, ибо общество в опасности, сорванцы бездомные на всё готовы. И вам дремать нельзя – на вас грех падёт, коли допустите их до резни, а она будет, чуть задремлете или станете довольствоваться полумерами... Избавьте нас от Чернышевского – ради общего спокойствия. («Дело...», стр. 146)

Последние слова генерал повторяет: «Избавьте нас от Чернышевского ради общего спокойствия». Потом говорит:

– И рады бы избавить, но, увы, пока нет зацепки. Он, и верно, умён, уличить его трудно... И вот я думаю... ну почему этот действительно умный человек не с нами, почему он выступает против

нас?! Ответьте мне, разве мы не хотим обновления России? Разве мы не сознаём, сколько зла сохранилось ещё в нашей общественной и частной жизни? Разве все просвещённые люди сегодня не согласны, скажем, с необходимостью полного освобождения женщины, предоставления ей всех тех политических и гражданских прав, которыми пользуются мужчины? Разве не говорим мы о необходимости военной реформы, об увеличении жалования войску и сокращении срока службы солдату? – Окончательно входит в раж. – Да, я готов почти целиком подписаться вот под этой прокламацией. – Хватает со стола прокламацию («К молодому поколению») и потрясает ей в воздухе. – Я же знаю: написана она друзьями Чернышевского или им самим – точных данных у нас ещё нет, но я готов подписаться под нею! «Мы хотим, чтоб земля принадлежала не лицу, а стране, чтоб у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель или капусту...» Я – согласен! У меня нет личной земельной собственности, я живу на жалование! Так, скажите, почему я не могу договориться с господином Чернышевским? Почему этот государственный ум не может работать вместе с нами?

Аристархов (задумчиво):

– Быть может, дело в психологических особенностях этих господ?

– Что, самомнение немереное, честолюбие, неудовлетворённые амбиции? Пустое.

– Может быть, автор имел в виду несколько иное обстоятельство... Ведь большинство из них – разночинцы. Отчего же сбрасывать со счетов этот факт? Отсюда и неудовлетворённое тщеславие, и озлобленность, и неуважение к традиции. Высокая культура России – это дворянская культура, они её не знают. Они же люди из народа. Более того, из поповского сословия. А попы у нас в хорошее общество не допускаются. Конечно, попы ближе к народу.

Потапов:

– А мне чудится, что хоть они и люди из народа, а народа они не знают, страны не знают. Они чужды этой стране, они вне её. Они не знают, сколь неповоротлива эта страна, сколь тяжёл этот народ. Они не пробовали, оттого им кажется, так легко их повернуть, одним скачком достичь результатов, для которых требуются целые века исторической жизни. А мы пробовали – не скачком, конечно, но хоть немного поворотить эту махину. Мы понимаем, на опыте знаем, как это трудно. Мы поэтому реалисты, материалисты, если угодно, а они идеалисты. Они малейшей акции не могут совершить – вон, поладить между собой... А собираются переделать душу русского мужика, раба и татарина.

Помолчав:

– Да к тому же не забывайте, что Чернышевский – титулярный советник, то есть дворянин, то есть принадлежит к привилегированному сословию. Высокая культура – это и его культура.

Аристархов:

– Кстати, есть слух, что Чернышевский собирается в Лондон, к Герцену.

– Пусть едет. Они не поладят, голову даю на отсечение. А своего человека натурально вместе с ним пошлём.

– Не обратили ли вы в этой связи внимания на корнета Всеволода Костомарова? Кажется, он очень ими оскорблён.

– Да, мы заметили его. Но не думаю, что он подходит для поездки в Лондон. Как это там у Пушкина: «Он слишком был смешон для ремесла такого...» Впрочем, посмотрим. Прибережём его, пожалуй, для чего-нибудь иного.

15

Квартира Чернышевских. Николай Гаврилович у себя в кабинете, работает. Из комнат Ольги Сократовны доносятся шум голосов, музыка – там гости.

К Чернышевскому приезжают двое – Николай Утин, вернейший его почитатель из студентов, и Всеволод Костомаров, сейчас тоже почитатель, но в недалёком будущем провокатор, который сыграет злодейскую роль в «деле Чернышевского».

– Николай Гаврилович, пора ехать. Нас ждут.

Тот не в восторге, вздыхает, злится, но смиряет себя, собирается. Прячет какие-то бумаги в стол, тщательно запирает его, приговаривая: «Конспирируем, значит». Потом тщательно запирает дверь в кабинет, в прихожей кутается в плащ. Выходят чёрным ходом. «Конспирируем», – повторяет Чернышевский. Утин, на этот раз расслышав его, подхватывает с удовольствием: «Да, конспирируем!»

Идут в казармы. Тёмный, почти уже ночной Петербург. Кордегардия (офицерское караульное помещение при казармах). Там обстановка полудомашняя, самовар, вино. Народу порядочно: офицеры, студенты, в том числе и кавказцы. Похоже на дружескую пирушку. Однако при появлении Чернышевского и его спутников тотчас выставляются дозорные из солдат.

Появляется встревоженный Шелгунов, подполковник, человек из ближайшего окружения Чернышевского.

– Господа, прошу извинить, сегодня у нас беспокойно. Поедёмте во Флотский экипаж. Там предупреждены.

Костомаров, обращаясь к Чернышевскому, фамильярно и заискивающе:

– Ха-ха, Николай Гаврилович, что, рыбку половим?

Чернышевский – с евангельской простотой:

– Не ловцами рыб, а ловцами человек хотел бы вас сделать.

Залив, силуэты лодок, кораблей, барж. Чернышевский, слушатели.

Чернышевский говорит о молодом поколении:

– Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа: не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчётливой деятельности, деятельной рассудительности. Недавно родился этот

тип и быстро расплывается. Он рождён временем, он знамение времени, и – сказать ли? – он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью.

Его слушают затаив дыхание. Николай Утин не выдерживает, восхищённо восклицает: это, дескать, новая Нагорная проповедь.

Чернышевский продолжает говорить, а мы видим Костомарова, и голос его скоро перекрывает голос Чернышевского.

(Цитата из письма Костомарова Соколову. Это письмо дало голицинской комиссии основной материал для обвинения Чернышевского.)

Костомаров к сцене во Флотском экипаже:

– ...Я не могу вам точно пересказать то, что он проповедовал, слов не помню, а смысл понятен. Со стыдом сознаю: результат на первых порах был тот, что я стал благоговеть перед Чернышевским, как перед человеком, который, казалось мне, держит в своих руках судьбы всея Руси. Живо помню то впечатление, которое произвели на меня наши собрания. Это было какое-то странное, опьяняющее впечатление! Словно туман застилал глаза, он входил в самый мозг... Страшно и мерзко становилось мне, и вместе с тем зарождалось какое-то безотчётное удалство, так и подмывало схватить топор или нож, так и хотелось рубить и резать, не разбирая, кого и за что... Как Афанасию Фету при виде обоза русских мужичков стал понятен миф об Амфионе, под звуки флейты которого сами собой складывались фивские стены, так мне впервые стала понятна сила Марсельезы... О, сколь обаятельна была сила лукавого слова этих людей!.. Потом, как и всякое опьянение, впечатление это рассеялось. И через несколько времени я уже был в состоянии понять, что же такое на самом деле эти слова...

16

Редакция «Современника». Обычная редакционная круговерть, спешка, но за дверями в гостиную, у Некрасова, слышны особенно возбуждённые голоса, спор. Доносится: «Да, он мешает!»; «Это направление ложно!»; «Россия живёт предстоящими реформами, а мы...»; «Тише, господа, тише».

Чернышевский, да и остальные, в том числе Добролюбов, настроенно прислушиваются. Очевидно, что за дверями ссора, и те, кто находится в этой комнате, примерно понимают, в чём дело.

Наконец Чернышевский подымается, достаёт из стола какой-то свёрток, подзывает к себе метранпажа Михайлова (тот полупьян, но человек верный). Чернышевский тихонько велит ему отнести свёрток по адресу (к Серно-Соловьевичу).

– Снесу, снесу, – кланяется тот. – Александру Сергеевичу носил и вам снесу. Только вот покойный без рубля серебром не отпускал.

Чернышевский даёт ему деньги, а сам идёт к дверям гостиной.

Входит. У Некрасова собрались виднейшие авторы «Современника», известные русские литераторы: Дружинин, Тургенев, Толстой, Григорович, Панаев. При появлении Чернышевского все замолкают.

– Господа, я вам мешаю? – спрашивает Чернышевский.

– Не нам, а «Современнику!» – взрывается Григорович.

Дружинин:

– Мало того, что сам. Ещё и этого мальчишку Добролюбова привёл.

Чернышевский пытается сохранить хотя бы видимость приличий:

– Николай Алексеевич, – обращается он к Некрасову, – почему они нападают на Добролюбова? Господа думают, что они соль земли, что их литературный талант неизмеримо выше таланта Добролюбова. Но понятия Добролюбова о литературе и жизни подходят к направлению «Современника», и это для нас важнее прочего. Что же касается таланта, то об этом судить будет история. И кто в ней останется, и как? Давайте думать не об этом, а о реальной пользе журнала.

Кладёт на стол Некрасову вёрстку и удаляется.

Некрасов, подойдя к окну, дипломатично:

– Выдь на Волгу...

Тургенев – Панаеву (тихо, иронично):

– Кто из них змея простая, а кто очковая? Очковая – Добролюбов, Чернышевский терпимее, хотя не сильно.

Толстой (эпически):

– Все они с Волги. Я тут кумыс к башкирцам ездил пить, через мордву...

Дружинин ёрничает:

– Волга – мордовская река. Мечь мордвы! Смешно! Мечь провинции.

Тургенев (элегически):

– И всё же меня удивляет, каким образом Добролюбов, недавно оставив семинарию, мог там основательно познакомиться с хорошими писателями.

Литераторы откланиваются. В дверях Дружинин останавливается:

– Надеюсь, Николай Алексеевич, мы предельно ясно высказали свои условия.

Некрасов один:

– Нет, Чернышевского с Добролюбовым я не отдам. Они мне нужнее. А Запад они знают не хуже Тургенева. И ценят его.

17

Гости у Ольги Сократовны. Компания весёлая, горячая. Кто-то ведёт пылкие и серьёзные разговоры, кто-то, как любит выражаться Николай Гаврилович, дурачится.

Чернышевский у себя в кабинете.

Ольга Сократовна сидит с молодой дамой. Та исповедуется:

– Мой муж карьеру хочет устроить через меня. Противно. Я же люблю Неледина. (Неледин здесь же.) Но только... кажется... (Пауза.) Он ваш любовник?

Ольга Сократовна отвечает, что это пустяки.

– Нас, женщин, угнетают не только мужчины, но и самодержавие! Женщина должна быть свободной. Женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство грубого насилия отнимало у неё и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию. Когда пройдёт господство глубокого насилия, женщина

едва ли не оттеснит мужчину на второй план, потому что организация женщины едва ли не выше, чем мужчины.

И далее в этом роде. Речь суфражистки плюс напор провинциальной завоевательницы.

– Нам формально закрыты почти все пути гражданской жизни. Нам практически закрыты очень многие – почти все – даже из тех путей общественной деятельности, которые не загорожены для нас формальными препятствиями...

Она может говорить и дальше – цитаты особенно из четвертого сна Веры Павловны здесь очень подходят. Но её уже перебивают. Кто-то кричит:

– Бросьте ваши бабьи штучки! Петербург жечь надо!

В это время вваливается в помещение со своей обидой заматерелый, обросший пьяный бурсак – бывший семинарист, друг детства. Вместо «здравствуйте», ревет:

– Вы думаете, в ваших столицах первые головы собрались?!

Чернышевский неохотно и тихо спускается сверху, как бы с горы. Устраивается у краешка стола, ест очень немного.

К нему обращается юноша «со взором горящим»:

– Николай Гаврилович! Историю надо взнудать! Скажите, что и как делать для этого?!

Чернышевский:

– Увы! История тем и характерна, что прогресс идёт крайне медленно.

Кто-то со стороны невпопад:

– Вы что, Николай Гаврилович, в постепеновцы подались?

Но тут снова вклинивается саратовский бурсак:

– Вы здесь, в Петербурге, все постепеновцы! Все продались. Нетеропливость, постепенность, медленный прогресс... Все ваши Оболдуй-Таракановы, все ваши Герцены и Ицки... Все заладили одно и то же! А ты думаешь, что я нетерпимый. Врёшь! Нет! Я не Петербург – я мир подожгу!

Бурсака мало кто слушает. Девицы и молодые дамы с хохотом гоняются друг за другом по комнатам, играя в салочки, молодые люди нестройно затягивают песню, дама, которая жаловалась на карьериста мужа, целуется с Нелединым...

Наконец Чернышевские остаются одни.

– Ты чем, голубушка, удручена? – заботливо спрашивает Николай Гаврилович. – Этой историей с Савеловой? Ну и пусть уходит от мужа-мерзавца.

– Но она же собирается к Неледину! – несколько неосторожно отвечает Ольга Сократовна.

– Вот и хорошо. Женщина должна быть свободна. Ты сама это знаешь. А на то, что говорят, не обращай внимания, дружок. Даже когда говорят что-нибудь плохое о нас с тобой, не думай об этом. Скажу тебе одно... – Подымаются вверх по лестнице. – Наша с тобой жизнь принадлежит истории. Пройдут сотни лет, а наши имена всё ещё будут милы людям. И будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так

надобно и нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь...

(Так в письме к Ольге Сократовне. «Дело Чернышевского», стр. 264)

18

Странная фигура бесцельно мечется по петербургским улицам. Шаг неровный, человек то остановится, то чуть не вприпрыжку бежит, разговаривает сам с собой, размахивает руками, он возбуждён, прохожие оглядываются на него и подозревают, что он ненормален. Это Всеволод Костомаров, он беседует с невидимым корреспондентом, он вслух сочиняет письмо неведомому другу.

— ...Разумеется, мой дорогой друг, я буду очень короток и скажу вам только то, что необходимо вам знать пока, чтоб вам не показалось странным то озлобление, с которым я, при всём моём желании быть сдержаннее, не могу не говорить об этом человеке... С чего начать?.. Чернышевский — так, по крайней мере, я понимаю его — человек с самолюбием необъятным. Он, без сомнения, считает себя самым умным человеком в мире. Он даже и не думает делать секрета из такого самопризнания. Вследствие такого бесцеремонного взгляда на самого себя, ему, конечно, кажется, что всё, что сделано не им, никуда не годится. Молодое поколение воспитывалось не в его школе (по крайней мере, не все) — молодое поколение дрянь! Общество устроилось не по его методе — ну и оно дрянь. Да нечего тут пересчитывать — всё существующее идёт в брак, в ломку! «Все права и блага общественной жизни, — например, говорит он, — находятся теперь в нелепом положении». Итак — давайте всё разрушать!.. Но, наделённый от природы такими воинственными наклонностями, наш разрушитель не одарён, к сожалению, большой храбростью. Он так полагает: чем мне погибать под обломками старого здания, я лучше пошлю других... («Дело...», стр. 184–185)

19

Но надо ж случиться такому! Попутчиком Николая Гавриловича оказывается некто Бахметев, едущий к Герцену. Это тот самый Бахметев, бывший ученик Чернышевского в Саратовской гимназии, который впоследствии отчасти послужит прообразом Рахметова. Но более достоверно он описан Герценом в «Былом и думах». Это, скорее, Ноздрёв, ударившийся в революционную метафизику больше по неоседливости и необузданности характера, чем по убеждению. Русский барин, волжанин, лихой и загульный, продавший — как выяснится в фильме чуть позже — своё имение, чтобы пожертвовать деньги на революцию. Пока же он пьёт, гуляет, поносит размеренную, трезвую и мелочную Европу. По Герцену, мы знаем, что ненависть его к европейской упорядоченности была столь велика, что он, оставив почти все свои деньги (вырученные за имение) Александру Ивановичу, пулей полетел через Европу и затерялся где-то в первобытном хаосе латиноамериканских схваток и инсургенций.

Бахметев ругает Европу, жалуется заодно на своего самарского предводителя дворянства, на немца-губернатора, рассказывает доволь-

но путано о собственной путаной жизни, а Чернышевский убеждает его вернуться в Россию. Берёт его на российскую чувствительность, на любовь к матушке-Волге. Тот рыдает.

– Настоящая Россия на Волге, а не на Темзе, – говорит Чернышевский.

А перед самым Ламаншем, в толпе, ждущей парохода, Бахметев оказывает немалую услугу Чернышевскому: сталкивает в воду филёра, которого Николай Гаврилович заметил ещё в поезде.

И вот они у Герцена. Богатый, роскошный дом Александра Ивановича, антикварная мебель, дивные полотна. Всё это Чернышевского коробит, тем более что узнаётся наконец цель поездки Бахметева – тот вываливает на стол из завязанной узлом салфетки привезённые деньги. Тем не менее Николай Гаврилович сдерживается.

– Александр Иванович, – говорит он, – вы призваны историей. Вы для России сейчас подлинный Александр-освободитель, тот и в самом деле «второй», рядом с вами – «первым». Вам отдадут сердца и капиталы. Вот ещё одно доказательство не даст соврать. – Указывает на деньги, подходит к столу, машинально складывая развалившуюся кучу в маленькие стопочки, аккуратист. – ...Однако я должен сделать вам реприманд. Не о том ваши главные заботы.

Чернышевский уже раздражён.

– Вы фиглярничаете в своём «Колоколе». И сейчас к чему зубоскальство? Неужели вы не чувствуете своей ответственности перед историей? Вы заразились славянофильской слепотой. И критикуете мелких мерзавцев. Позиция скептическая, но не решающая проблем. Надо выбрать общую позицию, скажем, конституционную, и её проводить, а все обличения будут поддерживать эту идею.

Герцен:

– Что за манера решать так дела? Ведь Россия – моя страна! У неё есть свой уклад, есть община... При чём здесь скепсис? Уж мне ли не знать Европы. Европа – обречённая страна. А вы в вашем «Современнике» ведёте себя как заштатные европейцы. Все ваши статьи заёмные, к делам российского обновления они касательства не имеют.

Бахметев, осознав в конце концов, что оба его кумира – один давнишний, другой новообретённый – не могут поладить меж собой, вскакивает. Со слезой восклицает:

– А-а, разбирайтесь сами! Пойду искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок!..

Чернышевский вслед за ним тоже откланивается. Соглашение, желанное объединение не состоялось. Наоборот, пахнет расколом, катастрофой, трагедией.

20

Похороны Добролюбова. Трагедия усугубляется. Литературный вечер, полный зал молодёжи. Николай Гаврилович говорит о Добролюбе – речь встречают овациями.

Разочарование студентов, которые ожидали от Чернышевского революционной речи. Рассказывает один (Николадзе, актёр должен быть кавказской наружности) другому:

«Он не читал, а говорил как с приятелями, скромно, тихо, о своём знакомстве с Добролюбовым, о его добросовестности в работе. Иногда трогал свою цепочку от часов, но, вообрази, – никаких жалоб на гнёт власти не высказывал. Ничего бесцензурного, никаких революционных заключений. А потом просто встал и ушёл. Представь! Зал так и ахнул от разочарования. Никто не верил, что это тот самый Чернышевский!»

Донесение агента, увидевшего прямо противоположное, – оно комментирует происходящее на экране:

– Вчера в 9 с половиной часов утра был вынос тела умершего 17-го числа литератора Добролюбова. В квартире его на Литейной собралось более 200 человек литераторов, офицеров, студентов, гимназистов и других лиц...

Потом говорил Чернышевский. Начав с того, что необходимо объявить публике о причине смерти Добролюбова, Чернышевский вынул из кармана тетрадку и сказал: «Вот, господа, дневник покойного...» Вообще вся речь Чернышевского, а также Некрасова клонилась, видимо, к тому, чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно – одним словом, что правительство уморило его. Двое военных – из бывших на похоронах – в разговоре между собой заметили: «Какие сильные слова! Чего доброго его завтра или послезавтра арестуют». («Дело...», стр. 75, 76)

21

Петербург. Квартира Серно-Соловьевича. Присутствуют Чернышевский, Николай Серно-Соловьевич, Александр Слепцов, Николай Обручев. Зарождается организация «Земля и Воля». Впрочем, окончательно ещё ничего не решено, разговор идёт лишь о самых общих принципах и возможных кандидатурах.

Слепцов только что вернулся из-за границы, где встречался с Герценом и знаменитым итальянским революционером Мадзини. Николай Гаврилович чуть скептически усмехается, но слушает внимательно. Правда, Слепцов тоже не в восторге от Герцена: «Всё же в душе моей остались сомнения...»

– Мадзини, – рассказывает Слепцов, – говорил изумительные вещи. Он уверен не только в окончательном успехе итальянского объединения под знамёнами Гарибальди, но и в том, что скоро будет революция славянская!

– Да, – смеясь, замечает Николай Гаврилович, – он всегда предвидит где-нибудь революцию на завтрашний день.

– Он и у нас ожидает революцию! – восклицает Слепцов восторженно. – Мадзини советовал организовать... И вот об этом-то, Николай Гаврилович, мы и хотели, собственно, поговорить с вами, послушать, что вы скажете.

– Что же, думаете заняться организацией тайного общества?

– Нет, тайного общества мы, собственно, ещё не предполагали. Мы предполагали только, что сначала следует нам присмотреться к силам... наметить общие идеи...

– Что ж, это разумно, – твёрдо говорит Чернышевский. – И каковы же ваши идеи?

– Земля и воля. Так можно бы назвать наше общество! Так предложил Герцен. Программа, по нашему мнению, должна сводиться к следующей аксиоме: «Конституцию нам ещё могут дать, но земскую думу, народный парламент надо взять, и взять её надо для того, чтобы крестьяне получили землю без выкупа, обрели самостоятельность, а население получило те свободы, которые ведут к социализму».

– Мы считаем, – взволнованно вступает Серно-Соловьевич, – что организация должна быть разбита на пятёрки. При этом каждый из членов пятёрки имеет около себя свою пятёрку. Таким образом, если в пятёрке состоят члены – а, б, в, г, д, – то около каждого из них оказывается не более восьми знающих его лиц. Четверо из этой пятёрки, к которой он присоединён, и четверо из той, которую он сам присоединил. В крайнем случае, пострадают лишь восемь человек. Вновь присоединённые сообщаются с той пятёркой, в которой присоединяющий получил, так сказать, крещение. Затем всё передаётся уже по восходящей линии, так что всех членов всех пятёрок знает только центр...

Чернышевский останавливает его:

– Пятёрки, центр... Что за бред!

В возгласе его смешались и мука, и недоверие собственным ушам. Его посещает ужасная мысль, что всё это безумие, историческое безумие, приводящее к трагедии, и он злится на легкомыслие молодых людей. Его наперебой начинают уверять, что есть силы, есть. И в Тамбове, и в Воронеже, и в Вологде – всюду есть люди. О московском кружке Зайчневского он и сам знает. Все готовы приняться за работу. Ждут только слова, быть может, его слова, Николая Гавриловича.

– За меня дело решила смерть Николая Александровича Добролюбова, – сухо говорит Николай Гаврилович, – и неспособность Некрасова вести теперешний журнал одному. Работать же, как сейчас, в «Современнике» и у вас – извините, с вами – я не вижу физической возможности. Когда я увижу возможность хоть в какой-то мере заменить кем-то Добролюбова, вернёмся к этому разговору. Но всё-таки «Современник» для меня важнее. Он мне дорог как кафедра, которой не должно лишаться ни мне, ни вам, поскольку вы разделяете общий его тон.

Все сокрушённо молчат. Отказ, пусть завуалированный, очевиден.

А за окнами уже подымается зарево страшных пожаров мая 1862 года. Горят Большая и Малая Охты, горят дома в Ямской, пылает Апраксин двор. По улицам мечется объятый ужасом обездоленный люд. В пожарах видят злодейский умысел. Чей? Нигилистов, студентов. «В народе носится слух, – пишет «Северная пчела», – что Петербург горит от поджогов и что поджигают его с разных сторон триста человек. В народе указывают и на сорт людей, к которому будто бы принадлежат поджигатели, и общественная ненависть к людям этого сорта растёт с невероятной быстротой... Не подлежит сомнению, что пожары происходят вследствие заранее обдуманного плана...»

Петербург охвачен коллективным безумием. На грязных, смрадных, окутанных дымом улицах озверевшие обыватели хватают «подозрительных», бьют их смертным боем, волокут в полицию. Повозки с уже арестованными едва прокладывают себе путь среди толп, требующих отрубать преступникам головы, четвертовать, бить кнутом, пытать, пока не сознаются. Появившаяся в городе прокламация «Молодая Россия» подливает масла в огонь в буквальном смысле этого слова. В городе введено нечто вроде военного положения, улицы патрулируются войсками, специально учреждённому комитету велено: «...всех, коих могли бы взять с поджигательными снарядами и веществами или по подозрению в поджигательстве, равно подстрекателей к беспорядкам, судить военным судом в двадцать четыре часа». Следственный комитет обнаружил и такое воззвание: «Долг каждого обывателя – доводить до сведения правительства всё, что касается как общего блага, так и вреда. На этом основании комиссия, независимо от официальных мер, обращается к обывателям столицы с приглашением содействовать ей со своей стороны в исполнении возложенного на неё поручения, прося всех и каждого сообщать обо всём, что в настоящем случае может быть полезным». Ясно, что каждый читающий это воззвание видит в находящемся рядом человеке одновременно и возможного поджигателя, и возможного доносчика.

До чего накалились страсти, иллюстрируется следующими событиями (на экране они также разворачиваются беззвучно, голос за кадром читает заметку, обошедшую тогда все русские газеты): «Известно, – говорилось в газетах, – что в Духов день бывает гулянье в Летнем саду. По обыкновению, и в этот год собрались туда гуляющие, как вдруг одновременно с начатием пожара раздались крики: «Горим! Горим!» – и вслед за тем поднялась суматоха, начался в полном смысле грабёж, начали срывать бурнусы, вырывать часы и пр., пока не подоспела полиция (если успела)». «Очевидцы этого эпизода рассказывали, – добавляет мемуарист Л. Пантелеев, – что действительность далеко превосходила то, что можно вообразить, прочитав приведённое описание. Срывали брошки, вырывали серьги из ушей, прямо хватали за карманы и опоражничали их. Была ли следственной комиссией установлена связь между пожаром Апраксиного двора и эпизодом в Летнем саду – это осталось неизвестным».

22

В квартиру Николая Гавриловича на Большой Московской улице вбегают Фёдор Михайлович Достоевский. Он в панике ото всего происходящего, он измучен, он на грани эпилептического припадка. Умоляет Чернышевского «не жечь Петербург».

– Остановите взбесившихся юнцов! Ваше слово много для них значит!

– Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними?

– Именно не предполагаю, – отвечает Достоевский, – и даже считаю ненужным вас в том уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения.

– Я никого из них не знаю.

– Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдёт до них.

– Может, и не произведёт действия.

Он вспомнил, как говорил радикально настроенным студентам: «Успокойтесь, господа. Вы точно как Бурбоны, которые ничему не научились. Ни тюрьма, ни ссылка не научают вас». В ответ они смеялись и шутили, что, хотя сам Николай Гаврилович занят только наукой, он тоже не застрахован от ареста. Он тогда ответил: «Увы, так бывает. Мыслители, отыскивающие средства к устранению тех недостатков, из которых проистекают губительные для всего общества катастрофы, подвергаются насмешкам и клевете общества, которому хотят помочь... И не только клевете!»

Николай Гаврилович в тревоге. Только что из верного источника ему сообщили, что «Современник», по всей вероятности, будет закрыт, в лучшем случае на несколько месяцев. Впрочем, так же, как и ряд других журналов либерально-демократического направления. («Русское слово», издаваемый Аксаковым «День».) Высочайше утверждены уже «Временные правила» о печати, где, между прочим, в разделе II говорится: «Не допускать в печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящих к ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии». А в разделе III сказано: «При рассмотрении сочинений и статей о несовершенстве существующих у нас постановлений допускать в печать только специальные учёные рассуждения, написанные тоном, приличным предмету, и притом таких постановлений, недостатки коих обнаружались уже на опыте».

Достоевский уходит неразубеждённый и неуспокоенный. Николай Гаврилович, оставшись один, подводит невесёлый итог:

– А ведь из ничего получается... фантом. А может, не без чьей-то помощи... Как говорил Пушкин, «почему-то все нецензурные и противоправительственные стихи приписываются мне!» Почему? Русский фантом.

И это даже не столько итог, сколько внезапное прозрение собственной судьбы.

23

Генерал Потапов, расхаживая по кабинету, диктует секретарю:

– Во всеподданнейшем отчёте моём за минувший год я поставил себе целью обратить внимание вашего императорского величества на напряжённое политическое состояние государства и на сильное раздражение умов, всё более и более проникающее в различные слои общества. Последовавшие недавно события в самой столице подтвердили шаткость нашего общественного положения, обличая возрастающую с каждым днём смелость революционных происков, которая в особенности проявляется в обществе литераторов, учёных и учащейся молодёжи, заражённом идеями социализма.

Наблюдая за свойством настоящего политического движения в России, даже не с точки зрения полицейской предусмотрительности, но с полным желанием отдать справедливость выражаемой повсеместно любви к просвещению, нельзя, к сожалению, не заметить в двигателях на этом пути... скрытых, опасных мыслей и целей...

Двигатели эти понимают дух правительства, они видят искренность его намерений способствовать умственному развитию русского народа, соразмерному, в пределах возможности, расширению личных его прав; они слишком прозорливы, чтобы не знать, какой осторожности требует подобное действие со стороны правительства, которому не прощают ни одной ошибки и на вековой ответственности которого лежит общий правильный ход государственной жизни. Зная всё это, вместо того, чтобы служить просвещённым, благонамеренным органам высшей власти в великом деле развития умственных и материальных средств русского народа, означенные передовые, как они себя называют, люди не заботятся о поддержании необходимого для достижения сей благой цели доверия и уважения к престолу, но, напротив, стараются исказить превратными толкованиями все предназначения, проистекающие свыше, и даже в случаях явного отступления их от прямого долга они каждый раз употребляют оказываемое им снисхождение во зло, дабы сделать разрушительный шаг вперёд на пролагаемом ими пути государственного переворота в духе социально-демократического их направления.

Правительство пыталось уже действовать на нравственную сторону народных двигателей, с тем чтобы, уверив их в благонамеренности своих стремлений и в невозможности дать вдруг ещё больший простор либеральным идеям века, расположить их к системе постепенного развития...

Вошедший чиновник докладывает о приходе Аристархова.

— Александр Львович, спешу сообщить вам, что доверенные люди передали мне, будто бы из Лондона в Петербург едет коллежский секретарь Ветошников, знакомый с Герценом и Бакуниным. Можно предположить, что он повезёт с собой письма, касающиеся и до Чернышевского или кого-то из его клеветов.

Потапов:

— О, благодарю вас. Хорошо бы!.. А то ведь улик мало, улик на копейку. А мы живём в государстве законности и правопорядка.

Аристархов, указывая на отсветы пламени за окном:

— А сего разве мало?! Улик на копейку. От копеечной свечки, говорят, Москва сгорела. Вот Чернышевский и есть та самая копеечная свечка! Поджоги, науськанные им студенты собираются похитить наследника... И всего этого мало?

Потапов:

— Да, увы, слух о похищении дошёл и до государя. Государь очень обеспокоен. Но и он не может преступить закон.

Аристархов воздевает руки:

— Закон, о Боже! Всего несколько лет назад достаточно было не так чихнуть — и тебя упрягивали за решётку на долгие годы.

А теперь, видите ли, мы уже не можем переступить закона, чтобы схватить поджигателя, заговорщика, английского шпиона! Что и говорить, я сам в своих статьях кричал о необходимости судебной реформы. Но теперь я скажу: не надо нам никаких судебных реформ! России вредны законы! Пусть воля государя будет для нас единственным законом!.. А с Чернышевским... – мгновение-другое медлит, – можно ведь поступить так. Послать полковника Ракеева с обыском, авось что-нибудь да найдётся. Ракееву не впервой работать с литераторами – гроб с Пушкиным в Святые горы сопровождал, ха-ха!

Потапов:

– А ежели ничего не найдётся?.. Но, впрочем, некая струна здесь звучит. Пушкинский вариант попробовать... Государь-император очень обеспокоен...

24

К Чернышевскому слуга вводит фельдъегеря, адъютанта генерал-губернатора Петербурга князя А. А. Суворова. Князь – личный друг императора Александра II. Адъютант советует Николаю Гавриловичу от имени своего начальника уехать за границу; если не уедет, в скором времени будет арестован. Чернышевский возражает: «Да как же я уеду?хлопот сколько!.. Заграничный паспорт... Пожалуй, полиция воспрепятствует выдаче паспорта». – «Уж на этот счёт будьте спокойны: мы вам и паспорт привезём, и до самой границы вас проводим, чтобы препятствий вам никаких ни от кого не было». – «Да почему князь так заботится обо мне? Ну, арестуют меня; ему-то что до этого?» – «Если вас арестуют, то уж, значит, сошлют, в сущности, без всякой вины, за ваши статьи, хотя они и пропущены цензурой. Вот князю и желательно, чтобы на государя, его личного друга, не легло бы это пятно – сослать писателя безвинно». Чернышевский упёрся: «Не поеду за границу, будь что будет. Я ни в чём не виноват! Все же мы хоть немного да европеизировались!»

ГОЛОС РАССКАЗЧИКА:

Вот так была совершена первая проба «философского парохода». Большевики, стесняясь перед Европой расстреливать за иной образ мыслей, просто высылали из страны тех людей, которые думали иначе. Исторические действия рифмуются. Сделанное однажды не исчезает из культуры, а тлеет в ней. Царь Освободитель, столь много сделавший для России, совершил главную ошибку своей жизни – уничтожил безвинного, но равновеликого ему человека, человека, имя которого было записано в божественную книгу жизни. Провидение этого не прощает. Этот человек мог остановить разгул нигилизма, но русскому самодержцу была непонятна власть Слова. Спрятавшись от непонятного, он был взорван бомбой понятного ему нигилиста. А дальше пришли нигилисты-большевики и воспользовались идеей изгнания инакомыслов из страны.

25

По Литейному проспекту идут две дамы – Ольга Сократовна и её сестра. Обе оживлены, смеются, вообще чувствуют себя свободно, однако вовсе не развязны, хотя на них, конечно, и обращают внимание. Николай Гаврилович задержался у книжного развала.

К дамам грубо пристаёт уланский ротмистр Любецкий. Он говорит Ольге Сократовне какую-то сальность и тут же получает пощёчину от мужчины. Это Николай Гаврилович подбежал к ним от книжного развала.

– Сударь, я требую удовлетворения! – кричит ему Любецкий. – Я вызываю вас на дуэль! Как ваше имя?!

Николай Гаврилович трясёт его как грушу:

– Моё имя Николай Чернышевский! Моё имя Николай Чернышевский!

Собравшиеся простолюдины подбадривают Николая Гавриловича: «Дай ему ещё! Бей!»

Ольга Сократовна пытается остановить мужа – внезапная догадка осеняет её:

– Это провокатор, осторожней!

Воспользовавшись секундной заминкой, Любецкий скрывается.

Чернышевский получает бумагу:

«Управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии, свиты его величества генерал-майор Потапов, свидетельствуя совершённое почтение его высокоблагородию Николаю Гавриловичу, имеет честь покорнейше просить пожаловать к нему, генерал-майору Потапову, в III отделение собственной его императорского величества канцелярии, завтра, 16-го числа, в два часа пополудни».

Николай Гаврилович и Ольга Сократовна мрачны, вызов не сулит ничего хорошего. Ольга Сократовна высказывает предположение, что, быть может, это для объяснений по поводу того случая с офицером.

26

Чернышевский у генерала Потапова. Ольга Сократовна была права: формальным предлогом для вызова послужило происшествие на Литейном. Потапов, подводя итог беседе, говорит, что если Николай Гаврилович желает, то уланы заставят извиниться перед ним и его супругой.

– Ну, это будет очень тяжело для офицера, – говорит Николай Гаврилович. – Для его самолюбия. Не надо, Бог с ним.

– Я и сам полагаю, что уж очень это тяжело, – соглашается Потапов. – Тем более что он и не знал, что это ваша супруга... А я, – продолжает Потапов, – был чрезвычайно рад познакомиться с вами. Я всегда с превеликим удовольствием читаю ваши статьи, надеюсь, что после возобновления печатания «Современника» ещё не раз буду иметь это удовольствие.

– Простите, ваше высокопревосходительство, – говорит Чернышевский, – я хотел бы в заключение нашей беседы задать вам вопрос.

Не имеет ли правительство каких-нибудь подозрений против меня и могу ли я уехать сейчас в Саратов, так как в Петербурге ввиду закрытия «Современника» мне делать нечего?

– Заверяю вас, Николай Гаврилович, – отвечает Потапов, – что правительство против вас ничего не имеет и ни в чём вас не подозревает.

27

Квартира Чернышевского. У него несколько человек. Явно занимаются делом, кто-то приходит, кто-то уходит. Но речей их не слышно, сцена идёт под доклад филёра, он на противоположной стороне улицы изображает подгулявшего солдата или что-то в этом роде.

– С 13 июня по настоящее число у Чернышевского были из прежних лиц: Серно-Соловьевич – 6 раз, студент Николай Утин – 5 раз, Антонович – 11 раз, Боков – 10 раз, Некрасов – 8 раз, студент-кавказец Гогоберидзе – 8 раз, Иван Павлов, рассыльный – 6 раз, Иван Иванов, писарь – 5 раз; были ещё некто Кононосевиц – 3 раза, какой-то Кривошеев – один раз; были ещё какой-то адъютант и наборщик из типографии Вульфа, с которым Чернышевский и ездил куда-то.

Вчерашнего числа, когда горел Толкучий рынок, у Чернышевского было очень много лиц, в том числе Елисейев, Воронов, Утин, Антонович и два экстерна Константиновского военного училища...

Денщик офицера Рачкова, родственника жены Чернышевского, живущего у них на квартире, при всей скрытности своей, проговорился, однако, что у Чернышевского секреты со всеми входящими и что они постоянно говорят шёпотом, двери заперты, при приходе кого-либо разговор прерывается. Прислуга теряется в догадках и подозревает что-то недоброе, но, наверное, ничего не знает.

К дому Чернышевского приближаются двое – полковник Ракеев и пристав Мадьянов. Стучат в двери, входят, полковник Ракеев представляется. Мадьянова, пристава, Николай Гаврилович знает.

– Господин Чернышевский, – объявляет Ракеев, – мне необходимо поговорить с вами наедине.

– Что ж, пройдёмте в мой кабинет, – говорит Чернышевский и с порога улыбается своим друзьям. – Господа, я думаю, это ненадолго...

КОНЕЦ 1-й СЕРИИ
Здесь сценарий обрывается.

**Алексей
ГЕРАСИМОВ**

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ, КОГДА ГРЕМЯТ ПУШКИ

**(МХАТ в Саратове в годы
Великой Отечественной войны)**

17 июня 1941 года открылись гастроли Московского Художественного театра в Минске, а 22 июня началась Великая Отечественная война. Выдающийся актёр МХАТа П. В. Массальский в своих записных книжках в 1944 году вспоминает те страшные военные дни:

«23 июня картина изменилась. В городе пошли тревожные слухи. Многие учреждения срочно эвакуировались. Наше руководство запросило Москву. Ответ был: гастроли продолжать. И мы играли спектакль «Школа злословия» Р. Шеридана. Это было не только глупо, но, пожалуй, даже преступно. В тот вечер в театр, вмещавший 1500 зрителей, пришли 70–80 каких-то мальчишек и девчонок. Во время чудесного лирического дуэта О. Н. Андровской и М. М. Яншина «Голубок и горлица» были слышны разрывы снарядов зенитных орудий. Этот злополучный спектакль обошёлся театру недёшево. Из-за того, что мы не уехали двадцать третьего, мы потеряли имущества на 1,5 миллиона рублей и сами каким-то чудом остались живы. 24 июня в театр попала бомба.

25 июня МХАТ наконец прекращает гастроли и во главе с И. М. Москвиным покидает Минск. Актёры Московского Художественного театра в те дни показали образец героизма».

Как они добирались до Москвы? Пешком, попутным транспортом... В Москве они оказались только 29 июня. А

-
- Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Через всю жизнь пронёс увлечение искусством. Публиковался в журнале «Волга—XXI век».

15 октября 1941 года коллектив Художественного театра был эвакуирован в Саратов.

И вот МХАТ очутился в прифронтовом городе. В это время в Саратове работал оперный театр, работала драма. Где же играть москвичам? Они начали играть на маленькой сцене бывшего детского театра – ТЮЗа, который существовал до войны. С началом войны он был закрыт, поскольку в основном в коллективе театра были молодые актёры – они ушли на фронт.

А как играть? Декораций нет. Бутафории нет. И играли в сукнах. В оформлении чем-то помогли театр драмы и оперный театр. Но спектакли МХАТа, лучшего театра нашей страны, шли в Саратове. Открылись эти гастроли спектаклем «Анна Каренина». Выдающиеся мастера Художественного театра участвовали в этой постановке: Николай Павлович Хмелёв играл роль Каренина, Алла Константиновна Тарасова и Клавдия Николаевна Еланская – Анну Каренину, Марк Исаакович Прудкин и Павел Владимирович Массальский исполняли роль Вронского.

Премьера «Анны Карениной» в Художественном театре с А.К. Тарасовой в главной роли состоялась в 1937 году. В том же году с триумфальным успехом спектакль был показан в Париже.

Н. П. Хмелёв,

*М. И. Прудкин и А. К. Тарасова
в спектакле «Анна Каренина»*

В 1940 году главную роль в очередь с А.К. Тарасовой стала играть К. Н. Еланская.

К. Н. Еланская

В. К. Соболева – Анна Каренина

Моя мама в послевоенные годы рассказала мне, что видела обеих великих актрис в роли Анны в Саратове во время войны. Они обе были прекрасные, но совершенно разные. Маме ближе была трактовка роли К. Н. Еланской.

В 1938 году «Анна Каренина» была поставлена и на сцене театра драмы Саратова. Анну Каренину играла В. К. Соболева. В том же году спектакль с участием В. К. Соболевой с большим успехом был показан в Москве во время гастролей нашего театра. Крупный филолог и замечательный человек Ксения Ефимовна Павловская через много лет помогла мне в работе над театральной книгой «Знакомцы давние мои», написала изумительное предисловие к ней. Она рассказала, что видела в роли Анны всех трёх великих актрис – А. К. Тарасову, К. Н. Еланскую и В. К. Соболеву. Все они были незабываемы, играли вдохновенно. Ксению Ефимовну особенно пленила в этой роли Валентина Константиновна Соболева. Вот какие великие актрисы играли Анну Каренину в Саратове!

Готовя этот материал, я работал в нашем музее краеведения, видел и держал в руках программки Художественного театра сезона 1941–1942 годов, когда МХАТ играл на сцене нашего ТЮЗа. Мы не найдём в них фамилии О. Л. Книппер-Чеховой, В. И. Качалова, Л. М. Леонидова, М. М. Тарханова и других корифеев театра. Во время войны они вместе с В. И. Немировичем-Данченко были эвакуированы в Нальчик, а затем в Тбилиси. Не нашёл я имён А. П. Кторова, В. Н. Поповой, М. М. Яншина и некоторых других фамилий мастеров. Но почти

все блистательные актёры второго поколения Художественного театра играли в Саратове. А один из основателей театра И. М. Москвин был и его директором в военные годы, и играл свои великие роли в нашем городе: Луку в спектакле «На дне» и Хлынова в «Горячем сердце». Этот легендарный спектакль поставил К. С. Станиславский ещё в 1926 году. Роль главной героини Параши играла в Саратове первая исполнительница – К. Н. Еланская, а роль Гаврилы – замечательный актёр В. А. Орлов.

Несравненная О. Н. Андровская блистала в «Школе злословия» в постановке Н. М. Горчакова. Так важно было поднять жизненный тонус людей в эти страшные дни.

И. М. Москвин

О. Н. Андровская

Б. Н. Ливанов

В Саратове театр ставил и новые спектакли. Именно на сцене нашего ТЮЗа в 1942 году состоялась премьера спектакля «Кремлёвские куранты», подготовку которого начал В. И. Немирович-Данченко совместно с Л. М. Леонидовым и М. О. Кнебель. Мария Осиповна была в Саратове и завершила подготовку спектакля. А. Н. Грибов играл роль Ленина, Н. П. Хмельёв – инженера Забелина, его дочь Машу – С. С. Пилявская, а матроса Рыбакова – Б. Н. Ливанов.

В книге воспоминаний, рассказывая о пребывании Художественного театра в Саратове, Софья Станиславовна Пилявская поведала о поразительном случае, который произошёл с актёрами МХАТа. Два Бориса (Борис Ливанов и Борис Петкер) и один Николай (Николай Иванович Дорохин – муж С. С. Пилявской) как-то бродили по городу и очутились на товарной станции Саратов-2. В вагоне для перевозки заключённых они увидели друзей – драматургов Николая Эрдмана и Михаила Вольпина. Актёры Художественного театра предпри-

няли неслыханную авантюру: каким-то невероятным способом они выкрали из вагона своих друзей и привезли их в гостиницу «Европа», в которой жили мхатовцы. Пошли к И. М. Москвину и рассказали о своём «подвиге». Иван Михайлович не испугался, велел ждать его. Сам же отправился в соответствующие инстанции в Сером доме на улице Дзержинского.

Как же относились к Художественному театру в Саратове! Никаких репрессий не последовало: Н. Эрдману и М. Вольпину разрешили жить со мхатовцами. Мало того, Николая Робертовича даже лечили в госпитале – у него была на ноге жуткая гнойная рана. Два этих замечательных человека жили с актёрами МХАТа. Вольпин ночевал в номере художника В. Дмитриева, а Эрдман спал «валетом» на диване со своим другом Ливановым в номере Пилявской и Дорохина. Как тут не вспомнить роль Шваньди, сыгранную Б. Н. Ливановым в спектакле «Любовь Яровая»: Шваньдя, притворившись поручиком Курносовским, освобождает из тюрьмы своего друга!

Вот такой фортель на грани жизни и смерти ради друзей выкинули отчаянные мхатовцы в Саратове.

*Б. Г. Добронравов –
царь Фёдор*

*Б. Н. Ливанов –
Шваньдя*

*А. К. Тарасова –
Маша («Три сестры»)*

Конечно, шёл и легендарный спектакль, поставленный в 1940 году В. И. Немировичем-Данченко, «Три сестры» А. П. Чехова. На сцене ТЮЗа в спектакле играли почти все первые исполнители. Любопытная деталь. Когда через много лет я писал театральную книгу и работал в архивах театра юного зрителя, то обнаружил папку с материалами о спектакле «Три сестры», поставленном в нашем театре Ю. П. Киселёвым в 1954 году. В эту папку были вложены фотографии исполнителей мхатовского спектакля, а на обложке рукой Юрия Петровича написано: «Хранить вечно!»

Выдающийся мастер Художественного театра Борис Георгиевич Добронравов по семейным обстоятельствам прибыл в Саратов только в январе 1942 года. До этого ему пришлось быть на Урале. В Нижнем Тагиле в местном театре он поставил и сыграл заглавную роль в спектакле «Царь Фёдор Иоаннович» А. К. Толстого. По приезде в Саратов он играл царя Фёдора, Ваську Пепла («На дне») и Наркиса («Горячее сердце»). В Саратове начались репетиции спектакля «Русские люди», где в дальнейшем он необыкновенно сыграл капитана Сафонова, а фельдшера Глобу удивительно играл А. Н. Грибов. Премьера этого спектакля по пьесе К. М. Симонова состоялась в 1943 году уже в Москве.

В июле 1942 года из Саратова Художественный театр был на несколько месяцев отправлен в Свердловск, а в ноябре 1942 года вернулся в Москву.

Читателей журнала, возможно, удивит, что, говоря о мастерах МХАТа в Саратове, я ни слова не написал о моей любимой актрисе А. О. Степановой. Объяснение простое: я прекрасно знал, что её не было в нашем городе во время войны. Весной 1941 года она тяжело заболела (в первый раз не смогла поехать на гастроли в Минск) и не была позже эвакуирована с театром в Саратов. С семьями писателей и поэтов она была в дальнейшем отправлена в Чистополь. Она руководила местным театральным коллективом, в котором участвовали любители, члены семей писателей и оказавшиеся в городе актёры. Ставила спектакли и, конечно, играла в них. Так что и в Чистополе светился ещё один «огонёк» искусства Художественного театра во время войны.

О пребывании Анжелины Осиповны в Чистополе интересно написано в книге «Чистопольские страницы», которую мне довелось прочитать.

Как-то Анжелина Осиповна рассказала мне (об этом вспоминал и В. Я. Вульф), что во время эвакуации в Чистополь на одной из стоянок поезда она вдали у одного из вагонов увидела необычно одетую женщину. Она была в потрёпанном, старом платье явно французского покроя (Степанова прекрасно знала, как одевались женщины в Париже, когда была там на гастролях МХАТа в 1937 году). Она узнала в этой женщине Марину Ивановну Цветаеву, творчество которой так любила, хотела побежать к ней, обнять. Но поезд тронулся. В Чистополе Цветаевой не оказалось. И только позже до неё дошло известие о трагедии в Елабуге. Всю жизнь Анжелина Осиповна горько сожалела: окажись Марина Ивановна в Чистополе – может быть, Степанова смогла бы помочь ей в эти жуткие дни.

К своему театру Анжелина Осиповна присоединилась уже в Свердловске, а вскоре возвратилась в Москву. Вернулись в столицу и корифеи театра.

В. И. Немирович-Данченко успел выпустить свою «лебединую песню» – спектакль, поставленный по пьесе М. А. Булгакова о Пушкине «Последние дни». А. О. Степанова незабываемо сыграла в нём Наталью Николаевну Пушкину. В теле- и радиозаписях сохранился удивительный рассказ актрисы о репетиции с великим Мастером: нака-

нуне генеральной репетиции Владимир Иванович не побоялся сказать актрисе, что «всё не то», и заново пересмотреть решение роли актрисой. «Вы должны сыграть не порхающую по жизни светскую красавицу, а **жену Пушкина**», – сказал ей постановщик спектакля, владеющий секретами режиссуры. В те годы трактовать так глубоко образ Натальи Николаевны было не принято. Это сейчас мы узнали, какой необыкновенной женщиной была Наталья Николаевна. А ведь сам Александр Сергеевич завещал потомкам уважать и любить её.

После возвращения в Москву В. И. Немирович-Данченко сумел сделать, казалось, невероятное: в суровые военные годы, в 1943 году, добиться открытия школы-студии Художественного театра! В том же году Владимира Ивановича не стало. В память о нём ВУЗу было присвоено его имя.

А. О. Степанова и С. С. Пилявская
(«Последние дни»)

В. А. Орлов
(«Золотая карета»)

Я, конечно, не видел спектаклей Художественного театра в Саратове во время войны. Впервые попал в него и полюбил на всю жизнь этот театр в 1956 году, подробно рассказал об этом в моей театральной книге.

Военная тема была ярко отражена и в спектаклях послевоенного времени. Никогда не забуду великого Василия Александровича Орлова в роли полковника Берёзкина в «Золотой карете» Л. Леонова! Красавец, высокого роста, с военной выправкой, мужественный человек, в душе которого война оставила неизгладимый след. Суровые, строгие и вместе с тем добрые и печальные глаза его зорко замечали всё происходящее, но смотрели часто куда-то мимо нас, в пережитое прошлое. Как это удавалось Василию Александровичу – загадка.

Завершая эту статью, не могу не сказать, что и театры Саратова в эти военные годы много сделали для фронта. Наши замечательные мастера театра оперы и балета (Г. В. Серебровский, О. П. Калинина, Е. В. Шумская, В. Т. Адашевский, В. А. Урусова, В. А. Дубровина) не только выступали на сцене, но выезжали в составе фронтовых бригад. Великий мастер Глеб Владимирович Серебровский был ещё и художественным руководителем театра в годы войны.

Г. В. Серебровский

О. П. Калинина

А замечательные мастера театра драмы – И. А. Слонов и В. К. Соболева, С. М. Муратов и П. А. Карганов, Н. А. Гурская и А. Г. Василевский, А. Н. Стрижова и Д. Ф. Степурина и другие играли в спектаклях, выезжали с фронтовыми бригадами, выступали в госпиталях и т. п.

Во время войны в Саратове вновь открылся театр юного зрителя, ныне носящий имя Ю. П. Киселёва. Его создавали в самый разгар войны Ю. П. Киселёв со своими единомышленниками – композитором Е. П. Каменоградским, актёрами А. И. Щеголевым, С. А. Фоминой и другими. Саратовский ТЮЗ принял эстафету великого Художественного театра, игравшего в 1941–1942 годах на этой сцене. Для меня лично эти два театра стали самыми любимыми на всю жизнь.

И. А. Слонов

Ю. П. Киселёв

**Анна
МОРКОВИНА**

БИБЛИОТЕКА М. И. РУДОМИНО

3 июля 2015 года состоится юбилей человека, имя которого носит Всероссийская библиотека иностранной литературы (ВГБИЛ) – Маргариты Ивановны Рудомино, ровесницы XX века, родившейся 115 лет назад. Её называли «легендой библиотечного дела» России.

На склоне лет М. И. Рудомино написала подробную книгу о своей жизни, под названием «Моя библиотека». Книга вышла в издательстве «Рудомино» при ВГБИЛ в 2000-м году и сразу стала библиографической редкостью.

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В настоящее время – аспирантка Московского государственного университета культуры и искусств. С 2002 года – заведующая Пушкинским сектором Областной библиотеки для детей и юношества им. А. С. Пушкина. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Волга–XXI век», «Новый Ренессанс», в альманахах «Озарение», «Библиотека Русского Стиля», коллективных сборниках стихов и научно-практических конференций. Автор книги стихов «Занятия не по расписанию» (2007). Член Союза журналистов России с 2014 года. Живёт в Саратове.

...Но всё-таки сначала несколько официальных строк о юбиларе.

В первые годы советской власти, когда для интеллигенции настали не самые лучшие времена, чрезвычайно важно было воспитать нового читателя и сохранить духовное наследие России в совершенно новой форме.

Маргарита Рудомино, человек немислимо прочной закалки, воспитанная в высокодуховной семье, сумела не просто прожить долгую жизнь в России и Советском Союзе. До последних дней она служила книге, гуманному делу просвещения, укреплению интернационализма. Именно теперь, когда кажется порой, что мир разваливается на куски, издание таких биографий необходимо – про каждую можно сказать, что это краеугольный камень нашей истории.

Книга рассказывает о ярких, знаковых событиях, связанных с культурой страны и с ИФЛА – Международной федерацией библиотечных ассоциаций, вице-президентом которой была во второй половине века Маргарита Ивановна Рудомино. Посол советского библиотековедения за рубежом, она привлекла в «Иностранку» многих современников. Наделённая выдающимися дипломатическими способностями, она налаживала прочные культурные связи России со многими странами, и именно по её инициативе с 1992 года ЮНЕСКО решила проводить «Международные годы книги».

Отдавая всю себя работе, Маргарита Ивановна говорила, что у неё три ребёнка – Библиотека, Адриан и Марианна. И каждый раз, направляясь к огромному зданию ВГБИЛ на Николоямской улице в Москве, проходя через дворик со скульптурной группой великих писателей (для меня самый интересный – Джеймс Джойс), я понимаю: именно так и было. Нелюбимый ребёнок никогда бы так не расцвёл.

Я листаю эту книгу очень трепетно – многие страницы связаны с Саратовом, моим родным волжским городом. Здесь прошли детство и юность Маргариты Ивановны Рудомино. Особенно трогательно читать её воспоминания об этих годах, написанные Маргаритой Ивановной тепло и безыскусно.

Начинаются воспоминания фотографией мамы – Элеоноры Яковлевны. На фотографии – пометка: «1914, Саратов».

Маргарита Рудомино вспоминает своё детство без труда, со множеством подробностей и мельчайших нюансов. Настолько образно, что легко возникают в воображении старинный Белосток под Гродно, где в семье Элеоноры Кноте и Ивана Рудомино родилась маленькая Рита. Счастливое детство – игрушки и книги, «казаки-разбойники», прогулки на Неман... Хотя о любви в семье говорить было не принято.

Элеонора Яковлевна, старшая из детей Кноте, окончила пансион для молодых девиц в Риге, намеревалась учиться в Рижском музыкальном училище. Замуж вышла за молодого агронома Ивана Михайловича Рудомино. Трудно понять, был ли удачным сей союз, но, во всяком случае, Маргарита Ивановна вспоминает свой дом как постоянно действующий «центр уездной интеллигенции». У них было весело: мама любила музыку, шарады, вечно затевала творческие игры с молодёжью. Элеонора Яковлевна окончила вдобавок и педагогические курсы при Берлинском университете. Когда мужа перевели по службе в Саратов в 1905 году, тоже получила назначение – преподавателем немецкого языка в Первой саратовской женской гимназии.

15-го февраля 1913 года
Заль Народной Аудиторіи
Э. Я. РУДОМИНО
сделает сообщение на тему

**Правописание на фонетической
основѣ, т. е. на основѣ звука.**

1. Современное состояние преподавания правописания.
2. Психологическая основа письма. Значение глаза для письма. Значение зрения для письма. Значение оптического представления для письма. Значение оптического представления для письма.
3. Углублённые дидактические требования. Фонетическая основа письма. Письмо — социальное действие. Составление группы слов.
4. Списание. Максимальное письмо.
5. Общие выводы. Дидактические требования. Методические мероприятия.
6. Письменные упражнения.
7. Диктанты. Подготовка диктанта. Ориентальное издание пробного диктанта. Пользительное значение объяснительного диктанта. Диктанты как общее средство упражнений. Образовательное значение диктанта.
8. Исправление письменных работ.

Начало в 7½ час. веч. § Входъ бесплатный.

Маргарита Ивановна вспоминает о матери как о талантливом педагоге. Развитию педагогического таланта способствовали и прирождённая интеллигентность, и курсы при Сорбонне в Марбурге, и, вероятно, независимый характер. Многие ученицы Первой саратовской гимназии научились свободному владению немецким языком. Свои уроки Элеонора Рудомино подкрепляла сведениями из области живописи, архитектуры, музыки – будь то Кёльнский собор или «Лесной царь» Гёте. Каждый урок превращался в увлекательное представление. Её вполне можно считать педагогом-новатором, так как Рудомино была сторонницей «натурального метода» обучения иностранным

языкам. Её доклады в Москве в 1912–1913 гг. на Первом Всероссийском съезде преподавателей иностранных языков – «Сущность натурального метода и его психологическое обоснование» и «Правописание на основе звука» – были опубликованы и взяты на вооружение коллегами из других городов.

Элеоноре Яковлевне удалось добиться введения в Первой женской гимназии педагогических классов (начиная с 8-го), выпускницы которых имели право преподавать в начальной школе. Такие классы были в Москве и Петербурге, но в провинции это действительно стало новаторством.

С подачи Э. Я. Рудомино в Саратове было организовано Общество преподавателей иностранных языков. Собрания Общества проходили в доме, где жила семья Рудомино. Иван Михайлович нервничал, переживая, что полиция заведёт «политическое дело» на молодых педагогов. Но даже «строгие намёки» со стороны органов власти не охладили пыл энтузиастов. Общество распалось само через три года.

Рита Рудомино виделась с матерью не только дома, но и в гимназии. Училась она с удовольствием и была окружена подругами, с которыми ходила на музыкальные вечера, в театры, делилась заветными тайнами...

В книге М. И. Рудомино подробно описывается дом, где они с родителями жили до смерти мамы – это дом купца Горина на Приютской, 42 (ныне – угол улиц Комсомольской и Московской). Ныне на доме есть табличка Общества охраны памятников, он прекрасно сохранился.

Вот страницы воспоминаний Маргариты Рудомино о доме: «Осенью 1913 года, за год до войны, мы переехали на новую квартиру – на Приютской, 42. Квартира была приготовлена к свадьбе старшей дочери владельца дома Горина, которая выходила замуж за сына М. С. Кузнецова, владельца фарфоровых предприятий «Т-ва М. С. Кузнецова». Однако хозяин дома разорился, и мама сняла эту барскую семикомнатную квартиру с садом и террасой. С младшей дочерью Горина я поступала вместе в приготовительный класс гимназии и сидела за одной партой до отъезда Гориных в Барнаул, где скрывался от кредиторов Горин. В этой большой квартире у нас с Надей были отдельные комнаты, у тётки – тоже, у родителей – большая спальня, у мамы – свой кабинет, большая гостиная, с розовыми шёлковыми обоями. В общем, уютная, комфортабельная, интеллигентная квартира.

В 1960-х годах мы с мужем были в Саратове и зашли в квартиру на Приютской, 42, где некогда я прожила два года и где умерла мама. Полное разрушение дома и сада. И мне было неловко перед Василием Николаевичем за то, что он мог подумать, что мой рассказ о роско-

ши этой квартиры в дореволюционное время – выдумка. Зашли внутрь квартиры: на семи дверях – семь замков. Типичная коммуналка».

Для саратовцев глава «Моя судьба была predeterminedena...» из книги Рудомино близка и понятна, несмотря на небольшие неточности, которые мог допустить знаменитый директор столичной библиотеки, занятый масштабными проблемами.

Так, в пересказе событий лета 1914 года появляется Лесная Ниловка (на самом деле – Лесная Неёловка), где Риту во время каникул застигла весть о начале войны. Элеонора Яковлевна писала дочери большие письма, сперва поздравляя её с днём рождения, но уже через три недели сообщая горестные вести. Мать предполагала нанять дочери хорошего репетитора по французскому языку, планировала водить

на уроки музыки к «m-m Дроздовой», чтобы были шансы поступить в консерваторию... При этом подробно рассказывала о корректуре готовящейся в печать методической книги. Были также планы вместе с сестрой Екатериной Яковлевной выкупить Третью женскую гимназию Храмцовой... Всеми помешали начавшаяся война, а затем и смерть талантливого педагога.

Элеонора Яковлевна скоропостижно скончалась ещё молодой, в 36 лет. Похоронена она на лютеранском кладбище Саратова. В газете «Саратовские вести» от 23 апреля 1915 года появился некролог известного петербургского лингвиста А. Милицыной «Памяти умершего товарища». Она писала и о характере, и о новаторстве учительницы из Саратова, много сделавшей для методики обучения иностранным языкам.

К сожалению, запомнила Маргарита и ссоры между родителями. Девочка боялась назревавшего развода и распада семьи. Возможно, как это часто бывает, родители «не сошлись характерами». Иван Михайлович Рудомино, представитель древнего дворянского литовского рода, также владел несколькими языками, получил агрономическое образование и работал уездным агрономом. В 1910-х гг., перед войной, его деятельность была связана с Управлением земледелия и государственного имущества (учёный управитель), а затем с Крестьянским банком. Пришлось Ивану Михайловичу и в университете поработать – проректором по хозяйственной части. А с началом Первой мировой он ушёл на фронт и в звании полковника интендантской службы занимался обеспечением действующей армии фуражом и провиантом.

Иван Михайлович очень любил свою единственную дочь Риту, посылал ей письма и деньги, чтобы девочка продолжала учиться, прилично одевалась, могла сходить в консерваторию – Рита очень любила музыку. Но 1 апреля 1916 года в Тифлисе жизнь этого достойного человека оборвалась от сердечного приступа. Там и покоится его прах на лютеранском кладбище.

Так в 15 лет девочка осталась круглой сиротой.

Но не из одних горестей складывалась юность осиротевшей Риты. Она по-прежнему любила чтение, причём заметно повзрослела: если в четырнадцать лет она увлекалась Чарской, Желиховской и Лукашевич, то через год-полтора уже всю переписывала в тетрадь стихи Надсона, Тютчева и Фета; затем её стали интересовать уже совсем серьёзные Гюго, Диккенс, Доде, Лагерлёф, Писемский, Ростан, Островский, Шекспир, Тургенев, Толстой... Чтение скрашивало её досуг, формировало мировоззрение, утешало, вдохновляло. А затем любовь к книгам стала главным мотивом выбора её профессии – и судьбы.

Маргарита, кроме того, была большой любительницей классической музыки и несколько лет брала уроки фортепиано в Саратовской консерватории. В её дневнике (Conto-Buch) за 1916 год есть запись о посещении «множества концертов известных музыкантов, в основном пианистов – Сливинский, Розенберг, Скляревский, Эмиль Фрост, Сперанский и др. Из-за концерта знаменитого пианиста Боровского я пропустила Февральскую революцию 1917 года. А дело было так. У меня не было билета, и, чтобы попасть на концерт, я после заня-

тий в консерватории заранее спряталась в туалете концертного зала и стала ожидать прихода публики. Жду, жду... Наконец терпение моё кончилось, я вышла в фойе, а там тоже почти никого нет. Зал полупустой. Нервно послушала первое отделение. Концерт закончился рано. Пошла на выход. На мой вопрос, почему зал полупустой, швейцар ответил: «Девочка, да откуда ты свалилась? Какой там концерт?! Революция!» Это было 27 февраля 1917 года. Я вышла на Немецкую улицу (самый центр Саратова), она была полна народа. Все с красными бантами в петлицах, и все выкрикивали: «Свобода! Свобода! Долой царя! Долой войну! Хлеба!» Все обнимались, целовались. Я поняла серьёзность положения: свершилась революция.

Впрочем, литература, музыка и искусство продолжали занимать ум юной барышни, несмотря на политические пертурбации. Воображение Маргариты тогда будоражил кинематограф – фильмы с Верой Холодной, Иваном Мозжухиным, Анной Павловой (в воспоминаниях значатся фильмы «Роман балерины» и «Ледяной дом»), другими знаменитостями. На масленицу с кузиной Лёлей посещали драматический театр, в котором «...было бесподобно. Играли лучшие артисты: Слонов, Жвирблис, Гринёв, Рудина, Астахова, Смирнов, Смирнова и др. Какой был Слонов!!!» Эта эмоциональная запись сделана Ритой после просмотра спектакля «Соколы и вороны»; и эта пьеса, «по содержанию чудная», в очередной раз напомнила девушке о несправедливости земной жизни. В консерватории выступали поэты – Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Осип Мандельштам и Михаил Зенкевич, с которым Маргарита была немного знакома.

Высшие курсы иностранных языков в Саратове вела тётя Риты, Екатерина Яковлевна Кестер. Девушке приходилось помогать ей – например, расклеивать по городу объявления и преодолевать психологический барьер, чтобы не смущаться перед знакомыми. Затем добавились и другие виды работы: касса, бухгалтерия, секретариат, библиотека и частые замены в группах французского языка. Успех Высших курсов был такой, что тётушка могла арендовать здание Первой мужской гимназии на вечерние часы. А племяннице было официально разрешено посещение консерватории и театра – лишь бы она не отказывалась помогать.

После 9-го класса независимая Маргарита решила вести самостоятельную, взрослую жизнь. Прежде всего для неё это значило – начать работать и встать на ноги. Первыми шагами стали уроки рукоделия. Но вязать крючком для Риты оказалось сложнее, чем решать математические задачи. Помог случай: её взяли на место библиотекаря в реальное училище, где некогда работала Элеонора Яковлевна.

Как признаётся Маргарита Ивановна, эта случайная должность и сделала её на всю жизнь библиотекарем. Поскольку библиотечному делу пришлось учиться с чистого листа, она радовалась, что в 1920 году удалось окончить курсы библиотекарей при Саратовском университете. Своим первым учителем-библиотековедом она считает бывшего директора Варшавского и Петербургского политехнических институтов Евгения Наркисовича Добржинского.

Библиотечное дело в Саратове в первые годы советской власти было поставлено на новые рельсы. В 1918 году Юрий Матвеевич Соколов, директор Исторической библиотеки, организовал совещание саратовских библиотекарей. Маргарите Рудомино посчастливилось стать секретарём этого совещания, понравиться руководству и быть приглашённой в Москву.

К этому времени Екатерину Яковлевну сначала арестовали, потом выпустили, затем она вступила в Коммунистическую партию. Библиотеку, в которой работала Маргарита, перевели в здание Коммерческого собрания. Ужасными испытаниями стали тиф, голод, потеря ещё нескольких близких людей... Всё это Маргарите пришлось пережить, одновременно закаляя свой характер. Её уже знали в Наркомпросе, Клара Цеткин помогала получать ассигнации для развития курсов.

Один из последних эпизодов саратовской юности Маргариты Ивановны был связан со служебным заданием Губернского управления народного образования: привезти из Москвы в Саратов целый вагон новых книг. Их из-за революционных преобразований саратовцы не получали уже давно. Каждый день, по воспоминаниям М. И. Рудомино, приходилось бегать в «Центропечать». Но, и получив железнодорожный вагон для перевозки литературы, девушка не могла успокоиться, пока не доставила книги в Саратов. Вот как пишет об этом мемуаристка: «На товарной станции старый проводник мне сказал: «Девушка, милая, неужели вы не понимаете, что живой до Саратова вы не доедете? Ведь сейчас с фронта домой едут солдаты. Выбросят эту самую вашу печать, и вы ничего не сможете сделать. Тут нужно, по крайней мере, двух мужчин с наганями. Я ему объяснила, что помощников у меня нет. Он сжалился надо мной: «Ну, давайте я возьму вас под свою опеку, но смотрите: не выходить, не топить и не показываться. Я вас закрою в вагоне на замок. Вот вам кусок сала, хлеб и вода, если замёрзнет – ничего не поделаешь. Сколько ехать будем – не знаю. Может быть, и неделю». На моё счастье, запертой я ехала только двое суток, больше бы я не выдержала. Я довезла книги в целости! Радость саратовцев была огромна. Они получили свежие номера журналов, новую литературу, брошюры».

Так, с 1918 года началась профессиональная деятельность Маргариты Ивановны Рудомино.

О том, как была организована Библиотека иностранной литературы, Маргарита Ивановна оставила подробные воспоминания. Весной 1921 года Маргарита Рудомино получила приглашение переехать в Москву и приступить к созданию библиотеки для Неофилологического института, который был на стадии становления. Несмотря на её «внутреннюю борьбу», она была очень рада приглашению.

Летом 1921 года она писала в Саратов подругам (в частности, любимой подруге Мусе Минкевич): «...сегодня мой день рождения, 21 год (старая дева по-настоящему) (...) Здесь я остаюсь по-настоящему. Когда я подумаю, Саратов или Москва, то хочется рассмеяться. Какие могли быть сомнения».

Приказом Главпрофобра Наркомпроса РСФСР от 27 июня 1921 года Маргарита Ивановна была назначена заведующей библиоте-

кой Неофилологического института. Закипела работа по набору верных, преданных библиотечному делу «кадров», оборудованию самого здания института и библиотеки. Не так-то просто было поначалу устроить всё «по уму». Бывали и моменты отчаяния, когда казалось, что «нужное, полезное, интересное начинание советской культуры медленно умерло», и новоиспечённая заведующая библиотекой почувствовала себя «единственным «наследником», вернее, владелицей шкафа с сотней книг, гербовой печатью и архивом несостоявшегося учреждения». Не было отопления, света, мебели... Но не было и дороги назад.

Рудомино неоднократно приходила в Наркомпрос и доказывала, что библиотека может существовать отдельно: иностранные языки нужны очень многим! Её убеждали: «Девочка, ты пойми, что у нас сейчас голодное, холодное время. Люди не знают русской грамоты, а ты с иностранными книгами пристаёшь!» И снисходительно поясняли, что часть (библиотека) без целого (института) существовать никогда не сможет. Рита задумчиво подошла к столу, где стоял массивный чернильный прибор, и взяла в руки одну чернильницу: «Вот, смотрите! А вы говорите – не может!» И оказалась права в своей настойчивости.

Один из чиновников Главпрофобра внёс-таки в список учреждений Неофилологическую библиотеку, снабдив припиской: «опытно-показательная». С того момента и началось возведение её Библиотеки – той, что впоследствии стала Библиотекой иностранной литературы имени М. И. Рудомино.

Но Маргарита Ивановна не справилась бы, не будь рядом самоотверженных и преданных друзей-читателей, среди которых оказался, например, Корней Чуковский. Он писал о том, как «исхудавшая, изящная девочка с распухшими пальцами» стерегла в нетопленном помещении редкие, ценные книги, чтобы в голодной Москве ими могли воспользоваться те, кому это было нужно.

Кстати, «первоосновой будущего уникального фонда по языкознанию и методике преподавания иностранных языков» стала коллекция учебных пособий матери Маргариты Ивановны, Элеоноры Яковлевны Рудомино, хранившаяся в Саратове. Именно тот самый ореховый книжный шкаф с маминими книгами, который был бережно перевезён в контейнере в Неофилологическую библиотеку, а затем в «Иностранку», и хранился там до ухода М. И. Рудомино на пенсию.

Библиотека иностранной литературы, созданная М. И. Рудомино, стала одним из значимых культурно-просветительских центров Москвы. Сюда приезжали такие знаменитости, как Луи Арагон, Мартин Андерсен-Нексё, Анри Барбюс и многие другие передававшие зарубежные издания в дар советским читателям.

Военные годы для Маргариты Рудомино и её семьи, как для всех остальных, стали непростыми. И в военное время в биографии директора «Иностранки» были эпизоды, связанные с Саратовом.

С первых же дней войны Библиотека (Маргарита Ивановна пишет это слово с большой буквы – **А. М.**) стала антифашистским центром контрпропаганды. У них была группа волонтёров – старшекурсни-

ков Института иностранных языков, помогавших и в библиотечной, и в организационной работе. Маргарита Ивановна гордилась, что «Иностранка» существенно помогала ПУРу (Политуправлению Красной Армии), помогала также Совинформбюро, Генштабу и другим важным организациям. В Библиотеке создавались методические пособия по изучению немецкого языка в помощь разведчикам, можно было познакомиться со свежими материалами в периодике, и многое другое.

О работе ВГБИЛ в 1941 году написана статья Корнея Ивановича Чуковского «Книги и бомбы», которую Маргарита Ивановна приводит полностью в своей книге¹.

«В первую минуту вам кажется, что вы за границей. Всюду звучит французская, английская речь. Кругом тысячи книг на любом языке. Посреди комнаты – невысокая стойка. Люди подходят и просят:

- Пожалуйста, «Историю Сирии».
- Нельзя ли «Записки Ллойд-Джорджа»?

И на стойке вырастают холмы французских, английских, норвежских, чешских журналов, брошюр и книг. Вы идёте в соседний зал. По стенам – словари, энциклопедии, справочники на всех языках – всевозможные Ларуссы и Брокгаузы. Сверху, словно с неба, благосклонно взирают на вас Сервантес, Шекспир и Гёте. За длинными столами какие-то прилежные люди склоняются над страницами книг, изданных в Лиссабоне, в Нью-Йорке, в Амстердаме, в Мадриде, в Торонто...

Это – Московская библиотека иностранной литературы. И те «иностранцы», которые бойко говорят между собой на языках Европы и обеих Америк, – русские студентки, красноармейцы, педагоги, актёры...

(...) Так готовила библиотека для себя новые кадры читателей.

Иные библиотеки бывают похожи на чинные кладбища книг. Эта московская библиотека больше всего напоминала мне бурно работающую, кипучую фабрику. На основе прекрасного наследия прошлых веков здесь творилась новая литература. Каждый цех этой фабрики работал упорно и страстно (...)

Сейчас пришёл сюда посмотреть новую библиотечную выставку. Выставка посвящена семидесятипятилетию со дня рождения Герберта Уэллса. Здесь на особом стенде демонстрируются первые издания «Машины времени», «Чудесного визита», «Пищи богов» и т. д. И тут же в виде виньетки на той же стене – великолепные щипцы для тушения зажигательных бомб. Под портретом Уэллса – не пальмовые гирлянды, не букеты цветов, а вместительный ящик с песком для тех же пожарных надобностей.

Библиотека работает прежними темпами. Вот юноша зарылся в чашу книг и делает какие-то выписки. Это – пылкий литературовед Балашов. Он работает над диссертацией.

Рядом пышноволосяя Ирина Бухтеева. Музыковед. Пишет многолетнее исследование «Песни Шумана на тексты Гейне». Но теперь перед ней не стихи и не ноты, а какая-то картонная модель.

¹ Статья «Книги и бомбы» была опубликована 9 октября 1941 г. в газете «Вечерняя Москва». Здесь текст дан в сокращении.

– Что это?

– Сухой огнетушитель «Тайфун». Изучаю конструкцию. Сегодня я дежурю в пожарной бригаде.

(...) Я шагнул к столу, где выставлены английские и американские новинки, но споткнулся и чуть не упал: пожарный резиновый шланг незаметно растянулся у порога, как бы желая напомнить, что всем этим Гейне и Байроном, всей мировой культуре гуманизма ежеминутно угрожают фашистские бомбы.

Не удивляйтесь, если по вторникам, четвергам и субботам вы увидите у книжных шкафов каких-то незнакомок со слоновьими хоботами: в эти дни все библиотекари работают в противогазовых масках, облаченные в комбинезоны пожарных.

В вестибюле две новые выставки: «Антифашистская литература всех народов» и «Высказывания писателей мира о Великой Отечественной войне». Здесь и Эрскин Колдуэлл, и Катарина-Сусанна Причард, и Жан-Ришар Блок, и Эптон Синклер, и Клиффорд Одетс. Рядом – широкий пожарный бочонок, налитый доверху водой, ведра, лопаты, разноцветные мешочки с песком и опять-таки резиновый шланг...»

Немаловажная для саратовцев деталь, которой делится М. И. Рудомино: в 1941 году лучшая часть книжного фонда (редкие книги, другие ценные коллекции) была эвакуирована вместе с ценностями из музеев Москвы в Хвалынский. «Книги сопровождали три сотрудницы, – пишет она. – Позже, в связи с приближением фронта к Сталинграду, книги и музейные ценности были перевезены за Урал».

Трудно представить, как Маргарита Ивановна, яркая, самобытная и очень масштабная личность, сумела не просто уцелеть – сумела сохранить своё детище – Библиотеку – в лихолетье, как всегда, остающуюся на немислимой высоте, восхищающую и российских, и зарубежных её читателей. Уцелела и её семья...

«16 октября я вместе с мужем (Василием Николаевичем Москаленко. – А. М.) была вынуждена уехать из Москвы. С 1939 года я была членом партии и, конечно, представляла, что со мной будет, если немцы возьмут Москву. К этому времени большинство сотрудников Библиотеки были эвакуированы. Мы выехали в Саратов, куда ранее были вывезены наши дети... Пятилетняя Марианна находилась под Саратовом в эвакуированном туда из Москвы детском саду Наркомпроса. Анна Ивановна (няня. – А. М.) там же работала, а Адриан жил у моей подруги Муси Минкевич. Когда мы с мужем приехали в Саратов, нам дали маленькую квартиру в общежитии Саратовского государственного университета (СГУ), и мы опять оказались все вместе. Огромную поддержку мне оказали мои саратовские друзья – Муся Минкевич и директор научной библиотеки СГУ Вера Александровна Артисевич, с которой я познакомилась в конце 1930-х годов на одном из библиотечных совещаний в Москве. Наша дружба особенно окрепла в Саратове во время войны...»

Конечно, семья Маргариты Ивановны старалась держать связь с родными и близкими, оставшимися в Москве или заброшенными в другие города. Иногда в Саратов приходили письма такого содержания: «Ночи научились спать спокойно, ибо постепенно выработали

в себе презрение к смерти и решили, что смелого пуля боится, смелого смерть не берёт». Это отрывок из письма Марии Николаевны, сестры В. Н. Москаленко, от 11 января 1942 года. Письма, где на нескольких страницах уместилась история целой семьи в тяжёлое военное время...

Деятельной Маргарите Ивановне трудно было усидеть на месте и в Саратове. «В январе 1942 года я послала из Саратова в Совет Народных Комиссаров РСФСР докладную записку и проект Постановления СНК РСФСР о массовом распространении иностранных языков среди трудящихся Республики в военное время», – сообщает она. В письме, адресованном в Совнарком, она предлагает создать в Саратове филиал Библиотеки иностранных языков. Указан точный обратный адрес на конверте: «улица Цыганская, д. 144, кв. 91»².

В январе 1942 года М. И. Рудомино предложила саратовскому руководству организовать в нашем городе публичную библиотеку иностранной литературы. Получив поддержку Саратовского обкома ВКП(б), она уже подготовила проект постановления... Но планы остались нереализованными: Маргарита Ивановна в феврале 1942 года вернулась в Москву и возобновила работу в своей Библиотеке.

А о новых замыслах она делилась (уже в письмах) с Верой Александровной Артисевич.

Так получилось, что семье Рудомино ещё некоторое время не удалось воссоединиться: Василия Николаевича, работавшего в 1942–1943 гг. в издательстве Госплана, начальство не отпускало в Москву. Он остался в Саратове, и его быстро «уплотнили» в квартире на Цыганской. Маленькая Марианна с детским садиком и няней была отправлена в Пермскую область. А Адриан, вернувшийся в столицу, поступил в Московский авиационный институт (МАИ), начал работать в мастерских по ремонту сбитых самолётов. Но осенью 1942 года все первокурсники были призваны в армию. Пришлось окончить Военное училище химзащиты и отправиться на фронт. Адриан был направлен на 1-й Белорусский, в 65-ю армию генерала Батова. Он освобождал Минск и Варшаву, участвовал в Берлинской операции, был награждён орденами и медалями. Демобилизовался Адриан Васильевич лишь в начале 1947 года.

Однако Саратов не отпускал Маргариту Ивановну. Уже в апреле 1943 года ей выписали командировку в Покровск (Энгельс), являвшийся столицей ликвидированной Автономной Республики немцев Поволжья, выселенных в 1941 году. «Я должна была решить судьбу оставшейся городской библиотеки Республики немцев Поволжья. Было решено передать её фонды в городские библиотеки целого ряда провинциальных городов».

Столь же важной является деятельность Маргариты Ивановны Рудомино, продолжившаяся непосредственно в Германии уже в первые послевоенные дни. О ней можно узнать из главы «Книги войны», насыщенной документальными материалами – письмами и дневниковыми записями, сделанными Маргаритой Ивановной за границей.

² Ныне – улица Кутякова.

Возможно, многие удивятся, что к 1945 году Маргарита Ивановна Рудомино получила звание подполковника. Обладая уникальными организаторскими способностями, она во многом помогала Красной Армии, Генштабу. Она действительно могла бы командовать полками! Но её жизненной задачей было не воевать, а созидать, возводить культурные мосты. Маргарита Ивановна была чрезвычайно горда, что 4 мая 1945 года получила приказ: Главным политическим управлением Красной Армии и Комитетом по культурно-просветительским учреждениям при СНК РСФСР (будущее Министерство культуры. – А. М.) она направлялась в Германию. Уже назрел вопрос о возмещении потерь советских библиотек во время войны, и Маргарита Ивановна отправилась организовывать транспортировку книг в Советский Союз. Уже 6 мая она прилетела в Берлин, и Великий День Победы встретила на немецкой земле.

К счастью, в радостной суматохе первых мирных дней Маргарите Ивановне удавалось вести дневник и писать письма родным. Благодаря сотрудникам ВГБИЛ и А. В. Рудомино, эти уникальные документы опубликованы, а также подробно прокомментированы самим Адрианом Васильевичем, очевидцем и участником тех событий.

Письмо М. И. Рудомино из Берлина родным:

Берлин, 10 мая 1945

Родные мои, не могла узнать свою полевую почту, поэтому и не писала. Получили ли моё письмо от 6 мая с аэродрома? С Ринушкой³ не удаётся связаться, надеюсь на будущее.

Берлина нет, и сложно работать. Поверить трудно, что видим своими глазами. На машине едем по часу – и всего несколько целых домов. Если бы не жители, которые всё же имеются на улицах, то город – мёртвый, город руин. Что хотели, то и получили. Немцы – подобострастны, и все в один голос, что они ненавидели Гитлера. А когда их спрашиваешь, где же они были 12 лет – каждый говорит, что народ был под гипнозом, но всегда ждал его гибели. Трудно сейчас разобраться в них, но не веришь им.

В работе пока ничего утешительного. Много вывезено, много спрятано под руинами. Устаём зверски. Живём в дачной местности. Вечерами отдыхаем. Питаемся хорошо. (...)

Крепко, крепко вас целую.

Как Марианка?

Так она и не видела свою мать в военном.

М. »

Берлин, 14 мая 1945

«О Берлине я уже писала – его нет, есть только на окраинах. Но сейчас это такая приевшаяся картина, что обращаешь внимание, лишь когда удивляются новички. Немцы по-прежнему подобостраст-

³ Адриан Рудомино, сын М. И. Рудомино, воевал на севере Германии.

ничают и наперебой пытаются разъяснить дорогу. Всё они спрятали под землёй, приходится самим разыскивать (...) Побывавшие в Варшаве говорят, что здесь ещё хуже, но чтобы поверить – надо самому видеть».

Маргарита Ивановна постоянно тревожилась за сына, воевавшего на севере Германии в 1945 году и долго не откликавшегося на её письма. «К Адриану не удаётся поехать, слишком занята, не могу даже заикнуться об этом. В каждом высоком юноше в пилотке я вижу его. Хочу себя успокоить, но это не всегда удаётся...» И всё-таки «голос рассудка», надежда, что сын жив, с ним всё благополучно, заставляли её не опускать руки и заниматься столь важным библиотечным делом.

Радостная встреча матери и сына произошла в июне 1945 года в Берлине и, конечно, была запечатлена на фотокарточке. Встреча с дочерью Марианной состоялась гораздо позже. Маргарита Ивановна вернулась домой только в ноябре 1946 года.

Справедливости ради стоит привести и выдержки из комментариев Адриана Васильевича. Он даёт оценку событиям 1945–1946 гг. с позиций сегодняшнего дня, стараясь, чтобы «сыновняя привязанность» не могла «существенно повлиять на объективность изложения».

«Судьба перемещённых во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы российских и германских культурных ценностей, в том числе и книг, очень волновала маму и до сих пор продолжает волновать и россиян, и немцев (...)

Вопрос о компенсации потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, в том числе и культурных ценностей, включая книги, был важнейшим в конце войны и в первые послевоенные годы. В годы войны на территории Советского Союза, оккупированной германскими войсками, погибли миллионы книг и тысячи библиотек (по некоторым оценкам, 180 млн томов и 50 тысяч библиотек). Специальные нацистские команды вывезли в Германию из оккупированных районов Советского Союза 4,5 млн томов (данные немецкой стороны), в том числе большое количество русских первопечатных книг и рукописей. Ценнейшие книжные раритеты были вывезены из Новгорода, Пскова, пригородных дворцов Ленинграда, не говоря уже о музейных ценностях. Поэтому совершенно естественным было требование: Германия должна возместить потери. Союзники поддерживали в этом вопросе нашу страну. Уже в начале февраля 1945 года Крымская конференция глав правительств трёх союзных держав во Второй мировой войне приняла решение о взыскании с Германии репараций.

В конце февраля был создан Особый комитет при Государственном комитете обороны (ГКО), который возглавил Сталин. Основной целью деятельности Особого комитета был вывоз по репарациям оборудования и материалов из оккупированных советскими войсками территорий Германии и её союзников. Аппарат Уполномоченного Особого комитета по Германии состоял из представителей отдельных министерств и ведомств СССР и РСФСР, которые должны были заниматься репарационными поставками из Германии по профилю своих организаций. Несколько раньше, в феврале 1943 года, в Москве

был создан Государственный фонд литературы (Госфонд литературы) с филиалом в Ленинграде. Деятельность Госфонда была направлена на возмещение потерь библиотек, пострадавших во время войны. С 1945 года Госфонд литературы занимался приёмом книг, вывозимых из Германии.

В этих условиях совершенно естественным было решение Маргариты Ивановны Рудомино как директора Государственной библиотеки иностранной литературы поставить перед Главным политическим управлением Красной Армии (ГлавПУРККА) и Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Народных Комиссаров (СНК) РСФСР вопрос об охране книг в Германии от последствий военных действий и о передаче ГЦБИЛ трофейной литературы по её тематике.

(...) Направление Маргариты Ивановны в Германию для вывоза книг, безусловно, было не случайным. Помимо того, что к тому времени она уже 24 года руководила ГЦБИЛ, которая занималась иностранной литературой, а к тому же в 1928 году, будучи в служебной командировке в Германии, в течение месяца изучала структуру и деятельность германских библиотек. Впоследствии в конце войны мама и сотрудники ЦГБИЛ провели большую работу по изучению немецких библиотек. Маргарита Ивановна свободно говорила по-немецки, даже с берлинским акцентом, чем всегда удивляла немцев, и хорошо знала немецкую культуру и литературу.

Вскоре стало ясно, что в связи с бомбардировками Берлина и других германских городов основные библиотеки эвакуировали свои книжные фонды. Их разбросали по всей стране, и часть попала в Польшу. Эвакуированные книжные фонды оказались в сельской местности, в маленьких городах, в подвалах средневековых замков, в пещерах и шахтах, в подземных складах. Оставшиеся в Берлине частично сгорели или оказались погребены под руинами библиотек, в затопленных подвалах и бункерах. Книги были бесхозными, они валялись везде, по ним ходили, им грозили дожди, они расхищались местным населением. В этих условиях первоочередной задачей Маргариты Ивановны было спасти те книги и книжные коллекции, которые могли погибнуть, находясь под развалинами. Часть уцелевших книг была вывезена на трофейные склады военных комендатур.

Деятельность М. И. Рудомино и её библиотечной группы в Германии была направлена, во-первых, на поиск и возвращение в Советский Союз книг, вывезенных из советских библиотек нацистскими специальными подразделениями. Большая часть этих книг, в основном из Белоруссии и Украины, находилась в Польше и американской оккупационной зоне Западной Германии. Летом 1945 года американцы передали советской стороне более тысячи ящиков с книгами, вывезенными нацистами из Советского Союза. Во-вторых, на выявление, изъятие и вывоз в Советский Союз нацистской литературы и книжных фондов библиотек, принадлежавших нацистским организациям и учреждениям, военному ведомству, а также книжных коллекций и собраний, находившихся в собственности нацистских и государственных руко-

водителей, промышленников и финансистов, сотрудничавших с ними. Кроме того, должна была быть изъята научная литература, дававшая возможность Германии возродить свой военный научный потенциал. В-третьих, на обследование и подготовку к вывозу книжных фондов некоторых немецких библиотек. В дальнейшем основная работа мамы и библиотечной группы была направлена на выявление мест эвакуации книжных фондов. В-четвёртых, на обследование книг, хранящихся на трофейных складах военных комендатур для отправки в Советский Союз. В-пятых, на обследование издательств, особенно выпускающих книги на иностранных языках, их складов и магазинов. И, в-шестых, на выявление и вывоз в СССР библиотечного оборудования и библиотечной техники. Для проведения такой работы в скором времени была создана техническая база в Берлине и Дрездене...»

Адриан Васильевич совершенно справедливо полагает, что книги, которые М. И. Рудомино пришлось вывозить из Германии в Россию, не стоит рассматривать как трофеи, они и не указывались в ряду предметов репарационных поставок в Советский Союз. Необходимо было прежде всего возместить огромные материальные и культурные потери нашей страны в Великой Отечественной войне...

«Основной принцип при отборе книг для вывоза в Советский Союз, как у Маргариты Ивановны, так и у высших начальников в Восточной Германии, заключался в том, что вывозимые книги должны восполнить наши потери во время войны, но и культурное наследие немецкого народа должно быть сохранено. Маргарита Ивановна понимала, что книги будут нужны Германии для восстановления её культуры, разрушенной фашистами. И когда московское руководство намеревалось вывезти крупнейшую библиотеку Германии – Немецкую библиотеку (Deutsche Bucherei) в Лейпциге, она доказала нежелательность этого... По инициативе мамы два миллиона книг этой библиотеки, эвакуированные в сельскую местность в районе города Хеймница в связи с англо-американскими бомбардировками, были собраны летом 1945 года. И уже в ноябре 1945 года Немецкая библиотека в Лейпциге была вновь открыта. Это была первая научная библиотека, снова открытая в Германии после войны. И немецкие библиотечные деятели понимали, что Маргарита Ивановна сохранила Deutsche Bucherei для Германии, и были благодарны ей. Мама говорила: «Почему немецкие библиотекари хорошо ко мне относятся? Да потому, что я сохранила им Deutsche Bucherei (...)

В целом Маргарита Ивановна пробыла в Германии полтора года, с 6 мая 1945 года по 1 ноября 1946 года. За это время ею и её библиотечной группой было обследовано около 300 немецких библиотек и книжных собраний в 112 городах Германии. Всего было отобрано и вывезено в Советский Союз более одного миллиона томов. Кроме того, в июне 1946 года было отправлено в Советский Союз более 80 тысяч томов, полученных от СВАГ с трофейных складов военных комендатур. Таким образом, по линии Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР, уполномоченным которого по вывозу книг из Германии была Маргарита Ивановна

Рудомино, в 1945–1946 годах было вывезено в Советский Союз около двух миллионов томов.

Уже вскоре привезённые в СССР книги пополнили фонды центральных библиотек, о чём стало известно и сотрудникам этих библиотек, и читателям. Большинство книг представляло научный интерес, но часть литературы, нацистского, милитаристского содержания, почти полвека хранилась в строжайшей тайне. Впрочем, оставалось ещё много работы как с хранением привезённых книжных коллекций, так и с их использованием...»

После войны для Библиотеки иностранной литературы наступил расцвет, «золотой век». Несколько раз меняя адреса, теперь она заняла законное место в самом центре Москвы, на Николоямской улице. Библиотека продолжает оставаться одной из лучших не только в российском, но и в мировом библиотечном сообществе. Она стала одним из крупнейших книгохранилищ страны, научно-библиографическим и методическим центром по работе с зарубежной литературой, центром научно-исследовательской работы в области зарубежного литературоведения, реставрации книги, культурологии, библиографии зарубежной художественной литературы.

Сама же Маргарита Ивановна Рудомино принимала участие в создании журнала «Иностранная литература», ставшего продолжением журнала «Интернациональная литература», участвовала в создании и работе издательства «Иностранная литература». И – огромная общественная работа: она была членом Национальной комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, ИФЛА (Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений) с 1959 года; с 1973-го и пожизненно она была почётным вице-президентом ИФЛА.

Маргарита Ивановна всегда считала несправедливостью такой ранний уход на пенсию («Иностранке» дали нового директора, когда Рудомино исполнилось 73 года). Многие казались ей неисполненными, оставались планы...

Она умерла в 1990 году и похоронена на Донском кладбище Москвы.

В настоящее время Библиотека иностранной литературы имени М. И. Рудомино (это имя присвоено в 1991 году) во главе с Е. Ю. Гениевой (директором ВГБИЛ с 1993 года) ведёт огромную культурно-просветительскую работу во многих городах страны, в том числе и в Саратовской области. Здесь проходят масштабные акции «Большое чтение», привлекающие детей и взрослых, приезжают российские и зарубежные писатели, и в саратовские библиотеки попадают лучшие современные книги.

**Жанна
САПОЖНИКОВА**

ЛЕТОПИСЕЦ ВОЕННЫХ БУДНЕЙ

Экспозиция «Фронтовой дневник» художника Бориса Грицкова» открывает в музее Н. Г. Чернышевского серию выставок, посвящённых семидесятилетию Победы в Великой Отечественной войне.

Борис Алексеевич Грицков – выпускник Саратовского художественно-промышленного техникума 1929 года. Среди учителей Б. А. Грицкова – П. С. Уткин, подпись которого стоит в свидетельстве об окончании техникума.

В 30-е годы прошлого века Грицков работает художником в Доме Красной Армии (Доме офицеров) в Саратове, активно участвует в работе художественно-производственных мастерских, позднее преобразованных в фонд Союза художников СССР.

В июне 1941 года гвардии сержант Б. А. Грицков зачислен в ряды запасного стрелкового полка 5-й Гвардейской армии. Он прошёл всю войну, с 1941 по 1945 год. Его награды – две медали «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны II степени, полученный за создание памятника воинам, павшим в боях за Дрезден (1945 год).

Рисунки, представленные на выставке в музее Н. Г. Чернышевского, – небольшая часть огромного наследия художника, почти заново счастливо открытого в год семидесятилетия Победы искусствоведом Маргаритой Салминой.

Работы Бориса Грицкова разнообразны по технике. На пожелтевших листках бумаги – иногда почти на клочках – запечатлены ежедневные военные будни, виды городов и деревень, дороги войны, лица боевых товарищей, воспоминания о мирной жизни.

Рисунки Грицкова удивительным образом переключают тональность сиюминутного, проходящего, мгновенного

-
- Жанна Георгиевна Сапожникова – заведующая экспозиционным отделом МУК «Музей Н. Г. Чернышевского», организатор выставки «Фронтовой дневник» художника Бориса Грицкова».

в запечатлённое время, в эпическое, летописное повествование. Война предстаёт на рисунках Грицкова как ратный труд, и этого образа не заслоняет её трагическая сторона.

Герои рисунков Грицкова – солдаты войны. В их облике поражает спокойная уверенность в грядущей победе – нет ложного пафоса, нет сказочного богатырства, нет футурологических прогнозов. Эти воины знают, что кровопролитная битва будет завершена – и завершена победой правого дела.

Вспомним, что рисунки относятся и к тем годам, когда исход сражений зачастую был в пользу захватчиков, когда далёк был день, семидесятилетие которого мы празднуем сегодня.

Наследие фронтового художника Грицкова – не плакаты, не листовки, а отображение жизни, которая продолжается и на войне. Эта жизнь включает в себя дни и ночи сражений, наступления и отступления, дороги, ранения и госпитали – и военный быт с его «необыкновенной обыкновенностью». Грицков в своих зарисовках – не художник-баталист, а летописец военных дней и ночей. Человек на войне, который остаётся человеком и в этих условиях – герой картин художника Бориса Грицкова. Поверженные враги – пленные солдаты вермахта после Сталинградской битвы – увиденны глазами именно такого героя, осознающего жалкую участь солдат, пришедших захватить чужую землю, разорить чужую жизнь.

Выставка работ Бориса Грицкова в музее Н. Г. Чернышевского представляет страницы фронтового дневника, впечатления очевидца, точнее, участника великих событий. И символично, что фронтовые рисунки художника Бориса Грицкова вернулись к нам через семьдесят лет после Победы – чтобы помнили.